ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

Книга 5.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

по лицемъ къ лицу узримъ Его, яко же Самъ Онъ въ Себѣ есть“ (1 Кор., 13, 12), какъ точно обѣщаетъ намъ слово Его.

Въ Афинахъ философы смѣялись Павловой проповѣди о воскресеніи мертвыхъ. Ежели философы дерзнули смѣяться премудрой проповѣди премудраго Павла, то почему не можемъ мы смѣяться ихъ смѣху безумному? Ничего тутъ нѣтъ достойнаго смѣха, поелику нѣтъ ничего противнаго здравому разсудку. Положивъ, что Богъ есть всемогущъ (а сію истину, не знаю, кто посмѣлъ бы оспорить); положивъ, что Богъ есть всемогущъ, не остается ничего, чего бы Онъ не могъ сотворить единою волею и мановеніемъ. Да и самое дѣло доказываетъ, что когда Богъ могъ сотворить все изъ ничего, то почему же Онъ не могъ бы не возобновить сотворенное Имъ и еще существующее?

Въ сей здѣшней природѣ Онъ разсыпалъ вездѣ тому ясные и убѣдительные примѣры. Вся природа есть тлѣнна и нетлѣнна: тлѣнна сама по себѣ, ибо есть текущая и перемѣнна; но и нетлѣнна, поелику непрестанно возраждается самою своею перемѣною,— возобновляется и пребываетъ такъ, какъ бы она была неперемѣнна и вѣчна. Почто же единъ изъ всѣхъ тварей, человѣкъ, былъ бы такъ осужденъ, чтобы оставался безъ надежды возобновленія своего и чрезъ то былъ бы презрѣнъ и униженъ паче всякой послѣдней твари?

Сильны сіи доказательства; но паче несомнительно увѣряетъ насъ въ томъ слово Божіе и вѣра; „вѣра“, говорю, которая „есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“ (Евр., 11, 1); то есть, вѣра о вещахъ уповаемыхъ дѣлаетъ въ совѣсти убѣдительное увѣреніе и вещи невидимыя представляетъ предъ очи, яко видимыя.

Но чѣмъ же можно,—думаю, спроситъ кто изъ невѣрныхъ христіанъ,—доказать, что слово Божіе есть точно Божіе слово? На сіе отвѣчаемъ, что никто о какихъ либо истинахъ свѣдѣнія имѣть не можетъ, ежели тому со вниманіемъ и съ прилежаніемъ обучаться не будетъ. Сколько есть наукъ, коихъ не знаютъ не учившіеся, да еще по незнанію и враками ихъ почитаютъ? Но они же, когда поучатся и поймутъ, тогда съ радостію пріемлютъ оныя истины и сами себя осуждаютъ за прежнее свое невѣжество.

И ты убо, дабы увѣриться въ истинѣ Божія слова, иди въ училище Христово, вникни со всякимъ вниманіемъ въ тайны Божіи, приложи трудъ и прилежаніе; а паче непрестанною молитвою призывай Отца свѣтовъ, да откроетъ тебѣ умъ разумѣти Его Писанія. Притомъ, непремѣнно потребно имѣть чистую совѣсть и безпристрастную жизнь со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ Богу: ибо „чистіи сердцемъ, тіи Бога узрятъ“ (Матѳ., 5, 8). Тогда-то возсіяетъ въ твоей душѣ оный „свѣтъ, чже во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ“ (Іоанн., 1, 5). Аминь.

Слово въ недѣлю двадесять третію *).

Нынѣ чтенное Евангеліе описало намъ страданіе и исцѣленіе человѣка бѣснуемаго. Бѣсованіе въ человѣкѣ есть, когда его мысль помрачена и разстроена, а духъ развращенъ и мятеженъ. При таковомъ страшномъ разстройствѣ мысли и сердца нельзя, чтобы, по тѣсному между ними союзу, и тѣло осталось спокойно: оно также должно быть превращено и въ волненіи.

Тѣло тогда все колеблется и трясется, очи искривлены и взоръ ихъ дикъ, языкъ смущенъ и препинается, уста яко огнемъ возжены, лице яростно и багрово, руки—въ непостоянномъ и къ убійству склонномъ напряженіи, гласъ, или паче, вопль—не человѣческій, но звѣрскій. Глава, яко съ основанія своего совращенная, кружится и кидаетъ грозное на всѣхъ стремленіе. Словомъ, изъ человѣка дѣлается онъ ужаснымъ страшилищемъ и лютѣйшимъ паче всякаго звѣря: никто къ нему приблизиться не смѣетъ: ибо всякъ боится отъ него растерзанъ быть. Стоятъ сродники, и ближніе сожалѣютъ, плачутъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, его вяжутъ и приковываютъ, остерегая и себя и другихъ и самого его отъ крайняго вреда.

Объяснять, сколь таковое состояніе человѣка есть бѣдственно и несчастливо, я нужды не имѣю: довольно оно видно изъ одного вышесказаннаго описанія сей мучительной болѣзни. Скажу то только, и скажу утвердительно, что никакъ нельзя быть въ тѣлѣ таковому страданію и превращенію, развѣ когда мысль разстроена и сердце мятежно. Ибо никакъ нельзя понять, чтобы мысль была въ цѣлости своего просвѣщенія и разсудка, а сердце было бы спокойно и мирно, и совѣсть ничѣмъ не угрызаема; никакъ нельзя, чтобы тѣло тогда было столь разстроено и толикому страданію подвержено. Душа здрава и тѣло здраво. А хотя и случаются въ человѣкѣ болѣзни и при душѣ здравой, но оныя болѣзни суть не такого рода, и при душѣ здравой бываютъ онѣ сноснѣе, поелику духъ, совѣстію не мучимый, или ихъ облегчаетъ здравымъ разсудкомъ и упованіемъ на Бога, или сноситъ ихъ великодушно; притомъ же всякаго возбуждаетъ къ сожалѣнію о немъ и заставляетъ подавать ему возможную помощь. А бѣсованіе есть болѣзнь, или страданіе совсѣмъ инаго рода. Рѣдко въ человѣкахъ мы видимъ такія страданія.

Рѣдко! Должны бы, мы почесть сіе счастіемъ нашимъ и благословеніемъ Божіимъ; но что, ежели мы осмѣлимся сказать, когда видимъ

*) Говорено въ Вифаніи, въ 1805 году.

то часто,—и весьма часто видимъ и не признаемъ ни мы, ни самъ страждущій. Ибо бѣснованіемъ самая справедливость велитъ почитать всѣ тѣ дѣйствія человѣческія, которыя происходятъ отъ мысли помраченной и развратнаго сердца,—отъ совѣсти, не чувствующей страха Божія.

Принявъ сіе положеніе, о, коль много найдемъ мы ежеденно бѣснуемыхъ! Когда судія продастъ правду, муча невиннаго, и повергаетъ его бѣдствію,—онъ тогда бѣснуется. Когда жадно кто ищетъ корысти и обогащенія, не полагая тому ни мѣры, ни конца,—онъ тогда бѣснуется; а когда еще съ нарушеніемъ правды и съ обидою другихъ, то и зѣло бѣснуется, и едва ли въ немъ не—легіонъ нечистыхъ духовъ. Кто потопляетъ себя въ сладострастіи, не храня ни стыда, ни здравія, ни совѣсти,—тотъ бѣснуется; а если еще съ нарушеніемъ ближняго супружескаго ложа, то и зѣло таковый бѣснуется, и въ немъ—бѣсовъ легіонъ. Кто единственно помышляетъ о возвышеніи своемъ, и какимъ бы то ни было, хотя подлѣйшимъ, образомъ, да и то, чтобы попирать ногами всѣхъ ему подверженныхъ, а не пользовать ихъ,—тотъ бѣснуется. Кто такъ сребролюбивъ и скупъ, что отъ великаго имущества ни мало не помогаетъ, видя предъ очами своими страждущихъ, яко Евангельскій богачъ Лазаря,—тотъ бѣснуется. Кто гнѣвливъ зѣльно и въ гнѣвѣ творитъ много безчинствъ, съ оскорбленіемъ другихъ и съ собственнымъ своимъ терзаніемъ,—тотъ бѣснуется.

Многихъ видимъ мы бѣснуемыхъ: ибо всякая страсть, всякій порокъ и грѣхъ не можетъ быть, развѣ когда мысль превратится, и сердце съ праваго пути соблудитъ. Видимъ мы таковыхъ бѣснуемыхъ,—видимъ, но не признаемъ. Ибо по наружности видимъ ихъ здравыхъ и не страждущихъ такъ, какъ въ Евангеліи поминаемый бѣснуемый: такъ почему же ихъ почитать за бѣснуемыхъ? Мы не такъ расположены, чтобы не благодарить Бога, что благодѣтельная Его десница удерживаетъ ихъ внутреннее бѣсованіе души, дабы оно не сообщило свою заразу и тѣлу ихъ. Сіе отнесемъ къ судьбамъ Божіимъ, хотя не можемъ удержаться, чтобы съ Апостоломъ не сказать: „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка творящаго злое“ (Римл., 2, 8).

Но желаю я, вкупѣ съ вами, взойти въ размышленіе, кто счастливѣе: тотъ ли, кто и духомъ и тѣломъ бѣснуется; или кто только бѣснуется однимъ духомъ, а тѣло отъ того страданія свободно? Безъ сумнѣнія, всякъ изъ васъ скажетъ: „сохрани Богъ, чтобы бѣсноваться не только духомъ, но и тѣломъ; таковое страданіе было бы сугубое и несравненно мучительнѣе, нежели только бѣсованіе одного духа“. Бѣсованіе духа есть людямъ непримѣтно; да и самъ тако бѣснуемый не только сего не чувствуетъ, но и не признаетъ, а бѣсованіе тѣла мучитель-

но не только для самого страждущаго, но и другихъ всѣхъ приводитъ въ страхъ и ужасъ.

И я желалъ бы быть такого мнѣнія, но принуждаюсь думать, что бѣсованіе одной души, безъ бѣсованія и страданія наружнаго тѣла, едвали не есть несноснѣе и опаснѣе. Всякій, мню я, признаетъ, что бѣсованіе, прямо сказать, есть одной души безъ тѣла: ибо бѣсованіе души есть причина, что мучится и тѣло. Тѣло само собою не грѣшитъ, ибо есть только машина души; а страдаетъ тѣло, когда бѣснуется душа. Сравнимъ же теперь бѣснуемыхъ только духомъ, тѣло коихъ остается безъ всякаго страданія,—сравнимъ съ тѣми бѣснуемыми, кои страждутъ и духомъ и тѣломъ.

Бѣснуемые тѣломъ и духомъ возбуждаютъ во всякомъ сожалѣніе о нихъ и склоняютъ всѣхъ подавать имъ возможную помощь: ибо страданіе ихъ бываетъ хотя по праведнымъ, но неиспытаннымъ судьбамъ Божіимъ; но нѣтъ ихъ въ томъ воли и произволенія. Кто таковымъ мучительнымъ образомъ захочетъ самъ страдать? Но бѣснуемые духомъ страждутъ произвольно и не только сами на себя охотно наводятъ сіе мученіе, но нѣкоторымъ образомъ еще и услаждаются имъ. Бѣснуемый, напримѣръ, сребролюбіемъ, или похотію, или гордостью не чувствуетъ своего бѣсованія, но еще находитъ въ немъ свое удовольствіе. Кто же о нихъ сожалѣть будетъ? Всякъ добрый отвращается ихъ, ненавидитъ, даже проклинаетъ, что они охотно отдаютъ себя таковому бѣсованію, и еще находятъ въ томъ удовольствіе, и онаго избавиться не желаютъ, котораго тотчасъ избавились бы, если бы только восхотѣли. А таковое отвращеніе всѣхъ отъ нихъ и проклинаніе должно заставить каждаго думать, что ихъ бѣсованіе есть несчастливѣе, нежели бѣснуемыхъ и духомъ тѣломъ.

Духомъ и тѣломъ бѣснуемые сами только страждутъ, а никому вреда причинить не могутъ. Ибо ежели они иногда вредятъ и другому, но непроизвольно, и то могутъ уязвить одно тѣло, ежели кто не предостережетъ себя; но не могутъ вредить душѣ, а, напротивъ, нѣкоторымъ образомъ душу каждаго пользуютъ. Ибо, взирая на таковое страданіе, человѣкъ можетъ придти въ умиленіе, помыслить о своихъ грѣхахъ, и истиннымъ покаяніемъ въ нихъ и удаленіемъ отъ нихъ можетъ отвратить отъ себя гнѣвъ Божій. Но бѣснуемый только духомъ, о, колико вреда, колико бѣдствія можетъ причинить всѣмъ! Ибо его бѣсованіе только въ томъ и состоитъ, чтобы умножить свою мнимую пользу и насыщать свое мечтаніе на счетъ другихъ, или съ соблазномъ ихъ. со вредомъ и разореніемъ. И трудно въ томъ предостеречь себя отъ него: ибо по наружности, кажется, онъ не опасенъ, пріятенъ, друженъ; но все лукавство въ мысли, а въ сердцѣ злоба суть со кровенны. Какъ

же его предостеречься? „Ловитъ въ тайнѣ, яко левъ во оградѣ своей, ловитъ еже восхитити нищаго, и, егда привлечетъ его въ сѣти своей, смиритъ его“ (Псал., 9, 30 и 31).

Бѣснуемый духомъ и тѣломъ, терпя таковое страданіе, даетъ намъ помыслить, что не есть ли сіе Божіе милосердіе къ нему: ибо, хотя очистить его отъ грѣховъ и облегчить его судьбу наказанія въ вѣчности, Онъ насылаетъ на него сіе страданіе. Симъ временнымъ и краткимъ наказаніемъ грѣховъ его правда Божія будетъ удовольствована, и судъ обратится на милость. Но бѣснуемый только духомъ, а не тѣломъ, носитъ на себѣ и всѣмъ показываетъ явные знаки гнѣва Божія на него: ибо Богъ какъ бы забылъ его и яко нерадитъ, чтобы какимъ-либо чувствіемъ привести его въ раскаяніе и исправленіе. Забыть его и нерадѣть о немъ Богъ не можетъ; но видно, что благодать Божія въ его ожесточенномъ сердцѣ не находитъ никакого мѣста къ принятію, никакой надежды къ исправленію; и потому „оставляетъ домъ его пустъ“ (Дѣян., I, 20) и одно жилище бѣсовъ.

Представьте себѣ двухъ сыновъ единаго отца: оба они развратны. Но одного изъ нихъ отецъ наказываетъ и употребляетъ всѣ способы, даже наказательные, чтобы его исправить и на путь правый привести; а другого совсѣмъ оставляетъ и попускаетъ ему жить по волѣ своей, по прихотямъ своимъ. Кто изъ сихъ двухъ счастливѣе? Конечно, первый, а не второй: первый не лишенъ отеческой любви и попеченія, и потому подаетъ надежду исправленія; а второй можетъ почитаться яко назначенный на погибель.

Бѣснуемый духомъ и тѣломъ удобнѣе можетъ быть исцѣленъ отъ Врача душъ и тѣлесъ: бѣснованіе его духа страданіемъ тѣла какъ бы облегчается и очищается. А не имѣя по бѣснованію воли и произволенія, не имѣетъ и ожесточенія и сопротивленія Богу: весь остается въ волѣ, управляющаго судьбами всѣхъ тварей, Бога. Богу свободно оказать ему Свое милосердіе, когда съ его стороны нѣтъ никакого противъ того препятствія, или сопротивленія. А мучительное страданіе его тѣла приводитъ всѣхъ въ сожалѣніе и заставляетъ молиться о немъ Богу, чѣмъ отеческая и человѣколюбивая утроба можетъ быть подвижена къ помилованію, такъ же, какъ и открылось на нынѣ исцѣленномъ бѣснуемомъ. Но бѣснуемаго однимъ духомъ не только не удобно, но, смѣю сказать, и не можно исцѣлить Богу, по оному, всѣми за истинное признаваемому, слову, что „Богъ могъ создать насъ безъ насъ, но не можетъ спасти насъ безъ насъ“. Отъ бѣснуемаго духомъ требуется его произволеніе, его согласіе; требуется, чтобы въ своихъ грѣхахъ онъ принесъ истинное покаяніе, оставилъ бы свои страсти, положилъ бы твердое намѣреніе отстать отъ нихъ и паки къ нимъ не

возвращаться. Но сего отъ бѣснуемаго духомъ, какъ бѣснуемаго, и доколѣ свое произвольное бѣсновеніе не отложитъ, ожидать трудно. А потому Божіе, хотя безконечное, милосердіе остается безъ дѣйствія. Стоитъ Врачъ при дверяхъ сердца его и толкаетъ въ нихъ, да отверзутся, но не отверзаются; и такъ, по многомъ долготерпѣніи, Врачъ отходитъ скорбя, а больной умираетъ.

Смотрите вы на фарисеевъ. Бѣснуемаго и духомъ и тѣломъ Христосъ исцѣляетъ; а фарисеи, бѣснуемые завистію, злобою, лицемѣріемъ и сребролюбіемъ, остаются неисцѣлены въ бѣсованіи; да не только въ бѣсованіи своемъ умираютъ и погибаютъ, но еще, движимые тѣмъ же бѣсованіемъ, и самого Врача, къ нимъ для исцѣленія съ небеси посланнаго, умерщвляютъ и распинаютъ. Таково-то есть едино бѣсованіе души! И вы могли видѣть, сколь оно несчастнѣе и пагубнѣе, нежели бѣсованіе духа и тѣла.

Сказали мы прежде, что бѣснуемыхъ духомъ и тѣломъ мало гдѣ случится намъ видѣть; но бѣснуемыхъ только духомъ едва ли не исполнена земля, и мы сами едва ли отъ сего недуга совсѣмъ свободны.

Что же намъ дѣлать? что дѣлать? Се—свиніи! Изъ бѣснуемаго вышли бѣсы и вошли во свиніи; и свиніи возбѣсились и утонули. Ты—человѣкъ, а не свинія. Ты—христіанинъ, и выше человѣка. Оставь сіе бѣсованіе свиніямъ; нечистыя животныя пусть будутъ жилище нечистыхъ духовъ. Порочныя страсти не суть свойства души, по образу Божію созданной; но суть свойства нечистыхъ животныхъ. Изжени ихъ отъ себя, яко не свойственныхъ тебѣ. Почто тебѣ столь унижать благородство свое и изъ человѣка, даже изъ христіанина, дѣлать себя свиніею? Пусть бѣсы живутъ въ бѣснуемыхъ, яко, судя по нечистому своему житію, въ свиніяхъ; а ты соблюди человѣчество. Ты возносись выше человѣчества, ты приближайся къ Богу, да и моли Его непрестанно не о себѣ токмо, но и о всѣхъ бѣснуемыхъ, да исцѣлитъ ихъ всесильнымъ словомъ Своимъ. Аминь.

Слово въ недѣлю двадесять четвертую *).

Евангеліе почти непрестанно поминаетъ намъ о больныхъ и объ исцѣленіи ихъ. Съ одной стороны, сіе заставляетъ насъ оплакивать нашего естества немощь и бѣдствіе; съ другой—прославлять человѣколюбиваго и безмезднаго Врача, не только болѣзни исцѣляющаго, но даже и мертвыхъ воскрешающаго.

---

*) Говорено въ Виѳаніи, въ 1805 году.

Но при семъ-то приходитъ мнѣ на мысль, что Господь Іисусъ исцѣлялъ болѣзни тѣлесныя, яко-то разслабленныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ и другими различными болѣзнями одержимыхъ. Ежелибы Онъ только исцѣлялъ болѣзни тѣлесныя, не долженъ бы быть почтенъ, какъ только славнымъ и благодѣтельнымъ врачемъ; и сія слава была бы смѣшана и съ другими искусными врачами, и тѣмъ бы уменьшена была. Но что изъ того далѣе пользы? Могъ бы больной подверженъ быть паки той же или и другой, да и тяжчайшей болѣзни; или по крайней мѣрѣ, сколько ни лѣчить, а, наконецъ, не миновалъ бы смерти. Итакъ, исцѣленный больной могъ бы чрезъ то получить продолженіе кратчайшаго времени краткой сей жизни; но смерти, къ коей ведутъ всѣ болѣзни, и единственно для отвращенія коей мы желаемъ врачевать болѣзни,—по смерти со всѣмъ тѣмъ никакъ избѣжать не могъ бы.

Въ семъ ли убо единомъ состояло Христово исцѣленіе больныхъ? О! нѣтъ. Онъ, исцѣляя тѣло, наипаче стремился исцѣлять душу; исцѣляя болѣзни тѣлесныя, исцѣлялъ болѣзни душевныя. И для того, исцѣляя больныхъ, Христосъ всегда начиналъ Свое Божественное врачеваніе симъ важнымъ изреченіемъ: „Отпущаются тебѣ грѣси твои“ (Матѳ., 9, 2). Кто изъ врачей человѣковъ произноситъ таковыя слова? Ему грѣхи больного и на умъ не приходятъ. Онъ разбираетъ все сложеніе тѣла, удареніе крови, сколь великъ жаръ отъ того; примѣчаетъ, каково положеніе внутреннихъ частей тѣла, нѣтъ ли гдѣ въ нихъ какого поврежденія, и изыскиваетъ, отъ чего приключилась болѣзнь; и потому употребляетъ, по мнѣнію своему, врачевства, чтобы облегчить, или и исцѣлить болѣзнь, хотя нерѣдко случается, что никакого изъ того не выходитъ отъ болѣзни облегченія. А иногда отъ тѣхъ самыхъ лекарствъ больной приходитъ въ горшее состояніе, такъ же, какъ нынѣшнее Евангеліе о женѣ страждущей кровотеченіемъ точно говоритъ, что въ сей болѣзни была двѣнадцать лѣтъ. „Яже врачемъ издавши все имѣніе, и не возможе ни отъ единаго исцѣлѣти“ (Лук., 8, 43).

Но имѣніе все потеряла, а здравія не возвратила. И должно ошибаться врачамъ: ибо они анатоміи души не дѣлаютъ и до себя принадлежащимъ то не почитаютъ, да и дѣлать не могутъ; то есть, какими грѣхами больной отяготилъ себя, какимъ страстямъ подвергъ себя, какая въ немъ ихъ сила и дѣйствіе, къ чему болѣе наклонены воля его и склонности; въ сіе входить врачъ почитаетъ не принадлежащимъ до себя. А ежели бы и входилъ, то какъ ихъ уврачевать и истребить, совсѣмъ бы недоумѣвалъ и приступить къ тому не дерзнулъ бы, почитая себя довольно счастливымъ, ежелибы успѣлъ въ исцѣленіи единой тѣлесной болѣзни: ибо за сіе получилъ бы единую и довольную награду, и отъ всѣхъ почтенъ былъ бы отличнымъ прославленіемъ.

Но небесный Врачъ, Спаситель нашъ совсѣмъ былъ не таковъ. Онъ прежде приступалъ къ исцѣленію болѣзней душевныхъ, а изъ того послѣдовало исцѣленіе и болѣзней тѣлесныхъ; останавливалъ прежде нечистый источникъ, а чрезъ то останавливались и скверные потоки; исторгалъ прежде вредоносный корень, а чрезъ то сами собою изсыхали и ядотворныя вѣтви. „Чадо! отпущаются тебѣ грѣси твои“.

Однако, въ семъ чудотворномъ Христовомъ исцѣленіи нѣкоторымъ образомъ соблюденъ былъ и естественный порядокъ. Сколько бы врачъ ни искусенъ былъ, но, ежели больной врача не призываетъ, или призвавъ не принимаетъ его лѣкарствъ, онъ излѣчиться не можетъ, хотя къ исцѣленію его врачевства и были бы дѣйствительны. То же видимъ мы и во врачеваніяхъ Христовыхъ. Онъ не иныхъ исцѣлялъ, развѣ, которые къ Нему приходили и умоляли Его, или Его къ себѣ призывали; но еще нѣсколько себя къ тому расположили и предуготовали.

Чѣмъ расположили и предуготовали? чѣмъ?—Вѣрою, вѣрою несомнительною, горячею и вседушевною. Сіе видимъ мы изъ свидѣтельства Самого небеснаго Врача, что Онъ ихъ вѣру и признавалъ и похвалялъ, даже какъ бы удивлялся великой вѣрѣ ихъ. „О жено! велія вѣра твоя“ (Матѳ., 15, 28); „ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ“ (Тамъ же, 8, 10). А безъ сего вся Божественная Его сила не дѣйствовала, и Его человѣколюбивая десница была отъ исцѣленія удерживаема. Евангеліе ясно объявляетъ, что когда Господь пришелъ въ нѣкоторый градъ, гдѣ хотя много было больныхъ, но никакой въ нихъ вѣры не было, посему никто и не исцѣленъ. „И не сотвори ту силы многи, за невѣрствіе ихъ“ (Матѳ., 13, 58).

Но и поистинѣ зѣло потребна тутъ вѣра. Ежели бы только дѣло было о исцѣленіи тѣлесныхъ болѣзней, тутъ немного бы нужна была вѣра: лѣчатъ и связанныхъ и ума лишенныхъ. Но, гдѣ надлежитъ врачевать душу, тамъ никакъ не можетъ послѣдовать исцѣленіе, гдѣ душа или связана невѣріемъ, или лишена всякаго добраго произволенія и расположенія. Надобна вѣра, и вѣра чистая, просвѣщенная, сердечная. И потому, когда небесный Врачъ примѣчалъ въ нѣкоторыхъ больныхъ вѣру, но слабую, то, чтобы въ нихъ оную умножить, вопрошалъ: „Вѣруеши ли, яко могу сіе сотворити“ (Тамъ же, 9, 28)? Симъ вопрошеніемъ Онъ возбуждалъ и возжигалъ ихъ вѣру такъ, что они на сіе отвѣтствовали: „Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“ (Марк. 9, 24).

Вѣра сія состояла въ душевномъ познаніи единаго истиннаго Бога и Его Божественнаго Посланника, во всеконечномъ отвращеніи отъ своихъ заблужденій, въ признаніи своихъ грѣховъ, и—что ихъ покаяніе можетъ быть принято и получитъ отпущеніе грѣховъ, не по дѣламъ своимъ и не по силѣ единаго раскаянія; но единственно по милосер-

дію Божію и благодати Христовой. Таковая-то потребна вѣра для исцѣленія душевнаго! О сей-то вѣрѣ сказалъ Спаситель: „Не бойся, токмо вѣруй“ (Марк., 5, 36). Тягость грѣховъ твоихъ велика, и душа твоя къ исцѣленію совсѣмъ безнадежна; но отложи боязнь,—и ты будешь исцѣленъ и спасенъ: ибо вижу Я въ тебѣ вѣру чистую и сердечную. Она сильна привлечь къ себѣ благодѣтельную десницу Божію, къ уврачеванію тяжкаго заблужденія твоего, и поставить тебя на путь правый, на путь грѣшниковъ оправданныхъ и даже присвоенныхъ Ему въ чада Божіи. „Дерзай, дщи“, сказалъ Спаситель женѣ кровоточивой; а когда „дщерь“, то уже—не плѣнница діавола и ада, но дщерь Моя, ты—своя у Бога. „Вѣра твоя спасе тя“ (Мато., 9, 22).

Можемъ ли и мы подражать въ томъ Христу, то есть, чтобы стараться не только объ исцѣленіи болѣзней тѣлесныхъ, но и болѣзней душевныхъ? Не въ той силѣ я говорю, чтобы могли мы уподобиться силѣ Христовой, которая была всемогуща и все свое дѣйствіе совершала единымъ словомъ; но сколько возможно намъ, человѣкамъ, при содѣйствіи Его же помощи. Не только можемъ подражать въ томъ Христу, но и непремѣнно должны: сему не только насъ научаетъ примѣръ Христовъ, но и побуждаетъ насъ къ тому самый разсудокъ. Ежели лѣчить болѣзни тѣлесныя, а нимало не думать о томъ—отъ чего болѣзни тѣлесныя приключаются,—таковый трудъ и, иждивеніе немного будутъ полезны. Лѣченію таковому конца не будетъ; сколько ни излѣчишь больныхъ, они не только не уменьшатся, но непрестанно болѣе и болѣе будутъ умножаться.

Вѣдаю, что многія больницы устрояются для излѣченія болѣзней тѣлесныхъ. И сіе дѣло есть похвально и благочестиво: увѣряетъ оно, что учредители тѣхъ имѣютъ душу благочестивую и сострадательную. Но должны таковые учредители помыслить и о томъ, чтобы не только исцѣлять впадшихъ въ разныя болѣзни, но чтобы и предупреждать таковое несчастіе, уменьшать болѣзненныхъ и не допускать распространяться сему несчастію.

Какъ же сему злу помочь? какъ? Всѣ христіане, а паче христіанское правительство, должны употреблять всевозможное и ревностное стараніе, чтобы нравы народные исправить и въ нихъ зло, болѣзни производящее, всевозможно истреблять. А для сего потребно, чтобы во всѣхъ насаждать страхъ Божій и утверждать истинное благочестіе. Страхъ Божій, говорю: ибо онъ есть начало премудрости. Страхъ Божій, основанный на истинномъ благочестіи, просвѣтитъ мысль и поставитъ сердце на путь правый; онъ насадитъ въ душѣ любовь къ Богу и любовь къ ближнему. Сіи великія и священныя начала, въ сердцѣ насажденныя, не только исправятъ душу каждаго, но и возжгутъ въ ней истин-

ную ревность, чтобы и ближняго исправить, и его изъ заблужденія или вывести, или не допустить до онаго. Чувствующій въ себѣ страхъ Божій и благочестіемъ истиннымъ руководимый, будетъ прилежно остерегаться всего того, что противно любви Божіей и любви ближняго. Будетъ остороженъ во всѣхъ поступкахъ своихъ: страсти всякія всемѣрно будетъ укрощать, будетъ трудолюбивъ и избѣгать праздности и нѣги, какъ источника разслабленія душевнаго и тѣлеснаго, будетъ остерегаться отъ сладострастія, причиняющаго различныя болѣзни; не станетъ отягощать себя излишними заботами корыстолюбія: ибо онѣ изсушаютъ и изможданотъ силы тѣлесныя; будетъ удаляться отъ роскоши, ибо она бываетъ причиною многихъ болѣзней, да и истощаетъ имѣніе, а истощеніе такое не только приводитъ въ уныніе и отчаяніе, изъ коихъ произойдутъ многія болѣзни, но отъиметъ всѣ средства, чтобы помогать ближнему въ болѣзняхъ его. Страхомъ Божіимъ руководимый будетъ удерживать гнѣвъ, зависть, излишнее честолюбіе, невоздержаніе, піянство и всякую страсть; а черезъ то предостережетъ себя отъ многихъ болѣзней, кои всѣ раждаются отъ страстей, когда имъ дать волю и страхомъ Божіимъ и разсудкомъ не обуздывать.

Положивъ такового добраго человѣка и христіанина истиннаго, будетъ ли въ немъ сіе святое сѣмя безплодно? Имѣя сердце возженное любовію къ Богу, будетъ ли онъ не любить ближняго? ограничитъ ли себя тѣмъ, чтобы только самому хранить добродѣтель; а на другихъ будетъ смотрѣть, нимало не трогаясь, какъ бы они ни жили? Будучи въ поступкахъ своихъ благоразуменъ и во всемъ порядоченъ, не возревнуетъ ли онъ, чтобы и другихъ безчинныхъ привести на таковый истинный и благоразумный путь? Если бы сіе въ добродѣтельномъ христіанинѣ быть могло, нельзя бы еще почесть его прямо добродѣтельнымъ: сіе было бы служить и Богу и Ваалу, хромать на оба колѣна и не быть утвержденному въ любви къ Богу. Какъ возможно, чтобы добрый человѣкъ и христіанинъ пекся токмо объ исцѣленіи болѣзни тѣлесной ближняго своего; а пренебрегалъ бы исцѣленіе его души, то есть, стараться истреблять тѣ страсти, отъ коихъ происходятъ сіи болѣзни? Въ такомъ случаѣ было бы и стараніе безполезно, и иждивеніе напрасно. Лѣчить больныхъ, а причину болѣзней не истреблять, сіе бы было только умножать больныхъ и не только не поставлять имъ никакихъ преградъ, но еще какъ бы довольствоваться тѣмъ, что больные непрестанно умножаются.

Можемъ ли мы почесть благоразумнымъ того, который очищалъ бы прилежно текущій потокъ отъ всякой нечистоты, а ни мало бы не очищалъ источникъ, изъ коего течетъ сія нечистота? Всуе будетъ рудъ его, и благоразумные тому только посмѣются. Добродѣтелію по-

буждаемый, все тщаніе прилагаетъ объ исцѣленіи ближняго отъ болѣзней тѣлесныхъ; но если онъ не помышляетъ объ исцѣленіи его болѣзней душевныхъ, подаетъ подозрѣніе на свою добродѣтель, не дѣлаетъ ли онъ то по единому тщеславію, а не по прямой любви къ ближнему. Я, положимъ, благочестивъ; какъ могу терпѣть, чтобы другіе были въ заблужденіи,—и не употребить всевозможнаго тщанія, чтобы вывести его изъ заблужденія погибельнаго? А ежели я не думаю о томъ и, какъ бы кто ни вѣрилъ, почитаю то до себя не принадлежащимъ,—подаю прямое подозрѣніе, что я въ своей вѣрѣ не твердъ, и истиннаго благочестія, а потому прямой любви къ ближнему, во мнѣ нѣтъ.

Добрый христіанинъ! пекись объ исцѣленіи болѣзней тѣлесныхъ ближняго своего; но еще болѣе пекись объ исцѣленіи болѣзней его душевныхъ, и изсушай вредный источникъ болѣзней. Черезъ сіе уподобишься ты Самому Христу, Который не только исцѣлялъ болѣзни тѣлесныя, но прежде исцѣлялъ болѣзни душевныя, и черезъ то творилъ всего человѣка здравымъ, и по тѣлу и по душѣ. Аминь.

Слово на день Рождества Христова *).

На сей день праздника нашего, Павлова Апостольская труба велегласно вопіетъ: „Велія благочестія тайна! Богъ явися во плоти“ (1 Тим., 3, 16). Радуйся, земля, яко посѣтилъ тебя Сотворивый тя. Веселися, человѣческій родъ, яко явился Онъ тебѣ въ самомъ видѣ человѣчества твоего, и твое тлѣнное и ничтожное естество столь тѣсно соединилъ съ Собою, что сталъ въ Божественномъ и человѣческомъ естествѣ едино лице, единъ Богочеловѣкъ.

Являлся Онъ многократно человѣку въ человѣческомъ видѣ, якоже, скоро по паденіи искалъ въ раю согрѣшившаго человѣка и вопіялъ: „Адаме, гдѣ еси“ (Быт., 3, 10)? И потомъ являлся въ различныхъ видахъ, какъ-то въ лицѣ или человѣка, или ангела; или и въ неодушевленныхъ вещахъ, какъ-то въ купинѣ, въ столпѣ облачномъ и огненномъ, и въ прочихъ подобныхъ многихъ,—что видно изъ слова Божія. Но всѣ сіи явленія были временныя, по случаямъ, устроеннымъ Его премудростію, и благоволительнымъ промышленіямъ о нашемъ спасеніи. А потому они, по исполненіи Его святѣйшей воли, проходили и съ Нимъ во единъ неразлучный союзъ навсегда соединены не были.

Но какое въ нынѣшній день празднуемъ мы явленіе Божіе во плоти, Богъ благоволилъ чрезъ него столь соединиться съ нашимъ

*) Говорено въ Троицѣ-Сергіевой лаврѣ, въ 1805 году.

естествомъ, что присвоилъ оное Себѣ навсегда; облекся въ него „пріискрениѣ“, какъ говоритъ Апостолъ: облекся въ него, яко въ ризу, для Него дорогую, облекся, и въ сей одеждѣ сѣдитъ на престолѣ славы, и будетъ сѣдѣти, доколѣ всѣхъ избранныхъ Своихъ не совокупитъ съ Собою, яко Главою ихъ, и будетъ съ ними царствовати во вѣки, услаждаясь соединеніемъ съ Собою членовъ Своихъ, а члены веселиться будутъ о Главѣ своей, ставъ причастниками Его Божества.

Но сіе явленіе Божіе во плоти нашей, можетъ причинить нѣкоторое сумнѣніе, неутвержденной истиннымъ просвѣщеніемъ, мысли и подать случай къ неосновательному мудрованію. Какая нужда являться Ему во плоти нашей и открываться Ему во внѣшности, предъ тѣлесныя очи наши? Богъ есть Духъ чистѣйшій и святѣйшій. Отъ сего святѣйшаго Духа возжегъ Онъ духъ и въ насъ: сей духъ, оживляющій нашу плоть, который есть преимущественная часть состава нашего, или паче, составляетъ существо человѣка; а плоть только есть орудіе, оживляемое и движимое симъ духомъ. Все Божіе премудрое намѣреніе и преблагое промышленіе клонится къ тому, дабы возродить и освятить духъ. Сіе и свойственнѣе Духу Божію, дабы, какъ во всѣхъ тваряхъ, такъ наипаче въ человѣкѣ, всю благодатную работу свою обратить на духъ. Что нужды до внѣшней и видимой плоти, когда возродится и освятится духъ? Слѣдствіе сего изліется и на плоть. Ужели не возможно было Богу Духомъ Своимъ, вездѣсущимъ и вседѣйствующимъ, устроить возрожденіе и освященіе духа нашего, не являясь во плоти нашей? Вся сила—во внутренности: внѣшность или не столько нужна, или и излишня. Чтобы сіе сумнѣніе рѣшить, неутвержденныя мысли утвердить и смѣлую ихъ вольность удержать,—призвавъ Духа Святаго, по возможности нашей, взойдемъ въ сіе разсужденіе.

Богъ составилъ человѣка изъ души и тѣла. Сіи суть его части существенныя. Ни душа безъ тѣла, ни тѣло безъ души въ человѣкѣ быть не могутъ; и хотя душа есть превосходнѣйшая часть человѣка, нежели тѣло, однако человѣкъ не можетъ состоять изъ одной души безъ тѣла. Тѣло есть орудіе души,—орудіе, но столь нужное, что и сама душа никакихъ почти своихъ дѣйствій открыть и произвести безъ тѣла не можетъ. Сіе особенно мы видимъ въ младенцѣ: когда укрѣпляются его члены тѣлесные, тогда и душа болѣе открываетъ свои разумѣнія и душевныя чувствія. Когда человѣкъ придетъ въ возрастъ, ежели его поразятъ болѣзни, особливо въ мозгу, яко сѣдалищѣ разума, тогда душа какъ бы сокрывается и свои разумѣнія какъ бы теряетъ, или по крайней мѣрѣ открыть и изъявить ихъ бываетъ не въ силахъ.

По таковому тѣсному союзу между духомъ и тѣломъ, духъ распоря-

жаетъ, или долженъ распоряжать дѣйствіями тѣлесными; однако, и тѣло своими чувствами и своими внѣшними прелестями можетъ распоряженіе духа остановить и разстроить и, свергнувъ его съ высоты престола, привлечь къ своей низкости.

Загляднемъ мы только въ рай. Можетъ ли человѣкъ быть просвѣщеннѣе и духомъ непорочнѣе, какъ были Адамъ и Ева, когда только что вышли они изъ рукъ премудраго и преблагаго Создателя? Но что тотчасъ воспослѣдовало?—тѣлесныя чувства преодолѣли силу разума, и внѣшность разстроила внутренность. Свѣтъ разума помрачился, и непорочность сердца развратилась такъ, что уже въ нихъ духъ какъ бы совсѣмъ исчезъ,—и обратились въ одну плоть, по свидѣтельству Самого Творца ихъ; Онъ даже раскаялся, „яко сотвори человѣка: не имать“, говоритъ, „духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, занѣ суть плоть“ (Быт., 6, 7 и 3). Столько-то сильно есть дѣйствіе плоти надъ духомъ! И не духъ, какъ должно было, покорилъ себѣ плоть; но плоть взяла верхъ надъ духомъ такъ, что самого его почти обратила въ плоть. Сіе видимо намъ, ибо всегда и самымъ опытомъ видимъ мы. „Не еже хощу, сіе творю; но, еже ненавижу злое, то содѣваю“ (Римл., 7, 19). Хощу доброе духомъ, но творю злое плотію; ненавижу духомъ злое, но плотію злое содѣваю.

Сіе видимо и ощутительно намъ. Но какъ же то не видѣлъ всевидящій и всевѣдущій Богъ? И видѣлъ, и видитъ, и вѣдаетъ. Чтобы возставить тако падшаго человѣка, возобновить его и привести въ совершенство, Онъ благоволилъ явиться во плоти нашей, чтобы не только возродить духъ, но и самое тѣло исправить, дабы оно не столь враждовало противъ духа, и ослабить пагубную его силу. Не было и быть не можетъ Его святѣйшей воли, чтобы токмо все Свое промышленіе обратить на духъ, а плоть оставить въ прежнемъ ея состояніи и ее пренебречь. Сіе не было бы врачевать всего человѣка. Мудрость Его благая простиралась къ обѣимъ существеннымъ частямъ человѣка. Онъ освятилъ ихъ обѣихъ и соединилъ въ созданіи; Онъ благоизволилъ освятить и соединить обѣихъ же и въ ихъ возсозданіи, или обновленіи, дабы одна не была противною другой части, а одна содѣйствовала бы другой во благое. И для того-то Онъ благоволилъ явиться намъ не единою невидимою силою Духа Своего, но благоволилъ явиться и во плоти; да и родиться благоволилъ отъ пречистой и неискусобрачной Дѣвы, дабы освятить нашу плоть и оную учинить сообразною духу.

Благое Его промышленіе падаетъ на всего человѣка—и на духъ и на плоть его. Внутреннее Онъ соединилъ нераздѣльно и съ внѣшнимъ: одно безъ другаго быть не можетъ. Отъ духа требуетъ Онъ внутренняго Себѣ богослуженія, но чтобы оно было неразлучно соединено и

съ внѣшнимъ, да не будетъ праздно тѣло, когда дѣйствуетъ духъ. Прославлять Бога мы должны, по обязательству Апостольскому, не только „въ душахъ, но и въ тѣлахъ нашихъ“ (1 Кор., 6, 20).

Да и невозможно разлучить ихъ. Дѣйствіе тѣла имѣетъ вліяніе на духъ, и духъ свои дѣйствія являетъ тѣломъ. Не возможно, чтобы сокрушенное сердце не излило слезъ; не возможно, чтобы полное покореніе духа волѣ Божіей не опровергло и тѣла, и не преклонило колѣнъ его на землю; не возможно, чтобы могли быть любовь между братіями Христовыми и священный союзъ между ними, когда къ тому не привлекаются тѣлесными, духу сообразными, внѣшностями; не возможно, чтобы я не охотно бѣжалъ въ тѣ священные храмы, гдѣ братія мои по духу собираются на славословіе Божіе. Внутреннее богослуженіе съ внѣшнимъ совокупно. Конечно, одно превосходнѣе другого; но одно безъ другого быть не могутъ, доколѣ мы—въ семъ тѣлѣ: внѣшнее богослуженіе тѣла безъ внутренняго есть лицемѣріе, а одно внутреннее съ отверженіемъ наружняго есть мечтаніе.

Иной подумалъ бы изъ сего, что суть двѣ церкви—одна „внѣшняя“, другая „внутренняя“. Но сего здравый Христовъ разумъ не пріемлетъ. „Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе, едина и Церковь“ (Ефес., 4, 5), состоящая изъ двухъ существенныхъ частей, внутренней и внѣшней. Не возможно раздѣлить ее; а раздѣляютъ ее, или паче уничтожаютъ тѣ, которые раздѣлять ее отваживаются. Все разстроится въ Церкви Христовой, ежели допустить таковое раздѣленіе. Ибо Апостолъ предписываетъ: „Вся вамъ благообразно и по чину да бываютъ“ (1 Кор., 14, 40). Сіе, несомнѣнно, относитъ онъ до внѣшности, дабы все по внѣшности было устроено сообразно служенію духа. Хотя Апостолъ говоритъ христіанамъ: „Вы есте церкви Бога живаго“ (2 Кор., 6, 16), „и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (Римл., 8, 9); но сіе писалъ онъ къ Коринѳянамъ, къ видимой Коринѳской Церкви, въ видимомъ Коринѳѣ градѣ состоявшей.

Сіе же все Богъ утвердилъ не только Своимъ во плоти явленіемъ, но и самымъ учрежденіемъ таинствъ Своихъ. Первыя и вящшія тайны уставлены Имъ для отрожденія и укрѣпленія нашего: крещеніе и причащеніе. Въ первой отрожденіе духа соединилъ Онъ съ водою; во второй яденіе Своей плоти и крови—съ видами хлѣба и вина. Почто—вода? почто—хлѣбъ и вино? Все сіе есть внѣшность: можно бы отродиться духомъ безъ воды; можно бы причащаться духомъ тѣла и крови Господни безъ хлѣба и вина? Но не такъ благоугодно было Вышней и Безконечной Премудрости. Она Павловыми устами точно говоритъ: „Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятитъ ю“; но какъ?—„банею водною въ глаголѣ“ (Ефес., 5, 25 и 26). Тоже и Самъ Учредитель подтверждаетъ: „Аще кто не родится водою и Духомъ, не

можетъ внити въ царствіе небесное“ (Іоанн., 3, 5). И, подавая не тѣло и кровь Свою невидимо единому духу, но подавая хлѣбъ, Спаситель изрекъ: „Пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое“. То же и о чашѣ речено.

Къ чему—сія внѣшность? Не можно ли было однимъ духомъ безъ воды возродиться, и однимъ духомъ Тѣла и Крови Господни безъ хлѣба и вина причащаться? Я на сіе отвѣтствовать не могу, имѣя все благоговѣніе къ премудрости Учредителя: не хочу я быть мудрѣе Его, да и не могу. Наблюдая свято Его святѣйшее учрежденіе, и не дерзаю „мудрствовати паче, нежели подобаетъ мудрствовати“ (Римл., 12, 8). Опасаюсь, дабы и самому не впасть въ заблужденіе, и другихъ въ оное не привлечь. Опасаюсь, ибо я вѣдаю, что ежели служеніе Богу утверждать на единой внутренности, на единомъ духѣ, то можетъ выйти изъ того столько мудрованій, сколько—у кого духовъ, или умовъ, или внутренностей. Человѣкъ самолюбивъ, а притомъ удобопоползновенъ: всякое свое мудрованіе почтетъ основательнымъ и съ Духомъ Божіимъ сообразнымъ, хотя оно будетъ зданіе, не на твердомъ камени, но на пескѣ устроенное. А между тѣмъ настоитъ видимая опасность, что таковый человѣкъ, не почитая внѣшнее богослуженіе нужнымъ, ослабитъ и внутреннее. А потому какой истинной Церкви онъ есть истинный членъ,—будетъ трудно отгадать.

Боже, явившійся во плоти на земли, и симъ видимымъ во плоти явленіемъ устроивый видимую Церковь на земли! Сотвори, молимъ, да прославляемъ Тя не только единымъ сердцемъ и духомъ, но едиными усты,—не едиными только душами, но и тѣлами нашими. Аминь.

Слово на день Святыя Пасхи *).

Сколькобъ весело на дворѣ ни было,—блистало бы солнце, воздухъ благорастворенный, всюду зелень и цвѣты привлекали бы къ себѣ чувства; но когда на сердцѣ не весело, совѣсть безпокойна, или бы тяжкая болѣзнь одержала,—тогда ничто не веселитъ. И сіяніе солнца кажется темно, и благорастворенность воздуха, и наружная красота болѣе отягощаетъ унывнаго и больнаго, нежели услаждаетъ,— по воображенію досадному, что другіе тѣмъ пользуются, а онъ единъ въ тѣхъ пріятностяхъ участія имѣть не можетъ.

А, напротивъ, когда бы и все на дворѣ было ненастливо, вѣтры и бури возмущали бы воздухъ, проливался бы дождь рѣками, или бы холодная стужа приводила бы въ оцѣпенѣніе всѣ чувства; однако, когда

*) Говорено въ Вненаніи, 1806-го года, апрѣля 1-го.

на сердцѣ весело, духъ спокоенъ, совѣсть мирна, и притомъ крѣпокъ и здравъ; тогда все то нисколько не мѣшаетъ быть и спокойну, и бодру, и радостну. Источникъ истинной радости течетъ не извнѣ, но изъ внутренности нашей: ищи его не нидѣ гдѣ, но въ самомъ себѣ, въ душѣ своей.

Благословенніи христіане! приложите вы сіе подобіе къ самимъ себѣ и къ нынѣшнему празднику. Не есть ли нынѣ краснѣйшее ведро въ Церкви Божіей? Все усладительно и великолѣпно. Храмъ оглашается сладкими пѣніями, освѣщается нощь и яко въ день премѣняется, обряды церковные—отличные и восхитительные; въ домахъ нѣтъ постная скудость и скучность; одѣяніе на всѣхъ—отмѣнное; на улицахъ—игры, пѣнія и лики. Все услаждаетъ, все увеселяетъ; даже отъ неумѣрности радости таковой нѣкоторые отягощаютъ свои чувства объяденіемъ и піянствомъ и сладострастіями. Какъ, кажется, при семъ человѣку не быть радостну и веселу? Но признайте вы сами, что теперь же въ тяжкой болѣзни возлежащій воздыхаетъ и стонетъ; въ великой печали, прискорбіи и нищетѣ находящійся малодушествуетъ и плачетъ. Почто все то ему не помогаетъ,—и, при общемъ всѣхъ веселіи, онъ не веселъ, какъ бы всего того не было?—для того, что та одна наружность больнаго не исцѣляетъ и прискорбной печали не утоляетъ. Искать сего надобно въ самихъ себѣ.

Мы прейдемъ отъ наружнаго ведра къ внутреннему, отъ тѣлеснаго ненастья къ душевному. Есть и въ душѣ нашей ведро, есть и въ душѣ нашей ненастье. Когда ты непороченъ, смертнаго грѣха въ себѣ не чувствуешь, и совѣсть ни въ чемъ не обличаетъ: тогда въ тебѣ есть благодатное ведро, сладостная тишина и радостный восторгъ духа. Но когда ты отягощенъ пороками, страсти влекутъ тебя къ себѣ неволею, и совѣсть въ томъ обличаетъ и мучитъ,—тогда въ тебѣ есть ненастье, буря возмутительная. И все, по наружности блистательное, кажется тебѣ темно; все, по наружности радостное, кажется тебѣ непріятно и отяготительно; вездѣ и весь день ходишь, унывая и сѣтуя.

Къ чему мы сіе говоримъ?—Къ тому, что, когда ты въ душѣ своей чувствуешь ведро, тогда и праздникъ сей для тебя есть радостенъ и спасителенъ; но когда душа твоя обуреваема есть ненастьемъ страстей и безпокойствомъ совѣсти,—тогда для тебя и праздникъ сей не есть радостенъ, но печаленъ и малоспасителенъ. И для того слово Божіе возглашаетъ: „Нѣсть радоватися нечестивымъ“ (Ис. 48, 22).

О, Боже милосердый! не положилъ Ты покаянія праведнымъ Аврааму, Исааку и Іакову, но положилъ покаяніе грѣшнымъ. Кому же нужно чувствовать облегченіе, какъ не отягощенному? Кому желательно здравіе, какъ не больному? Кому искательнѣе радость, какъ не

печальному? Ежели и самъ пастырь добрый радуется, когда обрящетъ овцу заблуждшую, то не должна ли и самая бѣдная овца радости сей быть участна? Такъ, поистинѣ; но видите вы сами, что всѣхъ тѣхъ благодатныхъ выгодъ лишаются не всѣ безъ разбора грѣшники, но только грѣшники не кающіеся. Кающіеся же грѣшники вкушаютъ сладость праздника сего, участвуютъ въ радости благодати Христовой.

Грѣшники! слушайте со вниманіемъ, многократно повторяемый, гласъ церковный: „Христосъ воскресе!“ Когда сія великая особа, хотя умерла для удовлетворенія за грѣхи наши, но воскресла во славѣ: то и намъ, яко умерщвленнымъ грѣхомъ, надлежитъ со Христомъ ожить покаяніемъ; и не только ожить, но и стать участниками славы и радости Христовой.

Какъ же сіе быть можетъ? Я хочу вамъ на память привести блуднаго сына, сего сына распутнаго и развращеннаго. Помните вы, какъ его принялъ отецъ, какъ его нарядилъ, какое для него пированіе, какое торжество устроилъ. Но для чего?—для того, что отецъ призналъ, „яко сынъ его мертвъ бѣ, и оживе; изгибль бѣ, и обрѣтеся“ (Лук., 15, 32). Былъ мертвъ развратностію, а ожилъ покаяніемъ. Изгибль бѣ, предавшись тлѣнію страстей; но обрѣтеся, взошедъ въ свою совѣсть, вообразивъ отеческую сердобольную любовь и, всѣхъ благъ исполненную, при родителѣ жизнь.

Мы, съ большимъ братомъ блуднаго сына и со всѣми праведными, осмѣлимся вознегодовать на Отца, почто таковой любви и чести онъ удостоиваетъ развратнаго и все его наслѣдіе промотавшаго сына,—каковой любви и чести достойны, кажется, только одни добродѣтельные, которые исполнили Его отеческую волю и во всемъ Ему угождали?

Дражайшій и любезнѣйшій Отецъ могъ бы намъ справедливо сказать, что нѣкогда сказалъ въ Евангеліи: „или нѣсть ми лѣть сотворити, еже хощу, во своихъ ми? аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь“ (Мато., 20, 15)? То есть, зависть твоя должна ли Меня сдѣлать неблагодѣтельнымъ и злымъ? Но Онъ вмѣсто того, утѣшая и насъ, говоритъ: „вся моя твоя суть“ (Лук., 15, 31). Что вы отъ Меня не получили, что бы только получить могли? Все то, что Я, яко Богъ, ни имѣю, все то сообщилъ и вамъ. Вы уже не имѣете мѣста вмѣстить большее что. Ежели же что отъ безмѣрной бездны благости Моей во Мнѣ остается,—снесите, чтобъ и сей братъ вашъ того былъ участенъ. О, благость безпримѣрная и единому Богу только свойственная!

Когда же отецъ толико радовался объ лившемъ и обрѣтенномъ своемъ сынѣ: то можно ли сумниться, чтобъ и сынъ толикому снисхожденію не удивлялся, не изумлялся и восторгомъ радости не былъ бы восхищаемъ до безмѣрности?

Мы похожи своимъ житіемъ на блуднаго сына; сдѣлаемся же похожи на него и покаяніемъ,—и тогда радость праздника сего изліется въ душахъ нашихъ.

Вы не смотрите на другихъ, которые, бывъ грѣшники и беззаконники, и не приходя въ чувствіе и въ раскаяніе, однако, играютъ, веселятся, роскошествуютъ и ни о чемъ болѣе не заботятся. Не смотрите на нихъ: они болѣе сожалѣнія, нежели подражанія достойны. Они живутъ не яко человѣки, кольми паче, не яко христіане, но яко животныя безсловесныя; ихъ предѣлъ есть жизнь сія, а кончина—погибель вѣчная: „Горе вамъ смѣющимся нынѣ,"—возглашаетъ Божіе слово,—„яко восплачете" (Лук., 6, 25). А „вы блажени плачущіи" радостными слезами покаянія, „яко утѣшитеся" (Мато., 5, 4), и здѣсь—въ теплыхъ нѣдрахъ матери своей Церкви, и тамо—въ блаженныхъ нѣдрахъ небеснаго Отца, Ему же, для насъ нашу плоть принявшему и пострадавшему, умершему и воскресшему, да будетъ отъ насъ слава, благодареніе, поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово на Вознесеніе Господне *).

Одно слово, коимъ нынѣшній праздникъ именуется, уже много въ себѣ заключаетъ. „Вознесеніе" значитъ подъятіе отъ земли на высоту. Сему противополагается униженіе или пониженіе, то есть, когда что съ высоты на низъ опускается. Чѣмъ легче тѣло, тѣмъ подымается выше; чѣмъ же тѣло тяжелѣе, тѣмъ опускается ниже.

Но о тѣлахъ говорить не наше дѣло, а мудрецовъ мірскихъ. Наше дѣло говорить о дѣлахъ или о существахъ духовныхъ. Все въ кругѣ вѣры, все есть духовное. Богъ есть Духъ, душа есть духъ; и служеніе Богу требуется не тѣломъ, но „духомъ и истиною" (Іоанн. 4, 24), какъ будто служеніе Богу однимъ тѣломъ есть непотребное или не нужное. Таинства всѣ совершаются „духомъ": всѣ обряды означаютъ что-нибудь „духовное". Напримѣръ, свѣща означаетъ свѣтлость и горячесть души; куреніе кадила—молитвы наши, возносимыя духу Богу. Чтеніе церковное и пѣніе учреждены не для того, чтобъ только ударять уши и услаждать слухъ, но чтобъ просвѣтить мысль и возбудить, подъять къ высотѣ сердце. Самыя церковныя облаченія не для того устроены, чтобъ ими украшать тѣло, но чтобъ служили напоминаніемъ, дабы мы облекали душу въ ризу правды и въ одежду спасенія, и пред

*) Говорено въ лаврѣ въ 1806 году, мая 10 дня.

ставляли бы ее Женіху Христу не нагую, но яко царицу, въ ризахъ златыхъ одѣяну и преиспещрену.

Все въ Церкви есть „духовное“. Хотя въ ней совершается много дѣйствій наружныхъ и видимыхъ, но ихъ главное намѣреніе не есть то, чтобъ одни чувства тѣлесныя ими или трогать или услаждать, и одною наружностію все кончить; но ихъ намѣреніе и напряженіе единственно есть то, чтобъ наши „душевныя“ чувства возбудить и, поднявъ отъ низкости тѣлесной и земной, возвысить ихъ къ высотѣ „духовной“, приблизить ихъ къ Богу и соединить съ Нимъ, яко съ Богомъ Духомъ и съ Богомъ духовъ. Когда же такъ, то и настоящій праздникъ Вознесенія долженъ означать что-нибудь духовное, и насъ ведетъ къ чему-нибудь духовному.

Вознесенія или возвышенія въ душѣ суть различныя. Пророкъ Давидъ ихъ назвалъ восхожденіями: „Восхожденія въ сердцѣ своемъ положи“ (Псал., 33, 6). Не сказалъ онъ—„вознесенія или возвышенія“, но сказалъ: „восхожденія“, ибо восхожденіе бываетъ помалу и по степенямъ; нельзя вдругъ вознестись, развѣ по малу и постепенно. Притомъ, сіе восхожденіе полагаетъ Пророкъ въ сердцѣ, то-есть, по изволенію, желанію и усердію сердца, яко сердце есть ихъ вмѣстилище.

Какъ никто не бываетъ вдругъ великимъ грѣшникомъ и беззаконникомъ,—начинаетъ сперва болѣть неправдою, потомъ зачинаетъ болѣзнь грѣховную, наконецъ родитъ беззаконіе: такъ никто изъ таковаго грѣшника не можетъ вдругъ стать святымъ и праведникамъ. Чтобы отъ сей пропастной низкости подняться, должно „восхожденія въ сердцѣ своемъ положить“, постепенно восходить на высоту.

Такъ желаете ли вы почтить сей праздникъ и сдѣлать его для себя свѣтлымъ и торжественнымъ?—„Восхожденія“ въ сердцѣ своемъ полагайте. Стыдитесь оставаться въ мрачной низкости, а подымайтесь на высоту, на гору совершенства, и приближайтесь къ свѣту. Въ пропасти адской—одна темнота и мракъ, а свѣтъ возсіяваетъ съ высоты небесной. Се, вамъ и предшествуетъ Господь Іисусъ. Возносится Онъ на небо; призываетъ и насъ послѣдовать Себѣ. „Идѣже есмь Азъ, тамо“, говоритъ, „и слуга Мой будетъ“ (Іоанн., 12, 26). Туда же посылаетъ насъ и избранный Его сосудъ: „наше“, говоритъ, „житіе на небесѣхъ есть“ (Филипп., 3, 20).

Сказали мы, что слово Божіе велитъ намъ восхожденія въ сердцѣ своемъ полагать. Довольно будетъ для нашего наставленія, ежели сіи два слова—„восхожденія“ и „въ сердцѣ“ подробно и обстоятельно теперь объяснимъ.

„Восхожденія“. Не можно восходить, ежели прежде не положить два мѣста—одно низкое, другое высокое: ибо восходятъ отъ низкости

на высоту. Что же есть низкость? что—высота? Невѣжество есть низкость, а просвѣщеніе—высота. Угожденіе плоти и тѣлу есть низкость, а попеченіе о душѣ есть высота. Приверженность къ тлѣннымъ благамъ міра сего есть низкость, а пеканіе небесныхъ, вѣчныхъ благъ есть высота. Пребываніе во грѣхѣ есть низкость, а убѣгать отъ него есть высота; нераскаяніе есть низкость, а покаяніе есть высота. Покаяніе есть первая степень къ нашему отъ низкости возвышенію, такъ какъ къ исцѣленію отъ болѣзни первая степень есть признаніе себя больнымъ. Кто не признаетъ себя больнымъ, тотъ лѣчиться не станетъ: кто не признаетъ себя грѣшникомъ, тотъ каяться не будетъ.

Весь трудъ въ томъ состоитъ, какъ привести грѣшника, чтобы онъ призналъ себя быть грѣшникомъ. Порокъ сильно привязываетъ человѣка къ себѣ: чтобы онъ грѣха не оставилъ, двумя крѣпкими оковами его связавъ, къ тому не допускаетъ. Сіи оковы суть самолюбіе и гордость. Признать себя порочнымъ кажется ему, что онъ себя унизитъ; кажется ему, что онъ себя предъ людьми постыдитъ. О, козни вражіи! Когда грѣшникъ чрезъ покаяніе возвышается, врагъ увѣряетъ его, что онъ чрезъ то унижается; когда чрезъ раскаяніе истинное дѣлаетъ себѣ честь и славу у Бога и человѣкъ, врагъ ослѣпляетъ его, что акибы онъ чрезъ то себя посрамитъ. Сильныя и опасныя сіи суть на пути покаянія преграды!

А ежели бы кто и не столь грѣхами былъ связанъ и ожесточенъ, то по крайней мѣрѣ приводитъ его къ тому, чтобы свои пороки извинять и самыя беззаконія представлять себѣ малостями, и для всякаго человѣка неминуемыми слабостями. Не стоятъ они того, чтобы въ нихъ и каяться: неужели Богъ столько жестокъ и немилосердъ, чтобы и на таковыя слабости обращалъ высокій взоръ Свой, и изливалъ Свой гнѣвъ на нихъ? Сіе вражеское искушеніе лучше выразумѣлъ святый Давидъ. Онъ молится Господу: „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, еже непщевати вины о грѣсѣхъ“ (Псал., 140, 4); то-есть, не допусти, Владыко, сердце мое до сей развратности, чтобы я искалъ, какъ мнѣ извинять свои грѣхи.

Таковыя извиненія означаютъ, что грѣшникъ весьма къ своимъ порокамъ пристрастенъ и крѣпко ими связанъ. И потому тотъ же Пророкъ молитъ Бога: „Путь неправды отстави отъ мене“ (Псал., 111, 29). Надлежало бы сказать—„отъ пути неправды отведи меня“: ибо, кажется, легче меня съ пути отвести, нежели, чтобы самый путь отставить, или на другое мѣсто перенести отъ меня. Но „сей путь неправды“ есть злая и долговременная привычка: она весьма крѣпко къ себѣ вяжетъ. Не могу я отъ нея отстать, развѣ когда Богъ силою благодати Своея злую привычку истребитъ во мнѣ: тогда я буду свободенъ, когда сіи

тяжкія оковы Богъ сниметъ съ меня. „Аще она не обладаетъ мною, тогда непорочень буду, и очищуся отъ грѣха велика“ (Псал., 18, 14). Путь неправды отстави отъ мене, и закономъ Твоимъ помилуй мя“. Призывай убо, человѣче, благодать Божію, да ослабляетъ она злую привычку въ тебѣ. А чтобы работа благодати въ тебѣ была успѣшна, отмѣни излишнее самолюбіе, и истреби гордую о себѣ мысль, аки бы ты былъ или безгрѣшенъ, или малогрѣшенъ, или подверженъ нѣкоторымъ только обыкновеннымъ слабостямъ.

Но всуе мы будемъ внушать сіе такому человѣку, который о будущемъ ни мало не думаетъ, а только думаетъ о настоящемъ, приверженъ только къ міру сему; нѣтъ для него другаго блаженства, какъ только на землѣ. О безсмертіи души и о вѣчной по смерти жизни онъ или не помышляетъ, или едва ли то и понимаетъ,—или и понимаетъ, но тому не вѣритъ. Всуе сіе ученіе и наставленіе для такого человѣка. Да и подлинно, что ему нужды сокрушаться о грѣхахъ и въ нихъ каяться, когда никакого въ нихъ отчета не боится, и, чтобы былъ какой судія его дѣлъ по смерти, не признаетъ? Едва ли не большая часть христіанъ таковымъ живетъ образомъ; и потому мало находимъ въ людяхъ покаянія и въ жизни исправленія. Грѣхи ни мало не уменьшаются, а только, чѣмъ болѣе живетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе грѣхи умножаются; и, наконецъ, симъ бременемъ отягощенъ, погрязаетъ, яко олово въ безднѣ бездонной.

Къ кому же мы свое ученіе обратимъ? отъ кого можемъ ожидать покаянія? Конечно, отъ того, который не думаетъ, чтобы онъ сотворенъ былъ только для земли,—который не думаетъ, что съ кончиною жизни сей все кончится,—который со всѣми тварями воздыхаетъ, ожидая „славной свободы чадъ Божіихъ“,—который сію жизнь почитаетъ моремъ, воздвизаемымъ напастей бурею, а вѣруетъ только обрѣсти пристанище на небеси и вѣчный покой въ соединеніи съ Богомъ. Таковой человѣкъ, конечно, не рѣдко помыслитъ о душѣ своей, помыслитъ о грѣхахъ,—и, какъ ихъ уменьшить, отъ сего тяжкаго бремени облегчиться, стать неосужденнымъ предъ праведнымъ Судіею,—важнымъ для себя почтетъ попеченіемъ.

Сіе попеченіе заставитъ его взойти въ свою совѣсть, признать свои грѣхи, взирая на ихъ тягость, сокрушиться и самого себя осудить, искать своего облегченія и оправданія въ милосердіи Спасителя, пришедшаго къ намъ обрѣсти погибшее овча и, оное взявъ на рамена Свои, привести къ Богу Отцу. Се есть путь къ покаянію; сей есть первая его степень къ его возвышенію; се есть его „восхожденіе въ сердцѣ своемъ“. Вступивъ въ сей путь, далѣе восходитъ онъ, „задняя забывая, а въ предняя простираяся“ (Филип., 3, 13); и начинаетъ праздновать свое вознесеніе, вмѣстѣ съ вознесеніемъ Господа своего.

Но не забудьте же того, что таковыя „восхожденія“ велѣно намъ полагать въ „сердцѣ“. Въ сердцѣ—не мимоходомъ, не случайно, не наружно, но въ сердцѣ—внутренно, въ самой глубинѣ его, съ твердымъ желаніемъ и намѣреніемъ, чтобы, начавъ восхожденіе и подымаясь къ высотѣ, назадъ не обращаться, а со всѣмъ усиліемъ и усердіемъ стремиться выше. Благодать, всегда недостаточное дополняющая, поведетъ тебя, яко по лѣстницѣ. „Отъ человѣкъ не возможна, а отъ Бога вся возможна“ (Марк., 10, 27). Что казалось тебѣ сначала трудно, то будетъ облегчаться; что казалось тебѣ сначала страшно, то уже будетъ казаться привлекательнымъ и пріятнымъ. Вся сила, чтобы преодолѣть себя при первомъ предпріятіи. Доброе твое расположеніе и намѣреніе, чтобы производить далѣе съ успѣхомъ сію работу, возьметъ Господь на Себя: отъ тебя болѣе и не требуетъ Онъ, кромѣ добраго расположенія и твердаго намѣренія. А сіе-то точно и будетъ, ежели ты „восхожденія“ положилъ не случайно и наружно, но положилъ въ глубинѣ внутренности, положилъ въ сокрушенномъ сердцѣ.

Празднуй тогда ты праздникъ своего „вознесенія“ отъ низкости земной и грѣховной къ высотѣ небесной и добродѣтельной. Празднуй, радуяся о Господѣ, и прославляй чудную измѣну десницы Вышняго. Ангелы, явившіеся апостоламъ по вознесеніи Христовомъ, сказали имъ, что „сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, паки также пріидетъ“ (Дѣян., 1, 11). Почто „паки“ пріидетъ?—„да идѣже Онъ есть, тамо и слуга Его будетъ“. Почто „такожде“ пріидетъ?—для того, что Онъ пріидетъ въ той же плоти, въ какой вознесся. А когда пріидетъ въ томъ же естествѣ, какого и ты, то будь благонадеженъ, что Онъ тебя, яко Себѣ ближняго и сроднаго, пріемлетъ и съ Собою, яко по естеству брата, соединитъ на вѣки. И тогда-то совершенно и въ полной радости воспразднуешь вознесеніе Господне и вознесеніе свое. Аминь.

Слово на день Святыя Троицы *).

Настоящій праздникъ сей для истиннаго христіанина весьма долженъ быть вожделѣненъ. Мы празднуемъ пришествіе Святаго Духа. Сей Духъ Божій, кромѣ многихъ именованій, особливо и свойственно нарицается въ Евангеліи Параклитъ, или Утѣшитель. Самое сіе именованіе уже и слуху нашему пріятно, и сердцу радостно. Кто не возрадуется, когда услышитъ, что идетъ къ нему Утѣшитель?

Скорбѣли Апостолы, что разлучились съ любезнымъ своимъ Учи-

*) Говорено въ лаврѣ, 1896 года, мая 20 дня.

телемъ; а притомъ по разлученіи отъ Него имъ же отъ сего неложнаго Учителя сказано: „Въ мірѣ скорбни будете“ (Іоанн., 16, 33). Какое облако печали должно помрачить мысль Апостоловъ и стѣснить ихъ духъ, видя и слыша сіе? Всю радость и утѣшеніе находили они въ единомъ присутствіи своего великаго Учителя. Но и Сего лишились, а уже предчувствовали и какъ бы очами видѣли, что міръ весь противу нихъ всею злобою вооружится; да они и назначены уже быть овцами посреди волковъ, приготовлены на растерзаніе. Какъ не печалиться, какъ не скорбѣть?

Но Божественный Учитель ободряетъ ихъ, воспрещаетъ скорбѣть и обѣщаетъ имъ, тотчасъ по разлученіи Своемъ, послать Духа Утѣшителя, Духа Божія, Духа Его, Который ихъ ободритъ, вооружитъ оружіями непреодолѣемыми, содѣластъ ихъ непобѣдимыми отъ міра всего, или паче побѣдителями всего міра. Сія ободрительная, изъ устъ Всемогущаго исшедшая сила обѣщанія, не только изгнала изъ сердца Апостоловъ всю скорбь и печаль, но и исполнила ихъ утѣшенія и мужества, такъ что уже они, по свидѣтельству Евангелія, разлучившись съ Господомъ, „возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою“ (Лук., 24, 52).

Исполнилось ли же на нихъ то обѣщаніе? Всѣмъ христіанамъ извѣстно, съ какимъ безпримѣрнымъ мужествомъ они возвѣщали вселенной Христову проповѣдь, съ какимъ неболѣзненымъ духомъ взирали на всѣ мірскія угрозы, мученія и смерти, и съ коликою славою надъ всѣмъ восторжествовали. Посланный къ нимъ и принятый ими Духъ Утѣшитель явилъ въ нихъ Свое дѣйствіе во всей силѣ Своей.

А намъ нуженъ ли сей Духъ Утѣшитель? Если мы всегда совѣстію спокойны, во всемъ чисты и непорочны, ничего не опасаемся и не боимся, ни о чемъ никогда не печалимся и не скорбимъ, то, можетъ быть, мы въ таковомъ утѣшеніи не имѣли бы нужды. Но гдѣ мы живемъ?—на землѣ, въ сей юдоли плачевной, въ морѣ воздвизаемомъ напастей бурею. Съ кѣмъ живемъ?—съ „родомъ“, по Апостолу, „строптивымъ и развращеннымъ“ (Филип., 2, 15). Какая наша жизнь?—исполнена заботъ, печалей, болѣзней, бѣдствій и страданій, и отъ собственныхъ страстей, и отъ внѣшнихъ нападеній. „Весь міръ во злѣ лежитъ“ (1. Іоан., 5, 19); и всякому праведному подвижнику гласъ Божій непрестанно вопіетъ: „Сыне человѣчь, между скорпіевъ ты живеши“ (Іезек., 2, 6).

При таковомъ нашемъ несчастномъ положеніи, не будемъ ли мы желать и молить, да пошлетъ намъ Господь Духа Своего, Духа Утѣшителя?

Но надлежитъ при семъ весьма осторожно различать „между печалію и печалію, между утѣшеніемъ и утѣшеніемъ“. Апостолъ одну

печаль называетъ „печалію плоти“; а другую, „печалію по Бозѣ“ (2 Кор., 7, 10). Печаль плоти есть, когда кто скорбитъ о чемъ безъ всякой для себя пользы, а только съ поврежденіемъ здравія и съ развращеніемъ духа. Напримѣръ, кто, потерявъ имѣніе, печалится и сокрушается,—печалію таковою здравіе повредитъ, духъ возмутитъ, а имѣнія не возвратитъ. Лишился кто родителей, или жены, или дѣтей? Печалію объ нихъ ихъ не воскреситъ, а себя сокрушитъ и по тѣлу и по духу, да и на Божій уставъ можетъ почесться негодующимъ; таковая и подобная печаль, есть „печаль плоти“. А печаль по Бозѣ“ есть, когда кто чувствуетъ себя быть въ нѣкоторыхъ слабостяхъ и грѣхахъ, и въ нихъ совѣстію болѣзнуетъ, сокрушается и раскаевается,—таковая печаль есть спасительна: ибо она болѣзнь грѣховную истребляетъ, а чрезъ то и духъ и тѣло ободряетъ. Можемъ назвать „печалію по Бозѣ“ и ту печаль, когда кто отъ другихъ злыхъ людей страждетъ неповинно, и все то сноситъ не только безъ отмщенія, но и безъ роптанія; а только въ скорби своей отзывается моленіемъ къ Богу, прося отъ Него единаго врагамъ укрощенія, а себѣ утѣшенія. Сія печаль также есть по Бозѣ и спасительна: ибо, конечно, Богъ въ скорби утѣшитъ его, и враговъ укротитъ рукою крѣпкою и мышцею высокою. Сіе сказано нами о различіи печалей.

Какое же есть различіе между утѣшеніемъ? Сіе объяснилъ Самъ Спаситель. Онъ сказалъ ученикамъ, разлучаясь съ ними: „Миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не яко же міръ даетъ, Азъ даю вамъ“. Изъ сихъ словъ видите, что иной есть „миръ Христовъ“, иной есть „миръ свѣта сего“. Ибо миръ и утѣшеніе есть почти одно и тоже: утѣшеніе оканчивается миромъ; гдѣ утѣшеніе воздѣйствуетъ, тамо миръ послѣдуетъ. „Миръ свѣта“ сего есть, когда кто страстями усыпленъ, ни о чемъ не заботится ни о настоящемъ, ни о будущемъ, грѣховъ своихъ не чувствуетъ и въ нихъ не только не раскаевается, но ихъ и не признаетъ; и хотя по душѣ, да и по тѣлу, таковый человѣкъ бѣденъ, нищъ и нагъ, однако, говоритъ: „я сытъ и богатъ, и ни въ чемъ нужды не имѣю“,—да еще и „хвалится въ похотѣхъ души своея“. Сей есть миръ свѣта сего: миръ токмо именемъ, а не вещію; миръ пагубный, на время усыпляющій грѣшника и въ несчастіе вѣчное его влекущій. „А миръ Христовъ“ есть чистота душевная, спокойствіе совѣсти, вѣра въ Бога просвѣщенная, надежда на Него непоколебимая, и мужество духа отличное, никакихъ страховъ міра сего не уважающее и на всѣ Его прещенія безбоязненно взирающее; внятно слушаетъ гласа Божія, ему въ сердцѣ глаголющаго: „Страха же ихъ не убойтеся, ниже смущайтеся: Господа же силъ, Того освятите, и Той будетъ вамъ въ страхъ“ (Ис., 8, 12 и 13). Сей есть

миръ Христовъ, который Онъ обѣщалъ даровать ученикамъ Своимъ и и вѣрующимъ въ Него.

Теперь, узнавъ различіе между печалію и печалію, между утѣшеніемъ и утѣшеніемъ, сами вы видѣть можете, что не всякая печаль достойна утѣшенія Божія, и не во всякой печали утѣшаетъ „Духъ Утѣшитель. „Печаль по Бозѣ“ есть любезна Духу Утѣшителю: ибо „блажени плачущіи“ (Мато., 5, 4). „Блажени есте, егда поносятъ васъ“ (Мато., 5, 11). „Блажени изгнани правды ради“ (Мато., 5, 10). Когда они чрезъ сіе блаженны, то Духъ Утѣшитель сего не лишаетъ ихъ: поелику оно ихъ ведетъ къ блаженству. Такъ неужели Духъ Утѣшитель въ печальномъ семъ состояніи ничѣмъ имъ не вспомоществуетъ? Утѣшаетъ ихъ, но тѣмъ, что возбуждаетъ ихъ еще и болѣе слезъ проливать, но слезъ очистительныхъ и радостныхъ,—еще болѣе подкрѣпляетъ ихъ мужество, чтобы они противу міра и діавола шли безбоязненно, чтобы все сносили великодушно, въ полной надеждѣ, что вознаграждены будутъ за сіе безконечно. „Радуйтеся“, — припѣваетъ имъ непрестанно въ уши душевныя, — „радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“ (Мато., 5, 12).

Весьма полезно и нужно знать, какимъ образомъ Духъ Утѣшитель производитъ Свое дѣйствіе въ человѣкѣ, что Онъ и успокаиваетъ его и дѣлаетъ его небоязненнымъ противъ всѣхъ страховъ міра. Въ испытаніе сего взойти было бы для насъ дерзновенно: ибо кто вѣдаетъ, что дѣлается въ сердцѣ человѣка, развѣ духъ живущій въ немъ? а особливо, когда та работа есть дѣйствіе Духа Божія. Ибо о Духѣ Божіи говоритъ Апостолъ, что Онъ „ходатайствуетъ о насъ воздыханіи незглаголанными“ (Римл., 8, 26), то есть такъ чудесно въ избранныхъ своихъ работаетъ, что сію тайну и изглаголать не возможно.

Не посмѣли бы мы въ сіе испытаніе взойти, еслибы ходъ тайной работы Духа Божія не открылъ намъ Самъ Спаситель. Онъ въ Евангеліи объявляетъ, что Духъ Утѣшитель, во-первыхъ, „наставитъ на всяку истину“ (Іоанн., 16, 13). Мы весьма заблуждаемся въ своихъ понятіяхъ: часто почитаемъ несчастіемъ то, въ чемъ состоитъ истинное счастіе,—а топочитаемъ счастіемъ, въ чемъ заключается настоящая погибель; а потому часто печалимся о томъ, о чемъ радоваться бы надлежало,—и радуемся о томъ, о чемъ надлежало бы печалиться. Когда Духъ Утѣшитель наставитъ на всяку истину, то тотчасъ откроется, что приводить насъ должно въ настоящую печаль или радость. Въ семъ откровеніи и смотритъ человѣкъ, наставляемый Духомъ Утѣшителемъ, что всѣ опасности и бѣдствія мірскія не должны насъ оскорблять, когда они ведутъ къ истинному блаженству; также и всѣ блага міра

сего не должны прельщать и веселить насъ, когда они, наконецъ, приводятъ къ несчастію вѣчному. Таковою истиною наставленный, человѣкъ будетъ пѣть съ Давидомъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская“ (Псал., 45, 2 и 3).

Второе, Духъ Утѣшитель „свидѣтельствуетъ о Мнѣ“ (Іоанн., 15, 26), сказалъ Спаситель. То есть, сильно увѣритъ избраннаго своего въ душѣ и совѣсти, что Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ грѣшныя спасти, положилъ душу Свою за него и жертвою плоти и крови Своея исходатайствовалъ ему прощеніе хрѣховъ и примиреніе съ Богомъ. Таковое увѣреніе о толикой къ нему любви Божіей расположитъ его несумнительно надѣяться получить все просимое отъ Бога. „Аще Сына Своего не пощадѣ“,—будетъ онъ хвалиться съ Апостоломъ,—„но за меня предалъ есть Его, какъ же и вся съ Нимъ Онъ мнѣ не дарствуетъ“ (Римл., 8, 32)? Сіе же привяжетъ его къ Нему такою любовію, что онъ радъ за него умереть. „Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? ни смерть, ни животъ; вся препобѣждаемъ за возлюбившаго ны“ (Римл., 35—37).

Третіе, Духъ Утѣшитель „обличитъ міръ о грѣсѣ и о правдѣ и судѣ“ (Іоанн., 16, 8), то есть откроетъ любимцу Своему, что міръ развратенъ, и всѣ человѣческія дѣла исполнены неправды; откроетъ, въ чемъ состоитъ истина, и чѣмъ мы можемъ стать праведными предъ Богомъ; откроетъ, что будетъ судъ, разбирательство всѣмъ дѣламъ человѣческимъ, „и яко вѣсть Господь путь праведныхъ, а путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал., 1, 6).

Четвертое, что Духъ Утѣшитель „грядущая возвѣститъ“ (Іоанн., 16, 13). Толико просвѣтитъ мысль избранныхъ Своихъ, что они яко въ зерцалѣ узрятъ, какія слѣдствія впредь послѣдуютъ не только въ мірѣ грядущемъ, но и въ семъ мірѣ. Судьбы, какія кого постигнутъ, суть сокровенны и бездна многа; но Духъ Утѣшитель избранныхъ Своихъ вознесетъ на такую высоту, что они съ высоты какъ на длани увидятъ судьбы, какія каждаго постигнутъ; и, симъ исполненные пророческимъ зрѣніемъ, будутъ однихъ оплакивать, а о другихъ радоваться. „Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя во дни оны излію отъ Духа Моего, и пророкутъ“ (Іоил., 2, 28 и 29),—глаголетъ Господь. Таковымъ-то образомъ утѣшаетъ избранныхъ Своихъ Духъ Утѣшитель! Нѣтъ нужды объяснять, сколь сильно должно быть таковое утѣшеніе, сколь оно должно ободрить и вооружить того счастливаго подвижника, въ коемъ будетъ тако дѣйствовать Духъ Утѣшитель; а нужнѣе объяснить, всѣ ли будутъ удостоены таковаго Божія утѣшенія?

Сказали мы, что печальный имѣетъ нужду въ утѣшеніи, и что

иная печаль есть „печаль плоти“, иная „печаль по Бозѣ“. Конечно, сокрушаемые печалію по Бозѣ сего утѣшенія сподобятся, яко оно для нихъ и приготовлено. А мучимые печалію плоти сего утѣшенія или не достойны, или его вмѣстить въ себѣ не могутъ. Духъ Утѣшитель желалъ бы преподать и имъ сіе утѣшеніе, но они его не пріемлютъ и отвергаютъ. „Міръ“,—глаголетъ Господь,—„не можетъ принять Его, то есть, Духа Утѣшителя, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его“ (Іоанн., 14, 17). „Не видитъ“, понеже очи его страстями ослѣплены; „не знаетъ“, понеже онъ единственно привязалъ себя къ тлѣннымъ благамъ міра сего, а вѣчныхъ благъ не ищетъ и не желаетъ.

Кто же есть сей окаянный міръ, который не видитъ и не знаетъ Духа Утѣшителя, и не можетъ Его принять? Міръ означаетъ всѣхъ грѣшниковъ не кающихся и глубокимъ сномъ невѣрія и жестокосердія отягощенныхъ. Они Духа Утѣшителя и не видятъ, и не знаютъ, и не могутъ Его принять; а потому и утѣшеніе Духа Утѣшителя отъ нихъ удалено.

Такъ что же мы? мы—грѣшники, неудержно согрѣшающіе, а истиннаго покаянія во грѣхахъ или никакого, или весьма мало имѣющіе,—мы, несчастливые грѣшники, ужели осуждены на сію страшную участь, чтобы намъ быть совсѣмъ лишеннымъ утѣшенія Духа Утѣшителя? Нѣтъ! но Духъ Божій иначе поступаетъ съ таковыми грѣшниками: Онъ ихъ не утѣшаетъ, ибо они не печалятся печалію по Бозѣ; а возбуждаетъ ихъ къ печали по Бозѣ, то есть къ покаянію,—ударяетъ ихъ сердца, чтобы разбить ихъ жестокость и изъ нихъ источить слезы сокрушенія. Когда они умягчатся, и потоки слезъ изъ нихъ потекутъ, тогда тотчасъ предстанетъ и Духъ Утѣшитель съ Своимъ благодатнымъ утѣшеніемъ.

О, Душе благій и истинный! о, Душе Утѣшителю! Ты всесиленъ, Ты Самъ сотвори, да мы познаемъ Тебя, увидимъ Тебя и возможемъ Тебя принять. Пріиди и вселися въ насъ. Аминь.

Слово на память преподобнаго Сергія *).

Благодать Божія влагала въ насъ желаніе и охоту, что мы на самомъ семъ мѣстѣ, предъ самымъ гробомъ преподобнаго Сергія, восхваляли многократно святую его жизнь и славные его христіанскіе подвиги. Восхваляли мы по возможности нашихъ силъ и дарованій; хотя никогда достойно восхвалить его не могли, и никогда въ Церкви Божіей

*) Говорено въ Троицкой лаврѣ, 1806 года, сентября 25 дня.

хвалы его не умолкнутъ: ибо „въ память вѣчную будетъ праведникъ“ (Псал., 111, 6). Когда память его есть вѣчная, то и похвалы его должны быть вѣчны.

Но какъ вѣчность принадлежитъ не землѣ, а небесамъ, то и похвала его не можетъ кончиться; когда земля сгоритъ, и всѣ дѣла на ней, а она пребудетъ на небеси, доколѣ тамо пребудетъ блаженство святыхъ, то-есть въ неконча́емые вѣки. Такъ должны ли мы, земные, умолчать, чтобы проповѣдывать похвалы его? Нѣтъ! не умолчимъ: „аще мы умолчимъ, каменіе возопіетъ“ (Лук., 19, 40); аще мы умолчимъ, самое сіе мѣсто, напоенное потомъ трудовъ его и прославленное великими его чудесами и благодѣяніями,—самое сіе мѣсто всегда останется громкимъ проповѣдникомъ того.

Каждый христіанинъ, пользуясь примѣромъ святаго его житія и получая пользу и утѣшеніе въ ходатайствѣ его молитвъ,—каждый христіанинъ привлекается силою благодати любовію къ нему и усердіемъ.

Такъ я ли умолчу? я, воспитанникъ его обители и въ ней, яко отродившійся духомъ, уповаяй съ перстію священною мѣста его смѣшать свою тлѣнную персть? Доживъ до старости, ежели въ жизни своей имѣлъ я какія удовольствія, выгоды и пользы тѣлесныя и душевныя,—все то по справедливости долженъ по Бозѣ приписать благословенному мѣсту сему и святымъ молитвамъ угодника Божія. Съ самыхъ младыхъ моихъ лѣтъ, по особеному Божію Провидѣнію, призванъ я былъ въ обитель сію неожиданнымъ случаемъ ни по намѣренію моему, ни по чаянію: сіе было дѣйствіе единыхъ Божіихъ непостижимыхъ судебъ. Потомъ та же рука Вышняго присовокупила меня къ избранному стаду обители сей и къ роду жизни, сообразной жизни преподобнаго. И се, уже близъ пятьдесятый годъ, а настоятельства моего минуло уже сорокъ лѣтъ, какъ долготерпѣніе Божіе благоволило пребывать мнѣ въ мѣстѣ семъ.

При сильномъ воображеніи и воспоминаніи сего, о, коликая объемлетъ меня и радость и страхъ! Радость, что сподобленъ таковой благодати, и что Господь споспѣшествовалъ, молитвами преподобнаго, совершить многіе къ чести и пользѣ сей обители, труды и предпріятія; но страхъ, что, принявъ родъ жизни, сообразный жизни святаго, признаю и исповѣдую, яко многими моими слабостями, грѣхами и беззаконіями былъ весьма недостаточнымъ подражателемъ святой жизни его. Восхвалялъ его словами, но дѣлами былъ удаленъ отъ него: ни молитвами, ни смиреніемъ, ни воздержаніемъ нимало не уподобился ему. Боюсь, боюсь, да мои самыя похвалы его жизни не обратятся мнѣ во грѣхъ. Ибо „не красна пѣснь во устѣхъ нечестиваго“ (Сирах., 15, 9). Однако, не преставалъ и не престаю восхвалять его, дабы чрезъ сіе

изъявить хотя то, что я удивляюсь его дѣламъ и, молитвами его, желаю исправленія жизни моей и богоугодной кончины.

Впрочемъ, обращаю мое слово къ вамъ,—къ вамъ, на торжество памяти его собравшимся и усердіе души своея предъ святыми мощами его изливающимъ: ибо и вы купно со мною празднуете память угодника Божія. Похвалы ли ему возглашать?—должны то, но не языкомъ, а сердцемъ; усердіе ли свое ему изъявлять? Должны то, но не наружнымъ токмо почитаніемъ и поклоненіемъ, а паче внутреннимъ подражаніемъ жизни его и истиннымъ покаяніемъ. Онъ былъ благочестивъ; но что, ежели душа наша не благочестіемъ, а нечестіемъ исполнена? Онъ былъ постенъ; но что, ежели мы невоздержны? Онъ былъ смиренъ; а мы ежели горды? Онъ былъ нищъ и нищеты любитель; а мы пристрастны къ богатству, и въ немъ все свое блаженство поставляемъ. Онъ былъ чистосердеченъ и искрененъ; а мы ежели лживы, хитры и лукавы? Онъ былъ человѣколюбивъ; а мы презираемъ нищаго и не снабжаемъ бѣднаго. Онъ былъ благодѣтеленъ; а мы обижаемъ и грабимъ другихъ. Онъ былъ чистъ тѣломъ и духомъ; а мы и духомъ разслабленны и тѣломъ осквернены. Можетъ ли святый Божій отъ таковыхъ принять похвалы, принять поклоненіе и моленіе? могутъ ли они доставить какую-либо честь его святынѣ? Не могутъ ли они паче оскорбить его духъ и остыдить его память?

Все относится къ Богу. Онъ есть источникъ всякія святыни; и святые святость свою изъ сего источника почерпали. Ничто не можетъ быть угодно святымъ, ежели то несходственно съ волею Святѣйшаго Бога. „Богъ Отецъ ищетъ поклоняющихся Ему духомъ и истиною“ (Іоанн., 4, 23): таковые богомольцы угодны Богу; таковые богомольцы угодны и святымъ. „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ“ (Псал., 67, 36),—дивенъ не только въ нихъ, но дивенъ и въ подражателяхъ имъ. „Удиви Господь хотѣнія Своя въ нихъ“ (Псал., 15, 3); удивитъ и въ насъ хотѣнія Своя, ежели мы послѣдовать святымъ не отречемся.

„Удивитъ“. Сіе слово замѣтимъ мы. Оно прямо означаетъ, что Богъ чрезъ святыхъ производитъ чудеса, то есть такія дѣла, кои сверхъ слабыхъ силъ человѣческихъ, сверхъ почти обыкновеннаго естественнаго дѣлъ порядка. Я не говорю о тѣхъ чудесахъ, что святые дотого силою Всемогущаго вознесены, что многихъ въ жизни отчаянныхъ исцѣляли, даже мертвыхъ воскрешали, заграждали уста львовъ, угашали силу огненную, избѣгали острея меча, преодолѣвали гораздо сильнѣйшихъ себя, скитались въ пустыняхъ, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, и, умерщвляя до крайности свою плоть, не только не изнемогали, но еще крѣпчайшими творились. Я не говорю о сихъ чудесахъ, кои были болѣе дѣйствіемъ Бога всемогущаго, а

святые послужили только способными къ тому орудіями; и потому Господь чрезъ сіи чудеса удивилъ болѣе во святыхъ „Своя хотѣнія“, а чрезъ то и ихъ прославилъ.

Я говорить болѣе долженъ о тѣхъ чудесахъ, что многіе святые изъ грѣшниковъ сдѣлались праведниками, изъ развратныхъ исправными, изъ нечистыхъ чистыми, изъ нечестивыхъ благочестивыми,—что они были по всему тому, яко „каменіе“ жестокое; но благодать Божія столь чудесно воздѣйствовала въ нихъ, что изъ каменія учинила ихъ „чадами Авраама“ (Мато., 3, 9). О, чудо всѣхъ чудесъ удивительнѣе, да и спасительнѣе! Мытари,—говоритъ Евангеліе,—„предваряютъ вы въ царствіи Божіи“ (Мато., 21, 31). Что сіе значитъ?—и стыдъ для насъ и радость. Стыдъ, что-де самые развратные люди исправились и, благодатію Божіею, даже доведены быть въ соединеніи съ Богомъ во царствіи Его; радость: ибо подаетъ надежду, что и мы, сколько бы ни были грѣшны, можемъ стать праведными, ежели покаяніемъ перемѣнимъ свою жизнь и охотно послѣдовать не отречемся Богу, ко спасенію насъ не токмо зовущему, но и влекущему.

Сіи чудеса суть гораздо славнѣе другихъ чудесъ. Исцѣленъ бы ты былъ чудесно отъ болѣзни тѣлесной, но несравненно чудеснѣе, ежели бы ты исцѣленъ былъ отъ болѣзни душевной. Воскрешенъ бы ты былъ чудесно отъ мертвыхъ, но славнѣе было бы чудо, ежели бы твоя душа умершая воскрешена была, яко блуднаго сына, „иже мертвъ бѣ, и оживе“ (Лук., 15, 24). При исцѣленіи тѣлесной болѣзни, и при воскрешеніи тебя по тѣлу изъ мертвыхъ, паки ты грѣшить можешь, да еще при здравіи и крѣпости тѣла и удобнѣе случай ко грѣху; а при исцѣленіи душевной болѣзни, ты удаленъ отъ искушенія грѣховнаго, да здравіе души удалитъ отъ тебя и тѣлесныя болѣзни.

Симъ-то чудеснымъ образомъ удивилъ Господь во многихъ святыхъ чудесныя хотѣнія Своя. Ибо многіе изъ святыхъ были прежде великіе грѣшники, но, удивляющій Свои въ нихъ хотѣнія, Господь столь измѣнилъ ихъ, что они стали великими святыми, даже чудотворцами. А ежели нѣкоторые изъ нихъ и не были изъ самыхъ развратнѣйшихъ, хотя всѣ были не безгрѣшны; но Богъ даровалъ имъ сію чудотворную силу, что они многихъ грѣшниковъ приводили на путь спасенія, вели и довели вкупѣ съ собою до царствія небеснаго.

Уважая сіе чудо Бога благодатнаго и всемогущаго паче всѣхъ чудесъ, да не унываемъ, что мы, яко грѣшники и яко развращенные, Бога и святыхъ Его восхвалять, Богу приносить моленіе и ходатайства святыхъ испрашивать, аки бы уже не должны мы. Нѣтъ, не преставай, грѣшниче, при всѣхъ своихъ грѣхахъ, при всемъ своемъ нераскаяніи сердца, даже хотя по одной только наружности,—не преставай восхва-

лять Бога и святыхъ Его въ соборахъ церковныхъ; не преставай приносить Ему моленія и испрашивать ходатайства святыхъ Его; не преставай, говорю. Ибо таковое святое упражненіе не презритъ Господь, желающій всѣмъ спастися и въ разумъ истины прiити. Невидимо, неожиданно тронетъ Богъ и сердце твое: какимъ-либо чуднымъ ударомъ пробудитъ тебя отъ сна, растрогаетъ твое безчувствіе, и въ размышленіи твоемъ, хотя сначала холодномъ, но по малу разгорится огнь благодатный, и ты съ удивленіемъ и радостію ощутишь въ себѣ дивную измѣну „десницы Вышняго“ (Псал., 76, 11). Не ограничены суть судьбы Божіи. Многое множество благости Его сбережено для желающихъ спастися. „Кто уразумѣ умъ Господень“ (Римл., 11, 24)?

Се, и самый день праздника сего не что иное есть, какъ случай къ чудеси спасенія грѣшныхъ. Пусть бы ты взошелъ сюда безъ дальняго о спасеніи своемъ намѣренія, по одному только обыкновенію, или, можетъ быть, и еще по какому-нибудь худшему побужденію; но, взошедъ, узришь таинства великія, благоговѣйно совершаемыя,—услышишь гласъ Евангелія и пѣнія церковныя, о спасеніи твоемъ тебѣ напоминающія; воззришь и на сей святый гробъ и помыслишь, кто онъ былъ, какъ свое житіе препровождалъ, какъ его окончалъ, какою честію онъ отъ Церкви почтенъ, какъ его прославилъ дивный во святыхъ Своихъ, и за что?

Сіе зря и слыша, и помышляя, ожидай безъ сомнѣнія, что сквозь твою наружность проникнетъ благодать, тронетъ сердце, хотя ожесточенное: „Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ“ (Евр., 4, 12).

Что же, когда еще при семъ споспѣшатъ и твои молитвы, святче Божій, преподобне отче Сергіе!? „Много бо можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема“ (Іаков., 5, 16). Мы о томъ тебя молимъ, хотя съ неисправнымъ житіемъ, но съ усердіемъ къ тебѣ и съ упованіемъ на благость Божію. Прiими моленіе наше, прiими и отъ меня недостойное и, можетъ быть, по старости и слабости моихъ лѣтъ послѣднее похвальное проповѣданіе святыя твоея жизни, такъ, какъ и прежде многократно таковое отъ меня принимать благоволилъ ты. Дерзновенно желать подобнаго тебѣ жребія; но дозволь хотя того желать, „да умретъ душа моя въ душахъ праведныхъ сихъ“ (Числ., 23, 10). Аминь.

Слово на освященіе храма *).

„Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи“! (Псал., 92, ст. 5).

Много есть въ свѣтѣ зданій, и приватныхъ и публичныхъ; изъ нихъ есть не малое число великолѣпныхъ, величественныхъ и богатою рукою устроенныхъ. Но всѣхъ ихъ несравненно превосходитъ зданіе храмовъ, въ честь Божію и въ служеніе Его воздвиженныхъ. „Святыня“, которая свойственно принадлежитъ храмамъ Божіимъ, есть то, что выше всякаго благолѣпія, выше всякаго богатства. Мы сравнимъ одни съ другими, и узримъ сію истину.

Всѣ прочія зданія устрояются для человѣковъ, или для человѣческихъ дѣлъ; но храмъ устрояется единственно въ честь Божію и въ священное Ему служеніе. Самое сіе столько возвышаетъ храмъ Божій выше всѣхъ прочихъ зданій, сколько есть возвышеннѣе вѣчный и безсмертный Богъ паче человѣка смертнаго и тлѣннаго.

Всѣ мірскіе домы устрояются, чтобъ сокрыть и охранить себя отъ воздушныхъ перемѣнъ, и тѣлу доставить здравіе и спокойствіе. Но храмы Божіи устрояются, чтобъ въ нихъ сокрыть себя отъ бури житейскихъ попеченій и предохранить себя отъ соблазновъ міра, а чрезъ то соблюсти духъ отъ заразы грѣховной и доставить душѣ тишину.

Ежели мірскіе домы, сверхъ нужды, еще иногда съ излишествомъ убираются великолѣпно,—сіе ни къ чему въ пользу не служитъ, какъ только къ одному любованію суетной мечты, а иногда и къ предосужденію, что вся та издержка на великолѣпіе могла бы быть обращена на что-нибудь полезнѣйшее. Не рѣдко же таковое великолѣпіе возбуждаетъ въ однихъ зависть, другихъ—бѣдныхъ заставляетъ роптать, что они едва себѣ находятъ пріютъ; а сей возвышаетъ и расширяетъ зданія, и не только въ бѣдности имъ не вспомоществуетъ, но еще какъ бы насмѣхается надъ ихъ бѣдностію, или по крайней мѣрѣ побуждаетъ ихъ болѣе чувствовать бѣдность свою и униженіе.

Но храмы Божіи требуютъ ли таковаго мірскаго великолѣпія? Конечно, лучшее и святое ихъ украшеніе, когда въ нихъ совершается служба Божія съ благоговѣніемъ, и собирающіеся въ нихъ христіане украшены благочестіемъ и благонравіемъ. Отъ сего стѣны храма возблистаютъ паче злата и сребра, сколькобъ зданіе храма само по себѣ ни было малоцѣнно.

*) Говорено 1806 года, октября 7 дня, при освященіи храма Мартыновскаго, что за Яузою.

Однако, и внѣшнія украшенія храмовъ служатъ къ истинной пользѣ и къ созиданію. Ибо всѣ они относятся не къ суетѣ человѣческой и тщеславію, но единственно къ чести и славѣ Божіей. Ибо кому здѣсь приносится злато, сребро и всякая драгоцѣнность, какъ не Тому, отъ Коего все сіе даровано, и Который всего того есть полный Владыка? Всякъ, устрояяй сіе, не можетъ не сказать: „приношу Тебѣ, Господи, Твоя отъ Твоихъ“. При томъ, самыя чувства, бывъ поражены великолѣпіемъ храма, возвышаютъ мысль къ отличному понятію о величествѣ Божіемъ и плѣняютъ сердце страхомъ къ Нему и любовію.

Но куда же употребить богатство, которое Богъ кому даровалъ? Вы скажете: „на бѣдныхъ и неимущихъ“. Конечно, сіе употребленіе есть самое святое и богоугодное. Но положимъ, что бѣдные не остаются въ забвеніи и по возможности снабжаются,—храмы Божіи не устрояются ли и для бѣдныхъ и неимущихъ? ибо они суть общій домъ для всѣхъ—и для богатыхъ и для бѣдныхъ. Кто бы ни былъ великъ и богатъ, и сколько бъ кто ни былъ самый низкій, равно имѣютъ право въ храмъ входить, въ немъ стоять, въ немъ къ общему Отцу приносить свое моленіе и возвѣщать Ему печаль свою, на Него оную возвергать, равно со всѣми приступать къ священной трапезѣ, равно со всѣми пировать, насыщаться безсмертною пищею тѣла Господня и упоеваться животворящею Его кровію. Сіе не облегчаетъ ли бѣдность? и не почитается ли устроцвый домъ Господу, что тѣмъ онъ снабдилъ и неимущихъ, или подалъ имъ наилучшій способъ къ облегченію и къ великодушному сношенію ихъ бѣдности?

Сравните вы теперь сіи священныя зданія съ богатыми и великолѣпными домами мірскими. Допускаютъ ли туда бѣдныхъ и неимущихъ? Бѣдный Лазарь лежитъ при вратахъ богатаго. Единъ гордый, богатствомъ напыщаясь, въ немъ обитаетъ и, не возмогши всю его обширность собою занять, единымъ зрѣніемъ свое мечтаніе насыщаетъ. А ежели кто въ таковой домъ и входитъ, то развѣ подобные ему, и, вкупѣ съ нимъ, облекшись въ порфиру и виссонъ, веселятся на всякъ день свѣтло; а бѣдный, обходя его и обзирая его обширность и великолѣпіе, только что ропщетъ и, окаевая свою бѣдность и низкость, ничего добраго потому домовладыкѣ не желаетъ; по крайней мѣрѣ ни чемъ отъ того великолѣпнаго дому не пользуется ни по душѣ, ни по тѣлу.

Сіе одно сколь драгоцѣннымъ и любезнымъ творитъ храмъ Божій, какъ домъ для всѣхъ общій! Бѣдный, взошедъ въ великолѣпный таковый храмъ и въ немъ свободно пребывая, можетъ возгордиться безгрѣшною гордостію и въ мысли своей сказать: „не гордись, богатый! и я теперь не хуже твоего въ великолѣпномъ домѣ пребываю. Господь сего дома далъ мнѣ сію власть, чтобъ почитать его яко своимъ. Ибо

Имъ сказано: „елика сотвористе единому изъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ (Матѳ., 25, 40). Когда Онъ удостоилъ меня именовать Своимъ братомъ, то я по тому дому Его—или сообитатель, или наслѣдникъ. Онъ говоритъ каждому изъ вѣрныхъ: „вся Моя твоя суть“ (Лук., 15, 31).

Но не только Онъ творитъ его участникомъ Своего дома, а чрезъ сіе сравниваетъ его со всѣми богатыми и могущественными міра. По судьбамъ Божіимъ неиспытаннымъ, но праведнымъ, суть различныя въ мірѣ состоянія; одни очень возвышены, другіе весьма унижены: первые послѣднихъ почитаютъ презрѣнными и яко своимъ подножіемъ; и потому никакого съ ними нигдѣ сообщенія не имѣютъ. Нельзя, чтобъ презрѣнный, сколько бы ни былъ смиренъ и терпѣливъ, не возчувствовалъ въ себѣ таковаго униженія и оскорбленія. Что же Богъ творитъ, дабы сихъ презрѣнныхъ утѣшить?—устрояетъ общіе для всѣхъ молитвенные домы. Здѣсь всѣ соединены, здѣсь всѣ равны: ибо всѣ—единаго Отца дѣти, всѣ между собою—братія; и можно, услаждаясь таковымъ зрѣлищемъ, съ Пророкомъ воскликнуть: „здѣсь левъ и агнецъ вкупѣ пасутся“ (Іс., 11, 6); „вкупѣ въ кровѣ Бога Небеснаго водворяются“ (Псал., 90, 1).

Но не забудемъ мы и того, что въ началѣ слова сказали мы,—яко дому Господню подобаетъ „святыня“. Сіе-то единое храмы Божіи безконечно возвышаетъ паче всѣхъ мірскихъ домовъ огромныхъ, величественныхъ и великолѣпныхъ. Ибо какія дѣла въ домахъ мірскихъ производятся?—ядятъ, пьютъ, опочиваютъ, о различныхъ своихъ пользахъ и нуждахъ разсуждаютъ и разговариваютъ и сами между собою, и съ знакомцами, пріятелями своими. Сіе все еще непредосудительно: ибо хотя оно только до однихъ мірскихъ заботъ и суетъ относится, и хотя все принадлежитъ только до земли одной, до тлѣнности; однако, по крайней мѣрѣ не вредно и человѣку въ мірѣ живущему свойственно. Но что еще въ тѣхъ же домахъ творится?—разныя несогласія, ссоры, драки, сквернословія, пьянства, скачки, пляски, любодѣянія, прелюбодѣянія и прочія безчинія, о коихъ ап. Павелъ постыдился и говорить, а только сказалъ, что-де „бываетъ у нихъ въ домахъ тайно, срамно есть и глаголати“ (Ефес., 5, 12). Въ таковыхъ же нечистыхъ жилищахъ производятся злобные противъ другихъ замыслы, клеветы, зависти, хитрые и беззаконные для корыстолюбія вымыслы; и все злое, что ни творится въ мірѣ семъ, все то происходитъ изъ домовъ и въ нихъ зачинается.

Но таковъ ли есть домъ Божій? Ему подобаетъ святыня. Что ты въ немъ узришь, кромѣ святости? Совершаются въ немъ великія тайны: „святыня“. Проповѣдуются въ немъ Божіи чудеса и благодѣянія:

„святыня“. Признаетъ въ немъ всякъ свои грѣхи и въ нихъ раскается, и проситъ отъ милосердаго Бога прощенія: „святыня“. Преподаются въ немъ правила, какъ намъ благочестиво жить на землѣ, и какъ богоугодно переселиться на небеса: „святыня“. Какъ намъ между собою жить въ согласіи и любви, и приносить молепія со всѣми въ мирѣ: „святыня“. Какъ повиноваться высшимъ, любить равныхъ, миловать бѣдныхъ и несчастливыхъ: „святыня“. Словомъ, нѣтъ ничего въ храмахъ, кромѣ святости: всякое упражненіе есть полезное, всякое движеніе клонится къ исправности нравовъ и къ честности. Нѣтъ ничего непристойнаго, соблазнительнаго; даже не дозволяются въ нихъ и тѣ дѣла, кои въ домахъ совершаются, и кои хотя не предосудительны но болѣе относятся къ земной пользѣ, а не къ небесной.

Видите, любезныя братія и чада о Христѣ, какое есть преимущество храмовъ Божіихъ предъ всякими мірскими! Вѣдая сіе, первые христіане столь свято почитали храмы, что на полъ церковный плевать не дерзали. А нѣкоторые благочестивые исцѣляли неисцѣлимыя свои тѣлесныя раны пылью съ пола церковнаго, дѣлая изъ нея масть, слезами ихъ растворенную.

Теперь скажемъ, хотя кратко, о тѣхъ, кои созидаютъ таковые храмы. Сколько они таковымъ созиданіемъ одолжаютъ всѣхъ христіанъ,—о томъ нѣсколько выше объяснили мы.

Но что скажемъ объ ихъ щедромъ истощаніи своего имѣнія на таковыя зданія? Сколь оно есть велико, похвально и рѣдко,—лучше то понимаютъ и чувствуютъ, кои порокомъ скупости и сребролюбія заражены, или свое богатство на одну роскошь и мотовство расточаютъ. Я долженъ итти далѣе, итти къ самому источнику. Внутренній храмъ души требуетъ прежде всего быть устроенъ и украшенъ благочестіемъ и святостію. Кто не имѣетъ сего, никогда не будетъ истощавать имѣнія своего на созиданіе веществеппаго храма. Возможно ли, чтобъ не помышляющій о Богѣ, не имѣя возженнаго къ вѣрѣ и благочестію духа,—возможно ли, чтобъ онъ подумалъ устроить домъ Богу Вышнему, и не пожалѣлъ бы все почти свое имѣніе истощавать единственно въ честь и славу Бога и святой Церкви Его? никакъ не возможно. А паче отъ противнаго сему расположенія—ожидать, что онъ таковое благочестивое дѣло дерзнетъ предосуждать, да еще и желать, чтобъ видѣть устроенные храмы разрушенными.

Если бы въ комъ,—при устроеніи таковыхъ храмовъ,—вкралась и страсть собственнаго тщеславія, то сію слабость удобно загладить можетъ таковая великая, принесенная имъ Богу, жертва,—въ чемъ и всѣ христіане, пользующіеся его устроеніемъ, да и сама святая Церковь, всегдашними о немъ молитвами, ему содѣйствовать будетъ.

*

Таковую-то пользу и честь пріобрѣлъ себѣ симъ великолѣпнымъ, и едва ли не первымъ въ царствующемъ градѣ семъ, храмомъ сооружитель его, рабъ Божій Василій! При неожидаемой его кончинѣ, конечно, смущала его сія святая мысль, что онъ не удостоился сей храмъ совершить и освятить. Но Богъ его благое намѣреніе и предпріятіе осчастливилъ тѣмъ, что оставилъ по немъ наслѣдіе, кое, бывъ оживлено его духомъ, не оставило сего святаго дѣла: совершили и освятили, и весь соборъ христіанъ на сіе торжество собрали, и очи всѣхъ душевныя и тѣлесныя красотою и отличнымъ великолѣпіемъ увеселили. Мы же, симъ одолженные, помолимся о немъ, да, вмѣсто сего храма рукотвореннаго, вселитъ его Господь во храмъ нерукотворенный, вѣчный на небесахъ; а наслѣдіе его да благословитъ миромъ, здравіемъ, долгоденствіемъ и всѣми благими тѣлесными и душевными. Аминь.

Слово на Рождество Христово *).

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе“. (Лук., гл. 2, ст. 14).

Сію пѣснь воспѣли ангелы, когда на земли явился Богъ во плоти нашей. Сія пѣснь восхитила пастырей и удивленіемъ и радостію. Сія пѣснь огласила вселенную и оную воздвигла къ размышленію о семъ чудесѣ, а вѣрующихъ къ торжеству несказанному.

По паденіи перваго человѣка, когда явился также Богъ въ раю въ видѣ человѣческомъ, человѣкъ убоялся. Богъ даже приглашалъ его: „Адаме! гдѣ еси“ (Быт., 3, 9)? Но, трепеща, Адамъ скрывался и страшился видѣть Бога, грѣхомъ его раздраженнаго. Но ежели бы Адамъ услышалъ нынѣшнюю ангельскую пѣснь, возрадовался бы, взыгралъ и восторжествовалъ. Ибо ангелы проповѣдывали, яко явился не Богъ отмщеній, но Богъ милосердія,—не судія, но отецъ,—не наказывать за грѣхъ, но разрѣшить грѣхъ и помиловать грѣшника; проповѣдывали не гнѣвъ, но миръ на земли,—не въ человѣцѣхъ осужденіе, но „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. О, пѣснь, человѣку грѣшнику превожделѣнная и прерадостная!..

Святые ангелы! возвеселили вы пѣніемъ сердца простосердечныхъ пастырей. Дозвольте, чтобъ и я, недостойный пастырь, воспѣлъ сію пѣснь посреди Церкви, въ слухъ вѣрующихъ явленію Божію во плоти.

*) Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, 1806 года.

Вы же, христоименитые слушатели, сію пѣснь примите съ такимъ же восторгомъ радости, съ какимъ приняли оную отъ ангеловъ пастыри. И вѣдаю я, что сущіе Христовы чувствуютъ радость сію въ сокровенности души своей и не требуютъ дальняго объясненія ангельской пѣсни. Но понеже нѣкоторые суть „младенцы о Христѣ, кои еще твердой пищи не причастны, а млекомъ питаются“: то не безполезно будетъ для таковыхъ нѣсколько объяснить силу оной ангельской пѣсни.

Ангелы въ краткой пѣсни своей возгласили три важные догмата. Во-первыхъ, „слава Богу“; во-вторыхъ, „на земли миръ“; въ третьихъ, „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Однако, „слава Богу“ хотя возглашена во-первыхъ, но она есть заключеніе всего: она непосредственно послѣдовала послѣ дарованія мира землѣ и оказаннаго человѣкамъ благоволенія. Ибо, чтобы даровать миръ землѣ и явить человѣкамъ благоволеніе, намѣреніе Божіе и конецъ были, дабы открыть славу Свою, и потому воспѣта прежде всего „слава Богу“: ибо конецъ всякаго дѣла хотя есть послѣдній въ исполненіи, но первый въ намѣреніи. И такъ, приступимъ мы прежде къ дарованному „миру землѣ“.

Миръ многообразенъ: всякое согласіе и любовь между человѣками происходитъ отъ мира. Миръ между отцомъ и чадами, миръ между мужемъ и женою, миръ между сосѣдями, миръ между гражданами, миръ между городами, миръ между государствами. И хотя таковый миръ между человѣками есть сокровище драгайшее, источникъ благоденствія, и устрояетъ земное блаженство, какъ особенно каждаго, такъ и всего общества, и малаго и великаго; но не таковой миръ возглашаютъ Ангелы. Тотъ есть „миръ человѣческій“, а „миръ ангеловъ есть миръ Божій“; тотъ миръ есть человѣковъ съ человѣками, а сей миръ есть миръ человѣка съ Богомъ; тотъ миръ устрояетъ блаженство земное, а сей возводитъ къ блаженству небесному. Миръ, ангелами проповѣдуемый, есть разрѣшеніе совѣсти повинной,—есть успокоеніе законопреступной души, отъ гнѣва Божія трепещущей,—есть примиреніе враждебнаго Богу человѣка съ Богомъ,—есть, вмѣсто чуждаго, присвоеніе или принятіе его въ свои домашніе,—есть его усыновленіе, то есть, вмѣсто чада гнѣва, принятіе его въ чадо любви отеческой, во вѣки неразрушимой,—есть пріискреннее соединеніе человѣка съ Богомъ, или какъ бы обоженіе. Ахъ! что можетъ быть выше сего блага, сего сокровища неизмѣримаго и неоцѣненнаго? что вожделѣннѣе? что радостнѣе?

Посему, когда ангелы возвѣстили миръ землѣ, кажется мнѣ, что они тогда, хотя не словами, но точною силою смысла ихъ, такъ возглашали: „слушай, вся земля! вонми, вся поднебесная! внуши, весь человѣческій родъ! Благовѣствуемъ всѣмъ вамъ миръ. Вы были враги Богу: своими безъ числа преступленіями, своими скверными беззаконіями,

своими наглыми пороками, своими умышленными злодѣяніями раздражили Бога, воспламенили гнѣвъ Его, учинили себя извергами, достойными Его отверженія на вѣки, осужденія на безконечныя казни и сожитія съ нечистыми духами, съ коими вы своимъ нечистымъ житіемъ давно содружились. Что ужаснѣе и нестерпимѣе сего состоянія? Но нынѣ, нынѣ, се, благовѣствуемъ вамъ миръ, и сами, сорадуясь вашему счастію, оный радостно воспѣваемъ. Нынѣ, раздѣляющая васъ отъ Бога, преграда разрушилась; нынѣ, се, небеса отверсты, и пламенное оружіе, двери райскія стрегущее, далеко бѣжитъ; нынѣ рукописаніе, которое вы дали, отдавая себя въ плѣнъ діаволу, раздирается; нынѣ съ вами Богъ примиряется. Воззрите на лице Его: се, уже оно къ вамъ сіяетъ отеческою любовію; се, Онъ Самъ бѣжитъ къ вамъ на срѣтеніе и подъемлетъ руки на объятіе васъ; се, износитъ перстень обрученія на руки ваши, въ знаменіе, что Онъ васъ возлюбилъ не только, яко отецъ сына, но яко женихъ невѣсту. Се, Самъ Онъ торжествуетъ о счастіи вашемъ; се, готовитъ славный пиръ, и понеже хотѣлъ ознаменовать, сколько любитъ васъ, то не изобрѣлъ лучшей для васъ пищи, какъ угощать васъ даже тѣломъ Своимъ, напоевать даже кровію Своею. Таковое состояніе не есть ли миръ, миръ незаслуженный, миръ пречудный, миръ безцѣнный, когда толико непостижимаго величества Богъ снисходитъ къ человѣку, къ персти, бренію и ничтожеству?. Сіе видя,—глаголютъ ангелы,—мы, ужасомъ поражаемые и соучаствуя въ радости толикой, не могли удержаться, чтобъ не воспѣть миръ на земли и симъ пѣніемъ огласить небо и землю, и воздвигнуть весь человѣческій родъ“.

Слыша таковое ангельское пѣніе съ таковымъ благовѣстіемъ, не восхитимся ли мы восторгомъ радости, которую сердце и вѣра чувствовать можетъ, а никакое слово описать не можетъ?

Но до слуха ли всѣхъ доходитъ сіе ангельское пѣніе? Кажется, что до всѣхъ, ибо „во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Псал., 18, 5). Но сего мало: всѣхъ ли слухъ услаждаетъ сіе пѣніе ангельское? О! едва ли сіе можно осмѣлиться сказать. Ибо не только ангелы, но Самъ Богъ жалуется, говоря: „Понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте Моя совѣты, и Моимъ обличеніемъ не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба“ (Притч., 1, 24). О, страшное прещеніе! Нѣгдѣ среди Іерусалима возглашалъ Пророкъ: „Слыши, небо, и внуши, земле“ (Ис., 1, 2). „Для чего,—вопрошаетъ святый Златоустъ,—Пророкъ обращаетъ свое слово не къ людямъ живущимъ въ Іерусалимѣ, коимъ проповѣдывать посланъ былъ; а обращаетъ его къ небу и земли“?—„Для того,—говоритъ сей му-

дрый отецъ,—что жители града отвращали слухъ свой отъ его проповѣди; почему Пророкъ принужденъ обратиться своимъ словомъ къ неодушевленнымъ вещамъ, къ небу и землѣ".

Такъ и ангельское пѣніе возвеселило небо, взыграла отъ того земля; но живущіе на земли едва ли со вниманіемъ приняли оное пѣніе, а кольми паче весьма не великое число людей онымъ пѣніемъ усладилось.

Миръ на землѣ, воспѣтый ангелами, есть только для тѣхъ, кои тѣмъ пѣніемъ душу свою усладили и вѣру свою насытили, которые приняли, явившагося во плоти нашей, Бога чистымъ сердцемъ, и сами чрезъ Него отродились Духомъ, стали „новою тварію" (2 Кор., 5, 17). „Явися",—вопіетъ Апостолъ,—„благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ" (Тит., 2, 11). Но безъ всякаго ли расположенія сія благодать во всѣхъ вмѣстилася?—нѣтъ, заключаетъ Апостолъ, но только въ тѣхъ, кои такъ себя расположили, „да цѣломудренно и праведно и благочестно поживутъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ" (Тит., 2, 12). Кои такъ расположены и такъ живутъ, въ таковыхъ человѣдѣхъ есть „благоволеніе": они чувствуютъ въ совѣсти своей миръ, чувствуютъ въ себѣ любовь Небеснаго Отца и исполняютъ сердце свое симъ воплемъ громкимъ: „Авва Отче" (Римл., 8, 15)! понеже не находятъ уже себя рабами, но сынами,—аще же сынами, то и наслѣдниками Божіими.

Сіи-то, избранные отъ всякаго рода и племени, созерцаютъ и славу Божію,—славу, которая состоитъ въ открытіи благости безпримѣрной и въ премудрости безконечной, что изобрѣлъ Богъ таковый чудесный образъ примиренія нашего съ Нимъ. Чудесный: ибо и все богатство благости излить на насъ соблаговолилъ Богъ, и вѣчное правосудіе, насъ осуждающее, умѣлъ удовлетворить. Сія слава Бога преблагаго и премудраго да будетъ отъ всей Церкви благословенна и проповѣдуема до небесъ въ безконечные вѣки! Аминь.

Слово въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ *).

Какъ только родился Спаситель, мало того, что Онъ „во своя пріиде, и свои Его не пріяша" (Іоанн., 1, 11),—тотчасъ по рожденіи, еще въ младенческихъ пеленахъ, злость міра сего на Него вооружается: „ищутъ душу Его, да погубятъ ю" (Матѳ., 2, 14). Блаженная, но болѣзненная Мать, сохраняя жизнь, для Нея и для всего міра дражайшую, бѣжитъ во Египетъ, да сохранитъ Младенца, въ тѣлѣ Коего хранимо было „все исполненіе Божества" (Колос., 2, 9).

*) Говорено въ Виеаніи 1805 года.

Странный и неудобно понимаемый случай! Онъ неутвержденнымъ въ вѣрѣ можетъ послужить соблазномъ. Возможно ли,—подумаетъ благовѣрный,—чтобы бренная и ничтожная тварь могла гнать Творца своего? возможно ли, чтобы явившійся во плоти Богъ искалъ удаленнаго мѣста, дабы сохранить жизнь Свою? Гдѣ на тотъ часъ сокрылись молніи и громы, чтобы поразить и истребить гонителей? Какъ не возмутился воздухъ и бурями своими не опровергъ все? какъ отъ основаній своихъ не поколебалась земля, чтобы стрясти нечестивыхъ съ лица своего? Но сего сотворить не благоволитъ Тотъ, Который „содержитъ вся глаголомъ силы Своея“ (Евр., 1, 3). Бѣжитъ горестная Мать, кроется предвѣчный Младенецъ, и, вмѣсто Его закалается, Ему какъ бы въ жертву приносится нѣсколько тысячъ младенцевъ.

Таковое событіе, говорю, неутвержденнымъ въ вѣрѣ можетъ послужить соблазномъ. Могутъ слабые подумать, что не былъ Онъ Богочеловѣкомъ, а былъ яко единъ изъ насъ,—да изъ насъ малосильныхъ и презрѣнныхъ, копхъ, хотя такіе же люди, но сильные и великіе обыкновенно гонятъ, и мы, не имѣя защиты, принуждены только отъ нихъ укрываться и въ терпѣніи все сносить.

Чтобы таковый соблазнъ маловѣрныхъ опровергнуть, а другихъ отъ того предохранить, взойдемъ мы въ разсужденіе и испытаемъ, колико можемъ, на какомъ основаніи жизнь человѣческую Богъ устроить благоволилъ.

Жизнь наша устроена премудрымъ Богомъ, чтобы не столь была жизнію, но подвигомъ. Мы почитаемъ жизнь сію, яко жизнь нашу, и столько присвоили ее себѣ, и прилѣпились къ ней, что никогда ее оставить не хотѣли. Но истина Божія и самое событіе вещей велитъ ее почитать „странствіемъ“ на земли, гостинницею, путемъ ведущимъ къ небеси, частицею времени, данною на краткое прохожденіе. Что есть жизнь наша? Свидѣтельствуетъ слово Божіе: „паръ есть, иже вмалѣ является, и вмалѣ исчезаетъ“ (Іаков., 4, 14). Но и безъ свидѣтельства истины Божіей, мы сами чувствуемъ, видимъ, признаемъ, что жизнь сія весьма коротка, — что ея извѣстный предѣлъ семьдесятъ, или восемьдесятъ лѣтъ. Да и сего предѣла рѣдкіе достигаютъ, и многіе въ самомъ цвѣтѣ юности увядаютъ.

Если жизнь сія, яко весьма краткая, есть „странствіе“, то какъ можно ожидать, чтобы, странствуя, безъ дома, на пути, при многихъ встрѣчающихся затрудненіяхъ, недостаткахъ, прискорбіяхъ, опасностяхъ,—какъ можно ожидать, чтобы человѣкъ былъ совершенно спокоенъ? Если жизнь сія есть гостинница, то благоразумный захочетъ ли въ ней располагаться, какъ въ своемъ домѣ,—и никогда изъ тѣсной гостинницы въ свой, выгодный и всѣмъ снабдѣнный, домъ поспѣшить не

восхощетъ? Если жизнь сія есть путь, водущій къ небеси, то почто не желать, чтобы сей путь былъ, сколько возможно, короче,—и радоваться надеждою, что скоро кончается путь, что откроется мнѣ предѣлъ и жилище вѣчное, гдѣ отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе? Если сія жизнь есть кратчайшая частица времени,—то почто мы такъ много заботимся безконечно собирать и устроять и охотимся предпринимать, какъ бы дано намъ жить нѣсколько тысячъ лѣтъ? Да и самая кратчайшая частица времени не зависитъ отъ власти нашей, но отъ Владыки лѣтъ и временъ.

Когда же жизнь сія есть и странствіе, и гостинница, и путь, то уже само собою разумѣется, что она есть не столько жизнь, сколько подвигъ, или и жизнь, но единственно опредѣленная на подвигъ.

Что она есть единъ подвигъ, кажется, нѣтъ нужды доказывать. Сіе всякій день, всякій часъ каждый и срѣтаетъ, и видитъ. Я теперь не говорю о домашнихъ заботахъ каждаго: о женѣ, о дѣтяхъ, о пропитаніи, о различныхъ болѣзняхъ, о часто прискорбныхъ и невѣрныхъ, съ другими подобными намъ, связяхъ; не говорю о семъ: ибо безконечное было бы описаніе сего. Скажу только кратко съ Апостоломъ,—а съ нимъ, думаю, и каждый тоже утвердитъ: „Бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи, въ трудахъ, въ подвигахъ, въ бдѣніяхъ, во алчбѣ и жаждѣ, въ зимѣ и наготѣ“ (2 Кор., 11, 26—27). Довольно сего! я долженъ бы теперь оплакивать таковую несчастную жизнь; но она премного и поразительно уже описана въ разныхъ духовныхъ, даже и въ свѣтскихъ, книгахъ; и, кажется, они описаны не чернилом, но слезами горести человѣческой.

Мы, яко духовные проповѣдники, должны сей подвигъ нашей жизни объяснить. Коли жизнь сія есть странствіе, то всѣ и труды и намѣренія мы должны предпринимать не иные, какъ тѣ, кои прямо ведутъ насъ къ тому мѣсту, куда мы дойти предпріяли. Если жизнь есть гостинница, то не должны мы привязывать себя къ ней, какъ къ собственному дому,—и не о домѣ, а только о гостинницѣ помышлять. Если жизнь сія есть путь, ведущій къ вѣчности, то не ко времени, но къ вѣчности все обращать должно.

А посему подвигъ человѣческой жизни по несчастію долженъ раздѣлиться. Одни подвизаются, единственно все относя къ тому концу, о коемъ мы сказали; а другіе не меньше заботятся, но все относятъ къ тлѣнной сей землѣ, къ краткой жизни сей. Истинно сказано: „Аще и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще незаконно мученъ будетъ“ (2 Тим., 2, 5); и въ другомъ мѣстѣ: „Не вѣсте ли“, яко въ позорищи вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть“ (1 Кор., 9, 24)? То есть,

въ ристаніяхъ и борьбахъ много всѣ сносятъ рвенія и трудовъ; а пріемлетъ почесть и вѣнецъ единъ тотъ, который побѣдитъ или назначеннаго мѣста достигнетъ.

Сія истина заставляетъ оплакивать тѣхъ, кои много трудятся, заботятся, мучатся; но понеже все то предпринимаютъ и сносятъ для тѣла, для земли, для жизни сей, то весь ихъ трудъ тщетенъ и жалости достоинъ. „Сѣяй", говоритъ Апостолъ, „тлѣніе, и пожнетъ тлѣніе" (2 Кор., 9, 6). То есть, все пріобрѣтенное земное и для земли или истлѣетъ, или другимъ, да еще иногда и врагамъ твоимъ, достанется, и тебѣ изъ того пользы никакой не будетъ. Хотя ты и страждешь, но не вѣнчаешься. „Въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ" (Лук., 12, 20)? Такъ не въ себя Евангеліе велитъ богатѣть, но богатѣть въ Бога.

Подвигъ убо таковой тщетенъ и сожалѣнія и слезъ достоинъ. Но подвигъ для неба, для вѣчности, для Бога есть подвигъ святъ и достохваленъ. Подвизающіеся для земли и для жизни сей, а пренебрегающіе подвигъ святой, хотя бы могли извиниться тѣмъ, что подвигъ для неба есть гораздо тягостнѣе, нежели подвигъ мірской; но сего сказать едва ли по справедливости можно: ибо извѣстно, какими суетами и бѣдствіями жизнь сія преисполнена. По свѣту живущіе люди колико несутъ попеченій о домѣ и о семьѣ, колико опасностей отъ клеветъ, колико утѣсненіе отъ сильныхъ людей, колико отъ превратностей вѣка сего! Я часто помышлялъ, что хотя живущіе въ уединеніи и въ отшельничествѣ, кажется, идутъ на большіе труды и скорби; но едва ли ихъ состояніе не есть облегчительнѣе, нежели живущихъ въ мірѣ и плавающихъ въ бурѣ житейскихъ попеченій. Размышляя, я часто молилъ Бога, чтобы помогъ имъ безбѣдственно преплыть сію пучину и облегчить ихъ тягостное состояніе. Апостолъ Павелъ, не повелѣвая, а совѣтуя дѣвицѣ не обязываться бременемъ мірскаго житія, къ тѣмъ, кои не восхотѣли бы послушать его совѣта, а восхотятъ привязаться къ міру, говоритъ: „Скорбь плоти имѣти будутъ таковіи: азъ же вы щажду" (1 Кор., 7, 28); то есть, таковые много понесутъ мірскихъ заботъ, скорбей и печалей; а мнѣ васъ жаль: „Азъ же вы щажду".

Но положимъ, что подвигъ мірской для земли есть легче, нежели духовный для неба; но въ мірскомъ подвигѣ нѣтъ никого—ни руководителя, ни помощника; а въ духовномъ есть и руководитель, помощникъ, и самый сильный, надежный. Въ мірскомъ подвигѣ кто есть руководитель?—однѣ страсти. Какой отъ нихъ ожидать помощи? Онѣ только что мысли смутятъ и бремя, и безъ того тяжкое, отяготятъ; а искуситель міра сего только что будетъ прельщать, приманивая различными уловками, съ тѣмъ только, чтобы послѣ открыть горестное

окончаніе и опровергнуть въ бездну погибели. Но подвижникъ духовный имѣетъ въ подвигѣ своемъ и предводителя вѣрнаго, и помощника сильнаго. Предводитель его и помощникъ—Богъ: кто вѣрнѣе Его, кто сильнѣе? Подкрѣпляетъ Онъ терпѣніе, утѣшаетъ удовольствіемъ совѣсти и подаетъ различные способы къ преодолѣнію козней діавольскихъ, или искушенія его выдержать неослабно.

„Се,—говоритъ Пророкъ Исаія,—работающіи Ми ясти будутъ, вы же взалчете. Се, работающіи Ми пити будутъ, вы же возжаждете. Се работающіи Ми возрадуются, вы же посрамитеся. Се, работающіи Ми возвеселятся въ веселіи сердца, вы же возопіете въ болѣзни сердца вашего и отъ сокрушенія духа восплачетеся“ (Ис., 65, 13 и 14). Сею-то помощію ободряемый, оный великій подвижникъ, въ пространствѣ своего духа, могъ изречь: „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ“ (Филип., 4, 13). Итакъ, легокъ сей подвигъ, когда онъ имѣетъ таковаго руководителя и помощника.

Теперь слѣдуетъ разрѣшить общія сомнѣнія, почему бы милосердый нашъ Промыслитель жизнь нашу устроилъ быть только подвигомъ, да и подвигомъ толико тягостнымъ, такъ что жизнь сія кажется уже не столь вожделѣнною, сколько отвратительною и страшною. Ничего не можемъ мы въ семъ учрежденіи видѣть, какъ только одну премудрость, великую къ намъ благость и промышленіе о насъ пречудное? Ведетъ Онъ насъ къ блаженству вѣчному, чтобы съ Нимъ царствовать вкупѣ и быть обоженными,—быть какъ бы другими богами, обладающими небомъ и землею. Могъ бы Онъ дать намъ сію превосходную честь и славу по единому Своему милосердому изволенію; но чтожъ бы было тогда? Мы все то получили бы туне, по единой благости Его, а сами по себѣ должны были бы почитаться ничего не заслужившими. Вся честь была бы и слава единому Богу, а намъ ничто: хвалились бы только милостію Божіею, а своимъ ничѣмъ. Премудрый и преснисходительный Богъ соблаговолилъ, такъ сказать, Свою честь раздѣлить съ нами. Опредѣлилъ подвигъ, чтобы мы сражались съ міромъ, плотію и діаволомъ, и, побѣдивъ ихъ съ помощью Его, получили бы награду и увѣнчаніе, яко бы уже не по единой только милости Его, но и за свои заслуги и мужественные подвиги. А чрезъ сіе и милость Его прославилась бы, да и сохранено бы было правосудіе. Вѣнчаетъ Господь, по подвижниковъ, славныхъ воиновъ Своихъ, врага мужественно побѣдившихъ. И для того вѣнецъ награды сей Апостолъ называетъ „вѣнцомъ правды“; и Евангеліе утверждаетъ, что Онъ воздастъ комуждо по дѣламъ его. Сія-то есть мудрая, человѣколюбивая и чудная причина, для чего Богъ опредѣлилъ жизни нашей быть подвигомъ.

Теперь, объяснивъ сіе, видимъ, что на краткость жизни нашей

жаловаться мы не можемъ. Слава Его милосердію, что сократилъ многотрудный подвигъ нашъ! Мы и сей краткій подвигъ сносимъ или съ унынiемъ, или съ роптанiемъ: что, если бы онъ продолжился тысячу и больше лѣтъ? мы едва ли бы его снести могли, а изнемогли и пали бы подъ симъ бременемъ. Все Богъ строитъ и премудро и промыслительно для насъ.

По объясненiи всего сего, не забудемъ, для чего же Спаситель нашъ, бывъ Богъ и человѣкъ, съ самаго младенчества Своего началъ гоненiе, чрезъ всю жизнь страдалъ и окончилъ оную мучительнымъ распятiя крестомъ. Все общество избранныхъ Божiихъ на лицѣ земли составляло и составляетъ единъ корпусъ, или едино тѣло. Каждый особенно единъ другому—членъ, но всѣ вкупѣ соединяются въ единый священный составъ. Сiе Божественное тѣло не есть безобразно или уродливо, чтобы не имѣть ему своей главы; тѣло благообразно, и глава величественна. Сiя святѣйшая Глава святаго тѣла избранныхъ, или святой Церкви есть единая Глава, Спаситель нашъ, Господь Iисусъ Христосъ. Сiя Глава есть нераздѣльно и существенно соединена съ таинственнымъ тѣломъ Своимъ ни Глава безъ тѣла, ни тѣло безъ Главы быть не могутъ. „Се Азъ съ вами есмь“, рекъ Онъ Церкви Своей, „во вся дни до скончанiя вѣка“ (Мато., 28, 20). Глава оживотворяетъ члены; Ея управленiемъ и помощiю, члены всякъ свое дѣйствiе отправляютъ.

Подвигъ, какъ видѣли мы, для всѣхъ членовъ назначенъ. Какъ же могла бы остаться глава безъ участiя въ томъ подвигѣ, безъ всякаго дѣйствiя и содѣйствiя? Она должна предначинать не только, яко глава, неразлучно соединенная съ членами, но и членамъ предшествовать, и ихъ ободрять, ослабѣвающихъ подкрѣплять. Сiя должность для главы есть необходимая, и члены отъ главы своей сего требовать должны. Они предлежащiй подвигъ текутъ не иначе, какъ взирающе на Него, яко на Главу, яко на „Начальника вѣры и Совершителя Iисуса“. И для того-то Онъ жизнь началъ съ гоненiя; для того-то бѣжитъ во Египетъ и сноситъ всѣ другiя страданiя, дабы въ Своей священной особѣ явить примѣръ, каковый долженъ быть подвигъ членовъ Его.

Возставайте, воины, вооружайтесь во вся оружiя Божiя. Се, Военачальникъ предшествуетъ вамъ не только повелѣнiемъ, но и собственнымъ примѣромъ особой Своей! Мужайтеся, укрѣпляйтеся: Глава ваша есть непобѣдима. Отъ Нея вѣрою будьте не разрывны: ибо „сiя есть побѣда, побѣдившая миръ, вѣра ваша“ (1 Iоанн., 4, 5). Аминь.

Слово на день Рождества Христова *).

Великъ сей праздникъ для христіанина, который понимаетъ силу его; великъ, не по нашему токмо разсужденію, но и по признанію того, который восхищенъ былъ до третьяго небесе, и слышалъ тамъ неизреченные глаголы. Въ семъ восхищеніи его на небеса, конечно, ему открыто и таинство настоящаго дня, когда онъ не усумнился предъ лицемъ неба и земли возопить: „Велія благочестія тайна, Богъ явися во плоти“ (1 Тим., 3, 16)! Да и насъ увѣщеваетъ онъ, говоря: „Да уразумѣете со всѣми святыми, что есть широта и долгота, и глубина, и высота“ (Ефес., 3, 18), то-есть, что сія тайна выше небесъ, глубже всякой бездны, шире всего круга земного, долготой простирается за предѣлы всего міра.

Но, и поистинѣ, что можетъ быть и величественнѣе, а вмѣстѣ и непостижимѣе, какъ Самому Богу явиться въ нашей плоти? Создалъ Богъ небо, возжегъ на немъ солнце и свѣтила, основалъ землю и разлiялъ воздухъ, пролилъ моря, устроилъ всѣ твари безчисленныя, связалъ и пустилъ ихъ течь путемъ неизмѣняемымъ и вѣчнымъ. Конечно, все сіе есть таково, что мы съ Пророкомъ должны восклицать: „Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси“ (Псал., 103, 24).

Однако, все то, были дѣла рукъ Его, были твари Его; и Онъ въ нихъ Себя не заключилъ, но, какъ Творецъ присносущный, отъ сихъ тварей Своихъ всегда остается отличенъ разстояніемъ безконечнымъ. Но явиться Богу во плоти нашей есть то же, что съ нею соединиться, съ ней въ единъ составъ связаться и, какъ бы закрывъ лице Свое Божественное, открыть Себя предъ всѣми тварями въ собственномъ лицѣ нашемъ, и какъ бы, дерзаю сказать, не захотѣлъ быть Богомъ, восхотѣлъ стать человѣкомъ.

Являлся Богъ въ видѣ человѣческомъ и Адаму въ раю, и Аврааму при дубѣ Мамврійскомъ, и Моисею на горѣ, и пророкамъ и многимъ святымъ; но явленія тѣ были одни подобія, одни временныя представленія человѣческаго вида, безъ всякаго существеннаго союза съ человѣческимъ естествомъ. Но явленіе Божіе во плоти нашей, которое днесь мы празднуемъ, было совершенное Его соединеніе съ нашимъ естествомъ и присвоеніе Себѣ всѣхъ свойствъ Его, такъ что, оное единожды принявъ, никогда его не оставилъ, но вознесся съ нимъ на небо, удостоивъ его равной съ Божествомъ чести.

---

*) Говорено въ Чудовомъ монастырѣ, 1804 года.

Сію истину еще выразительнѣе изъясняетъ Апостолъ: „Понеже“,—говоритъ,—„дѣти“, то-есть, мы, „пріобщишася плоти и крови, и Онъ пріискреннѣ“ (Евр., 2, 14), то-есть, ближайшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ „пріобщися тѣхъ же“. Почему и „братіею не стыдится нарицати насъ“,—не стыдится нарицать и почитать насъ своими братіями: понеже не возгнушался принять на Себя тоже, какое мы имѣемъ, естество. „О, велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя, и не едино же слово довольно къ пѣнію чудесъ Твоихъ!“ Да развѣ, Боже, украсивъ человѣка прекраснымъ образомъ Своимъ, Ты, столь плѣнился красотою его, что восхотѣлъ въ семъ образѣ показаться, аки бы любуясь имъ!?

Но пусть бы такъ, что явился бы Богъ во плоти нашей тогда, когда человѣкъ еще былъ въ раю, когда онъ былъ самая невинность, чистъ душею, непороченъ тѣломъ, и блисталъ въ немъ образъ и подобіе Его. Но здѣсь что срѣтаемъ мы? что видимъ? Человѣкъ пренебрегъ законъ Божій и разрушилъ, образъ Его потерялъ, или паче съ себя свергъ, развратился весь душею, осквернилъ все тѣло, сталъ исполненъ страстей, пороковъ и беззаконій, подверженъ гнѣву Божію, подверженъ проклятію закона, плѣнникъ ада и діавола, а врагъ Богу. Кажется, не только признать, но и вообразить было бы страшно, чтобы Богъ восхотѣлъ явиться въ такой осквернепной плоти и соединиться съ такимъ развращеннѣйшимъ естествомъ. Но что творитъ? Воскликнемъ мы съ Евангеліемъ: „Утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ: ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Лук., 10, 21).

„Открылъ сію тайну младенцемъ“. Такъ вы, младенцы Христовы, когда вамъ сія тайна открыта, объявите и намъ. Нелестные израильтяне Божіи! скажите намъ, почему воспослѣдовало таковое Божіе къ намъ благоволеніе и снисхожденіе для насъ непостижимое? Скажите.

Они, по открытію имъ отъ Небеснаго Учителя, объявляютъ намъ, что „не требуютъ здравіи врача, но болящіи“ (Матѳ., 9, 12),—что свѣтъ не можетъ явиться, развѣ на сѣдящихъ во тьмѣ,—что пришелъ Онъ призвать не праведныхъ, но грѣшниковъ на покаяніе,—что иное есть создать человѣка, иное его возобновить. Создать можетъ Онъ однимъ хотѣніемъ, но возобновить не можетъ, развѣ чрезъ соединеніе его съ Божествомъ Своимъ; не можетъ человѣка привести въ совершенное и блаженное состояніе, развѣ когда человѣкъ будетъ въ Богѣ, а Богъ будетъ въ немъ. „Да, идѣже умножися грѣхъ, тамо презбыточествуетъ благодать“ (Римл., 5, 20), то-есть, дабы тѣмъ болѣе открыть Богу Его безпримѣрную къ намъ любовь и милосердіе, чѣмъ меньше мы были того достойны. Вотъ, что о явленіи Бога во плоти нашей открываютъ намъ младенцы Христовы!

Но и сіе самое открытіе не могутъ понять, развѣ младенцы же Христовы,—младенцы искренностію сердца, младенцы чистотою души и безпристрастіемъ, младенцы кроткою и смиренною мудростію. Ибо отъ премудрыхъ и разумныхъ сіе утаеваетъ Богъ: поелику они горды, высокомудры, пристрастны, никакихъ другихъ благъ, кромѣ здѣшнихъ, не желаютъ,—и нужды въ другой жизни, кромѣ сей кратковременной, не находятъ.

Такъ поищемъ мы съ младенцами Христовыми, что человѣкъ пріобрѣлъ явленіемъ Божіимъ во плоти нашей? Онъ обновился: „древняя мимоидоша, се быша вся нова“ (2 Кор., 5, 17). Онъ „мертвъ бѣ, и оживе: изгибль бѣ, и обрѣтеся“ (Лук., 15, 24). Онъ сталъ сыномъ Божіимъ, наслѣдникомъ Божіимъ; и потому привѣтствуетъ его Апостолъ: „Нѣси уже рабъ, но сынъ; аще же сынъ, то и наслѣдникъ“ (Галат., 4, 7). Наслѣдіе сіе не есть на землѣ, не состоитъ оно въ благахъ земныхъ, ибо всѣ они суть превратны, всѣ тлѣнны, не достойны быть наслѣдіемъ Божіимъ, не достойны возведеннаго на толикую высоту человѣка. „Око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“ (1 Кор., 2, 9). Таковое есть для насъ пріобрѣтеніе явленія Божія во плоти!

Но не оставимъ же рѣшить и сумнѣніе, которое не безпокоитъ кроткихъ младенцевъ Христовыхъ, а гнѣздится оно въ головахъ гордыхъ и надменныхъ мудрецовъ міра сего. Когда человѣкъ христіанинъ сталъ обновленъ явленіемъ Божіимъ во плоти, сталъ „нова тварь о Христѣ“: то почему же христіане живутъ такъ же, какъ жили и прежде явленія Божія во плоти,—живутъ такъ же, какъ и другіе народы невѣрные, сего явленія Божія не пріемлющіе, а, можетъ быть, еще его и осмѣивающіе.

На сіе скажемъ мы, что никто не можетъ проникнуть во внутренность душъ христіанскихъ, и никто не можетъ быть ихъ судіею, кромѣ Сердцевѣдца Бога. „Прежде времене ничтоже судите,—увѣщеваетъ Апостолъ,—дондеже пріидетъ Господь, Иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьма, и объявитъ совѣты сердечныя, и тогда будетъ похвала комуждо отъ Бога“ (1 Кор., 4, 5). Знаетъ Богъ Своихъ, и знаютъ Его свои: есть у Него сокрытыхъ, намъ неизвѣстныхъ, „седмь тысячъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Ваалomъ“.

А что, подлинно, многіе христіане, да и не большая ли ихъ часть, суть именемъ токмо христіане, а дѣлами горше первыхъ,—да не возьмемъ, братіе, отсюда дерзкаго случая, чтобы хулить явленіе Божіе во плоти и благодать Его, аки бы она не принесла міру никакого пріобрѣтенія. Учитель Небесный предвидѣлъ сіе. Онъ и отъ насъ не сокрылъ сего, что „много званныхъ, но мало избранныхъ“. Онъ не скрылъ,

что тѣсенъ путь въ царствіе Божіе, но мало входящихъ симъ путемъ, а болѣе ходящихъ путемъ пространнымъ, вводящимъ въ пагубу. „Возлюбиша бо человѣцы паче тьму, нежели свѣтъ“ (Іоанн., 3, 19).

Да не хулимъ убо благодать Христову, а паче да прославляемъ оную вѣрою живою и житіемъ святымъ; да тщимся быть хотя въ маломъ числѣ, но избранныхъ, а не во многомъ званныхъ. О, когда бы сподобилъ насъ Господь увидѣть на Немъ плоть нашу, сѣдящую на престолѣ горнемъ, и быть участниками славы сего, въ лицѣ Его прославленнаго, а намъ сроднаго человѣчества! Аминь.

Слово на 1806 годъ *).

Течетъ время непрестанно, яко приснотекущая вода, и послѣ упадаетъ въ бездну вѣчности, и въ ней скрывается. Но, по мнѣнію почти общему, паки вода, изъ моря чрезъ разные проходы земные протекая, открывается на поверхности земли источниками, и паки составляетъ рѣки, и свое теченіе въ море совершаетъ. Такъ пишетъ славный испытатель природы Соломонъ: „Вси потоцы идутъ въ море, и море пѣсть насыщаемо: на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо они возвращаются пти“ (Екклез., 1, 7).

Любопытный, присемъ, примѣтитъ, что хотя сладкая вода, впадши въ море, становится соленою, ко вкусу непріятною и къ питію неспособною; но она же, протекши чрезъ разныя каменистыя и песчаныя мѣста, паки отъ своей солености очищается и является на поверхности уже сладкою, къ питію намъ и животнымъ способною и пріятною.

Не усматриваемъ ли мы въ семъ образъ жизни нашей? Истекаетъ она изъ Божественныхъ рукъ Создателя сладкою, ибо „всякъ даръ совершенъ исходитъ свыше“ (Іаков., 1, 17); но какъ впадетъ въ сіе житейское море и смѣшается съ мутною и соленою его водою, то становится нечистою, соленою и отвратительною.

Мы пріемлемъ, что вѣра намъ принимать повелѣваетъ, „яко въ беззаконіяхъ зачинаемся, и раждаемся во грѣхахъ“ (Псал., 50, 7). Посему бы и должно заключить, что нечистъ есть и самый источникъ жизни нашей. А отъ чего сіе,—я теперь не объясняю: поелику всѣмъ христіанамъ есть то не безъизвѣстно. Но тотчасъ премудрая благость Божія изготовила намъ дѣйствительный образъ „возрожденія“ или крещенія. Мы чрезъ оный очищаемся, выходимъ изъ купели чисты и непорочны, и втекаемъ уже въ сіе житейское море, отъ всякой грѣхов-

*) Говорено въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

ной мутности и горести очищены, какъ точно то утверждаетъ Божественный Павелъ: „И вы сими убо нѣцыи бысте“, то есть, и вы всѣми, выше отъ него исчисленными, пороками были осквернены! „но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего“ (1 Кор., 6, 11). И такъ, ставъ отрождены Духомъ Божіимъ, мы выходимъ въ міръ сей чисты и непорочны. Но тотчасъ сей чистый источникъ впадаетъ въ житейское море, исполненное солености и горести: трудно, чтобы, присемъ, чистый оный источникъ не заразился разнаго рода солепостію и горестію житейскаго моря. Подъ солепостію и горестію я разумѣю различные пороки, со всѣхъ сторонъ готовые напасть на бѣднаго человѣка. Во-первыхъ, срѣтитъ его воспитаніе. Оно, бывъ пренебрежено или худымъ примѣромъ родителей и домашнихъ руководимо, или развратнымъ, а паче иноплеменникамъ поручено,—не можетъ быть такъ чисто, чтобы не впечатлѣли въ него многихъ худыхъ мыслей,—чтобы не приклонили его склонностей на вредную сторону, не расположили бы его къ удобному принятію всякихъ срѣтающихся мірскихъ прелестей.

Что же потомъ? Вступаетъ онъ въ самое житейское море, то есть, во всегдашнее и близкое съ людьми всякаго рода обращеніе. Извѣстно, что, по Писанію, „весь міръ во злѣ лежитъ“ (1 Іоанн., 5, 19). Да и по общему мнѣнію и опыту, больше худыхъ людей, нежели добрыхъ; много не только худыхъ, кои сами собою развратны, но и такихъ, кои хотя не развращены, однако, слѣдуютъ правиламъ мірскимъ, взирая на множество примѣровъ другихъ людей. Они взираютъ на нихъ, послѣдуютъ имъ не только, чтобы не почесться, какъ бы отличными и общаго поведенія отвращающимися, но чтобы чрезъ то не потерять и своихъ мірскихъ выгодъ. Трудно, весьма трудно, чтобы таковыми примѣрами и правилами не быть увлечену.

Прибавьте къ сему, что свидѣтельствуетъ слово Божіе, яко „всякъ помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злая во вся дни“ (Быт., 8, 21),—что всякъ, отъ природы поврежденный, болѣе склоненъ ко злу, нежели къ добру. Вотъ, уже все готово! хврастіе изсушено, и къ возженію расположено: подложи только искру,—все тотчасъ возгорится и произведетъ пожаръ велій. Весьма удобно зараза мірская пристанетъ: весьма удобно всякому отъ нея развратиться. Житейское море все исполнитъ своею солепостію и горестію; чистый источникъ, освященный Богомъ, потеряетъ всю свою пріятность и сладость, и наводнитъ все потокомъ беззаконій.

Сильны ли противъ сего стремленія устоять добрая совѣсть, правила Божіи, примѣры честныхъ и добродѣтельныхъ людей? Весьма не сильны: добрая совѣсть страстями и пороками скоро будетъ заглушена;

правила Божіи или мало свѣдомы, или не такъ поражаютъ, какъ то, что всегда—въ глазахъ, и чувства болѣе плѣняютъ; а примѣры добрые рѣдки и гораздо меньше, нежели худые. Добрые примѣры подобны малымъ потокамъ, а худые—морю, которое скоро все поглощаетъ. Пишутъ, что святый Антоній видѣлъ весь міръ, испутанный сѣтями діавольскими, и, видѣвъ сіе, въ горести духа возопилъ: „О, Боже! кто же можетъ угонзнуть сѣтей сихъ?“

Какое же при семъ есть Божіе благое намѣреніе? То ли, говорю, чтобы Его воля была, дабы мы сей грѣховной заразѣ были подвержены, и чтобы навсегда оставались въ ней? Положивъ Божіе премудрое и отеческое о насъ промышленіе, никакъ сего допустить не возможно. Хотя бы, по безумію своему, мы просили у Него, вмѣсто хлѣба, камня; но не дастъ Онъ, яко отецъ, намъ камень, а хлѣбъ. Хотя бы просили мы у Него, вмѣсто рыбы, змію; но не дастъ Онъ намъ змію, а рыбу.

Вспомните вы на сей часъ, что жизнь сія не для того отъ Него для насъ устроена, чтобы только мы жили и, кромѣ земли, ни о чемъ бы болѣе не думали, и въ одномъ семъ страдательномъ плаваніи по житейскому морю окончили бы животъ свой. Сіе было бы дать намъ не хлѣбъ, но камень; сіе было бы дать намъ не рыбу, но змію. Не такова къ намъ благость Божія, не таково Его о насъ промышленіе. Его святая и благодѣтельная воля есть, чтобы мы жизнь сію почитали подвигомъ, на краткое время для насъ назначеннымъ,—и чтобы успѣльнымъ упражненіемъ въ семъ подвигѣ очищали себя отъ солености и мутности житейскаго моря, и потомъ сдѣлались бы чистымъ и сладкимъ источникомъ; а чрезъ то удостоились бы соединиться съ другимъ моремъ, то-есть, съ моремъ блаженной вѣчности, или паче съ бездною безконечныхъ совершенствъ Божіихъ.

Какимъ же образомъ можемъ мы достигнуть сего великаго конца? Вспомните вы, что рѣки, втекающія въ море, дѣлаются солеными, но послѣ паки истекаютъ изъ моря внутренними земными проходами, и чрезъ то очищаются,—очищаются, проходя чрезъ тѣсныя, каменистыя и песчаныя мѣста. Примѣръ ясный и точно сходственный съ правиломъ Евангельскимъ. Оно точно предписываетъ намъ приходить въ пространное царство неба „узкими и тѣсными вратами“. Вотъ—каменистыя и песчаныя безплодныя мѣста!

Я не имѣю нужды толковать вамъ, что означаютъ врата узкія и тѣсныя. Вамъ извѣстно, что симъ означается крестъ Христовъ, то-есть, различные труды, скорби и гоненія: сими-то вратами подобаетъ шествовать христіанамъ въ небо. Нѣтъ иного пути, симъ однимъ способомъ можно преплыть житейское море, и, очистившись отъ его заразительной солености, достигнуть, наконецъ, тихаго и спокойнаго пристанища.

Но, скажетъ при семъ кто, что и безъ наставленія Евангельскаго сей крестъ, сіи труды, скорби и страданія въ житейскомъ семъ морѣ срѣтятъ и окружатъ человѣка, и до конца жизни преслѣдовать его не престанутъ.—Сіе есть сущая правда, но конецъ и намѣреніе вѣнчаетъ все дѣло. Не въ томъ—сила, чтобы только подвизаться и страдать, но въ томъ, съ какимъ намѣреніемъ кто предпріемлетъ и сноситъ все сіе. И самые злые люди много трудятся, страдаютъ и сносятъ, не для иного чего, какъ только относятъ все къ сей же жизни, единственно для своихъ выгодъ и для пріобрѣтенія излишней корысти, или суетной славы; а есть и такіе, которые сіе предпріемлютъ, чтобы нанести другимъ вредъ и разореніе, дабы чрезъ то достать себѣ нѣкоторыя мнимыя выгоды, или чтобы удовольствовать свою страстную злобу.

Таковые подвижники суть жалки, ибо всуе трудятся, да не только всуе, но и къ большему несчастію своему. Плаваютъ они по сему житейскому морю, но не только отъ горькой мірской солености не очищаются, но еще болѣе ее умножаютъ. Весьма изрядно въ семъ случаѣ апостолъ Петръ напоминаетъ: „Да не кто убо отъ васъ пострадаетъ яко убійца, или яко татъ, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель, аще ли же, яко христіанинъ, да не стыдится, да прославлятъ же Бога въ части сей“ (1 Петр., 4, 15, 16). „Кая похвала, аще согрѣшающе мучими терпите? но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ, на сіе бо и звани бысте“ (1 Петр., 2, 20 и 21).

Се—истинное между страданіемъ и страданіемъ различіе! оба страждутъ, но не равное ихъ намѣреніе. Одни—или за свои вины, или для своихъ земныхъ и тѣлесныхъ выгодъ; а другіе для Бога, для правды Его, то-есть, чтобы очистить себя отъ солености грѣховной. Страданіе однихъ безполезно и безчестно, а другихъ спасительно и славно. Одни послѣ страданій никакой отрады не получаютъ, развѣ еще вящшему страданію подвергаются: ибо, по Апостольскому слову, „аще кто и постраждетъ, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ“ (2 Тим., 2, 5). А другіе увѣнчаваются и, прошедши огнь и воду, входятъ въ покой свой. Итакъ, надлежитъ нести крестъ Христовъ для очищенія въ семъ житейскомъ морѣ солености грѣховной, но для Бога, для правды, и единственно взирать на будущую вѣчную жизнь, не почитая сію жизнь жизнію, намъ принадлежащею.

Страданіе таковое есть и тягостно и легко. Тягостно, по мнѣнію мірскому, и неутвержденнымъ въ вѣрѣ; а легко по сущей истинѣ, и въ вѣрѣ крѣпкимъ. Почто его почитать тягостнымъ?—для сего не требуется отъ тебя ни оружій, ни храбрости, ни крѣпкихъ стѣнъ и валовъ, ни меча, ни огня, ни отличной силы тѣлесной, ни коварствъ и хитрыхъ выдумокъ, чтобы отразить удары и нападенія врага; а тре-

буется одно только терпѣніе. Симъ однимъ способомъ всѣ стрѣлы лукаваго разженныя можемъ погасить.

Но одно-де таковое терпѣніе есть зѣло тягостно. Признаю и я. Но кажется, что ежели изобрѣтать всѣ способы, какъ отразить и отомстить вражескія нападенія, ежели къ тому дѣлать всѣ пріуготовленія, ежели послѣ сего вступать съ сильнымъ врагомъ въ сраженіе,—кажется, что сіе больше измучитъ, нежели только одно терпѣніе.

Но положимъ, что таковое терпѣніе и зѣло тягостно; однако, надобно взирать и на конецъ, что послѣ сего послѣдуетъ. Послѣдуетъ честь и слава не отъ человѣкъ, но отъ Бога, и вѣнецъ безсмертной награды; а, можетъ быть, симъ средствомъ и самого врага твоего усмиришь, и чрезъ то облегчишь свое терпѣніе.

Но какъ бы то ни было, непремѣнно симъ путемъ надлежитъ шествовать, ибо никакъ безъ сего не можно очиститься отъ грѣховной солености житейскаго моря и стать чистымъ и сладкимъ источникомъ.

Но, о горе намъ! сколько бы мы своими силами ни тщились очиститься отъ сей пагубной солености, но совершенно не можемъ. Ибо „кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ“? И „праведникъ седмижды на день падаетъ (Притч., 24, 16); а мы „піемъ беззаконіе, яко воду“. И сія зараза не отстаетъ отъ насъ до послѣдняго нашего издыханія.

Что же намъ дѣлать? Отчаяваться ли? О! никакъ. Сію конечную работу пріемлетъ уже на Себя Самъ Господь; сей недостатокъ нашъ уже Онъ Самъ дополняетъ, наше немощное ношеніе креста Онъ исправляетъ и совершаетъ крестомъ Своимъ: ибо Онъ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ. Онъ Самъ есть за насъ умилостивительная жертва, ибо Онъ есть Агнецъ, вземлющій грѣхи міра.

Очистивъ таковымъ образомъ отъ послѣдней и конечной солености грѣховной, Господь учинитъ уже насъ источникомъ самымъ чистымъ и сладкимъ, и таковыхъ уже совокупитъ съ моремъ вѣчности, съ моремъ безмѣрной благости Своей. И самое сіе море не есть соленое и горькое, но сладости несказанной исполненное,—чего да сподобимся мы всѣ, благодатію и человѣколюбіемъ Его. Аминь.

Слово въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

Истинно оное разсужденіе мудрыхъ, что „честь за бѣгущими отъ ней бѣгаетъ, а отъ бѣгающихъ за нею убѣгаетъ“. Прославляемые

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, Екатерины 2-й, въ Петергофѣ, 1776 года, іюня 29-го дня.

нынѣ всею христіанскою Церковью, апостолы не воображали о чести; но честь чрезъ столько вѣковъ провождаетъ память ихъ. Сіи, кои почитались отребіемъ міра,—сіи, бывшіе всѣмъ попраніе и позоръ поруганія предъ лицемъ міра, ангеловъ и человѣковъ,—сіи, терзавшіе ризы свои, когда Ликаонскіе жители поставили было имъ, яко богамъ, жертвенники,—сіи, говорю, напослѣдокъ столь прославились, что вселенная со сладостію воспоминаетъ имена ихъ; и самъ, носящій вѣнецъ, почитаетъ пепелъ ихъ и отъ нихъ ожидаетъ молитвеннаго къ Богу ходатайства. Не можетъ быть большій ударъ для тщеславія человѣческаго, которое съ жадностью бѣгаетъ за симъ завиднымъ предметомъ, но не постигаетъ; а смиренный исполнитель званія Божія срѣтаетъ честь и славу, собою идущую къ нему радостною ногою.

Прославимъ убо тѣхъ, ихъ же Богъ благоволилъ прославити; и, чѣмъ меньше они искали того, тѣмъ радостнѣе почтимъ таковыхъ. Имена ихъ столько должны быть любезны и память пріятна, сколько любезна для насъ вѣра и спасеніе наше.

Но какъ міръ взираетъ на сіе съ удивленіемъ: ибо, гдѣ не видитъ пользы или славы своей, тамъ онъ ослабѣваетъ въ подвигѣ,—то посему и настоитъ нужда рѣшить сіе великое недоумѣніе изъясненіемъ, „чѣмъ были воодушевлены апостолы къ таковымъ трудамъ; а потому какимъ образомъ и мы можемъ подражать имъ въ томъ“.

Конецъ дѣла есть послѣдній въ полученіи, но первый въ намѣреніи. И поступокъ, ежели онъ благоразумный, не можетъ быть безъ того, чтобы человѣкъ не предложилъ себѣ извѣстнаго конца; и, чѣмъ важнѣе предпринимаетъ кто дѣло, тѣмъ болѣе обязанъ размышлять о концѣ его.

Апостольское званіе, если бы о немъ и не разсуждать, что оно состояло въ отведеніи народовъ отъ заблужденія, многими вѣками и послѣдними примѣрами утвержденнаго, особливо въ столь важномъ и нѣжномъ пунктѣ, каковой есть вѣра,—хотя бы о званіи апостольскомъ посему и не разсуждать, но крайней мѣрѣ, ихъ должно было заставить подумать о концѣ сіе, что оно предвозвѣщало безчисленные труды, опасности и лишеніе самой жизни. А жизнь, въ какомъ бы состояніи ни былъ, человѣкъ уважаетъ паче всего въ свѣтѣ.

Человѣчески говоря, нельзя сказать, чтобы въ нихъ не доставало благоразумія, или чтобы они были управляемы только слѣпою и жаркою ревностью. Одни посланія Павловы и Петровы, ежели вникнуть въ нихъ безпристрастно,—хотя бы кто и не былъ послѣдователь ихъ ученія,—долженъ признать, что они писаны рукою благоразумнаго, честнаго и умѣющаго кротостію усмирять поступки свои.

Какой же конецъ имѣли апостолы въ дѣлѣ служенія своего?

Здѣсь тотчасъ должно отвести, что они не были привлекаемы къ тому ни собственною корыстію, ни славою человѣческою.

Они не взирали на корысть свою. Вотъ—ихъ собственныя слова: „Сребра или злата или ризъ ни единаго возжелахъ“ (Дѣян., 20, 33). „Кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? Или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ? Но не сотворихомъ по власти сей: но вся терпимъ“; для чего?—„да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову“ (1 Коринѳ., 9, 7, 12). Даже, когда Апостолъ собиралъ милостыню на бѣдныхъ вдовицъ и нищихъ, онъ не хотѣлъ, чтобы сей сборъ былъ порученъ ему; но просилъ, чтобы онъ былъ повѣренъ другому, по ихъ избранію. „Блюдемся,—говоритъ онъ,—да не кто насъ опорочитъ во обилiи семъ служимѣмъ нами: промышляюще добрая не токмо предъ Богомъ, но и предъ человѣки“ (2 Кор., 8, 20, 21). Труды апостольскіе были соединены съ рукодѣліемъ: и руки, златою тростію пишущіе златые законы, не стыдились для пропитанія своего обращать на занятія, почитаемыя низкими. Да и самая жизнь ихъ доказывала, что они были „ничтоже имуще“. Гдѣ только видѣли бѣды, страданія и смерти, тамъ о прибыткахъ было не вмѣстительно. „Не ищемъ,—взывали они,—вашихъ, но васъ“ (2 Кор., 12, 14).

Не искали же и славы человѣческой. Вотъ—признаніе ихъ совѣсти: „Богъ свидѣтель: не ищемъ отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ иныхъ“ (1 Солун., 2, 5, 6). Да ап. Павелъ съ презрѣніемъ взиралъ на таковую славу. „Мнѣ,—пишетъ онъ,—не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне“ (1 Кор., 4, 3), т. е., я не могу уважить о себѣ мнѣній человѣческихъ, какъ часто погрѣшительныхъ, или суда человѣческаго. Судяй же мя Господь есть, „Иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы, и объявитъ совѣты сердечныя“ (1 Коринѳян., 4, 5).

Но приступимъ уже къ тому концу, который они предложили себѣ въ дѣлѣ апостольства.

Во-первыхъ, апостолы одушевляли себя тѣмъ, чтобы исполнить волю Пославшаго ихъ. Шли на все радостно, и красныя ноги свои очищали во благовѣствованіи мира, не разбирая никакихъ, могущихъ срѣтиться, трудностей, только чтобы не опорочить званіе свое и Призвавшаго ихъ, такъ же, какъ вѣрный воинъ, повинуясь повелѣнію военачальника своего, стремится на все, вручая себя и жизнь свою пекущемуся о всемъ Промыслу. Побужденіемъ къ тому было впечатлѣніе въ сердцѣ ихъ, что великій Посланникъ Божій пришелъ на землю открыть истину богопочитанія и волю верховнаго Законодателя, а на нихъ судьба Божія благоволила пасть жребію быть орудіемъ такового служенія. И потому апостолы почитали, что они достигнутъ своего конца тогда,

когда вѣрно послужатъ званію Божію, яко послушные рабы, и когда удостоятся сказать при послѣднемъ издыханіи: „подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“ (2 Тим., 4, 7).

Не меньшимъ побужденіемъ къ тому была и привязанность сердца, горячо любящаго Пославшаго ихъ. Какъ Онъ вручалъ имъ правленіе паствы на основаніи любви: „любиши ли Мя?—паси овцы Моя“ (Іоанн., 21, 17),—то посему они хотѣли соблюсти сіе условіе во всей его непорочности: „кто ны разлучитъ отъ любве Божія“ (Римл., 8, 35)? Сему концу соотвѣтствовать они ревновали исполненіемъ званія своего; всемѣрно тщались доказать, что они любятъ Любящаго ихъ и свидѣтельствуютъ свою благодарность взаимною любовью. При такомъ расположеніи могла ли внѣдриться въ мысль ихъ или собственная корысть, или исканіе славы человѣческой?—никакъ... Сіе опорочило бы ихъ любовь, и она уже перемѣнилась бы въ лицемѣріе. Нѣтъ, всѣ сіи выгоды для нихъ казались низкими: „вся,—говорили они,—препобѣждаемъ для Возлюбившаго ны“ (Римл., 8, 37).

Второй конецъ, который, впрочемъ, союзенъ съ первымъ,—предлагали себѣ, чтобы услужить другимъ и показать, что они полезны для рода человѣческаго. Чрезъ возсіявшій на нихъ съ небесе свѣтъ истины они видѣли, что невѣжество покрываетъ землю, и заблужденіе изгнало изъ міра истину. Званіе ихъ, просвѣщеніе, совѣсть, благопамѣреніе и ревность ихъ не могли оставить ихъ спокойными, чтобы мечемъ слова Божія не вооружаться противъ сихъ духовъ злобы поднебесныхъ и, избавивъ міръ отъ таковаго порабощенія, даровать каждому свободность совѣсти. „Горе мнѣ, аще не благовѣствую“ (1 Кор., 9, 16)! Сія ревность ихъ простиралась столь далеко, что укрѣпили себя охотно сносить всѣ опасности и самую смерть, только чтобы сія жертва была спасительна для другихъ. О, души, свѣтлѣйшія зерцала честности! Не можетъ быть большее доказательство любви къ ближнему, какъ положить душу свою за братію свою. Каковую цѣну положимъ мы таковой ревности и любви!? Пусть бы мы разсуждали о нихъ не какъ объ апостолахъ, но яко просто о человѣкахъ. Какой же есть изъ важнѣйшихъ конецъ каждаго человѣка? Не тотъ ли, чтобы быть полезнымъ для другихъ? чтобы быть для общества благодѣтельнымъ орудіемъ Промысла Божія?

Сей конецъ предлагали себѣ апостолы, и никакими сторонними видами не опорочали его,—почему благополучно и достигли онаго. За симъ честь и слава сами собою слѣдовали, хотя о томъ они не воображали; но тѣмъ справедливѣе наслаждаться оною право имѣли.

Если же что апостолы въ дѣлѣ своемъ для себя и искали, то, дабы не допустить совѣсть свою до попреканія, что они или талантъ

скрыли, или возлѣнились, или позавидовали, или только прибытковъ своихъ искали. О, многое ихъ было о семъ тщаніе! „Лучше мнѣ умереть“,—вотъ Павловъ благородный гласъ,—„нежели похвалу мою кто да испразднитъ“ (1 Кор., 9, 15)! Пусть бы зависть и злоба вооружались, пусть бы напали всѣ бѣдствія, какъ бы съ цѣпи спущенныя, пусть бы тѣло было предано на терзаніе; но совѣсть незазорная, душа непорочная, духъ, исполненностью увеселяющій себя, былъ подкрѣпленіемъ ихъ твердости и великодушія. При раздробленіи ихъ членовъ, они вопіяли: „Владыко, Господи! благодаримъ Тебя въ часъ сей, что мы страждемъ отъ болѣзни тѣлесныя, а не отъ совѣсти“. Ахъ! какое зрѣлище—видѣть въ человѣкѣ дѣйствіе выше силы человѣческой!

Но понеже, со всѣмъ тѣмъ, они были люди, такъ, по человѣчеству разсуждая, скажетъ кто, „нельзя, чтобы они не ожидали какого-либо воздаянія за труды свои“. Для рѣшенія сего надобно рѣшить другой вопросъ. Что? служили ли они Богу изъ награды, или изъ любви? Наемникъ служитъ изъ награды, сынъ—изъ любви. Наемникъ, награды не видя, бросаетъ все; сынъ по единой любви къ рожденому никогда служить не престаетъ: „наемникъ, яко наемникъ, видитъ волка грядуща и оставляетъ овцы и бѣгаетъ“ (Іоанн., 10, 12). Апостолы не были наемники: были сыны Божіи по благодати и любви. Довольно было для нихъ симъ побужденіемъ одушевлять дѣйствія свои. Впрочемъ, на любовь Отца Небеснаго полагались съ полнымъ увѣреніемъ, что она труды ихъ забвенію не предастъ, что свойство ея—награждать еще болѣе, нежели заслужилъ кто. По всѣхъ подвигахъ своихъ они признавали, яко остается „вѣнецъ правды, его же воздастъ имъ Господь въ день онъ, праведный Судія“ (2 Тим., 4, 8).

Се, видимъ, послѣдователи ученія апостольскаго, какой конецъ предлагали они себѣ, вступивъ въ званіе апостольское. Хотя званіе наше и различно отъ званія ихъ; однако, есть званіе. И для того по единому общему всѣхъ званій существу должно всѣмъ предлагать себѣ и единый общій конецъ.

Званъ и ты отъ Бога, когда опредѣленъ въ должность отъ власти законной, порядкомъ законнымъ,—званъ, говорю, отъ Бога, а не пронырствомъ, не происками, не мздоимствомъ званіе получилъ: ибо такимъ образомъ получить есть то же, какъ бы его и не получать, или, по крайней мѣрѣ, лучше бы было его не получать. Званъ ты отъ Бога: честь званія твоего и честь призвавшаго тебя требуетъ, чтобы ты не опорочилъ ни себя, ни его. Не можетъ для тебя быть славнѣе, какъ если будетъ проповѣдано, что честь въ тебѣ сіяетъ такъ, какъ камень дорогой въ золотой оправѣ. Не можетъ быть увеселительнѣе и для призвавшаго тебя, какъ если онъ видитъ, что не ошибся въ избраніи

твоемъ, что просвѣщенную его прозорливость ты оправдаешь дѣлами своими.

Но, притомъ, ты, какъ членъ общества, связанъ съ другими, да еще по должности своей и особливо обязанъ, чтобы другимъ оказывать свои услуги. Ты естественно ищешь себѣ покоя, ты христіански желаешь, при послѣднемъ закрытіи очесъ сказать: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ“ (Лук., 2, 29). Но можетъ ли быть большее спокойствіе, большее ободреніе при послѣднихъ минутахъ жизни, какъ когда въ зерцалѣ совѣсти твоей видишь сіяющія изображенія твоихъ благодѣяній?

Прибавь къ сему, что ты—созданіе, есть твой Создатель праведный и благій. Ты живешь въ мірѣ коловратномъ, гдѣ заслуги часто могутъ быть не награждаемы, но преданы забвенію. Взирай къ оному Судіи, у Котораго вѣсы суть мѣрило праведное. Вотъ, по каковымъ основаніямъ должно намъ располагать званія свои. „Елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость, и на Израиля Божія“ (Галат,. 6, 6, 16).

Но смѣть ли приложить къ сему правилу поступки тѣхъ, кои предвосхищаютъ званіе Божіе всякимъ непреподобнымъ способомъ: входятъ не дверьми, но прелазятъ оныя? Могутъ ли таковые уважить общую пользу, когда она противна ихъ собственной? Но надобно, де, и свою пользу не пренебрегать. Истину сію никто не оспариваетъ, какъ самъ таковой. Кто ищетъ своей пользы, а нерадитъ объ общей, тотъ теряетъ и свою. Нельзя,—поистинѣ нельзя, чтобы безпристрастный и ревностный хранитель общей пользы не находилъ тутъ и пользы своей, или, по крайней мѣрѣ, не увеселялся бы духомъ своимъ, что потеря его собственной пользы есть жертва, принесенная въ пользу общества. Впрочемъ, если бы со всѣмъ благонамѣреннымъ усиліемъ нашимъ встрѣчались еще противныя слѣдствія, въ такомъ случаѣ лучше уступить коловратности міра, нежели отступить отъ честности.

Если утвердимъ себя на сихъ правилахъ, шествуя по ихъ стезямъ, апостоловъ прославимъ, вѣру свою освятимъ, добрыми гражданами себя быть докажемъ, общество укрѣпимъ, поставленной надъ нами отъ Бога главѣ угодимъ, облегчимъ ея бремя, споспѣшимъ ея благонамѣреннымъ мыслямъ, возвеселимъ матернее ея сердце. Видѣли мы, какой предлагали себѣ конецъ разширители царства Іисусъ Христова. Извѣстны же намъ и благія намѣренія Августѣйшей нашей монархини. Званіе ея есть званіе апостольское. Она управляетъ и подкрѣпляетъ себя въ великомъ подвигѣ своемъ тѣми же побужденіями, т. е., да прославитъ свято и славно Призвавшаго ее, да угодитъ Вручившему ей скипетръ и вѣнецъ, да исполненіемъ царскаго званія

своего возблагодаритъ за Промыслъ Его, вспомоществующій во всѣхъ и труднѣйшихъ дѣлахъ ея, а притомъ, да окажетъ услугу человѣческому роду, паче же врученной отъ Бога державѣ своей, чтобы, прежде въ своей совѣсти, а потомъ и предъ судомъ Его праведнымъ, предъ лицемъ міра всего, со дерзновеніемъ сказать: „Се азъ и дѣти мои, ихъ же мнѣ далъ еси, сохранихъ, и ни единъ отъ нихъ погибе“ (Іоанн., 17, 12). Се зерцало, въ которое мы должны взирать! Да подражаемъ члены главѣ, путешествующіе—руководительницѣ, дѣти—благоутробнѣйшей матери, вѣрные подданные—просвѣщеннѣйшей монархинѣ.

Да предстанетъ же предъ насъ и любезнѣйшій Павелъ, дражайшій торжества сего виновникъ. Честность души его и намѣреній достойны, чтобы онъ былъ почитаемъ прямымъ послѣдователемъ апостоловъ, послѣдователемъ же и Августѣйшей матери своей. Взираемъ мы на отсутствующаго его, какъ на присутствующаго: ибо образъ его неизгладимъ пребываетъ въ мысли и сердцѣ нашемъ. Взирая на образъ сей, видимъ оный исписанный златыми шарами добродѣтелей: ревностію къ общей пользѣ исполнена душа Его; изъ устъ его не выходитъ сіе божественное изреченіе, что онъ „почитаетъ себя и рожденнымъ и живущимъ для отечества“. Какое увеселеніе—Августѣйшей монархинѣ, располагающей учинить безсмертными великія дѣла свои чрезъ таковое богоизбранное орудіе! Какое утѣшеніе для отечества, укрѣпляемаго таковою надеждою! Какая радость Церкви Христовой, на таковый залогъ Божіей благости къ себѣ взирающей!

Ты же, содержай въ рукѣ Своей вся дѣла наши, Боже! управи вся во благое, да всегда воспѣваемъ благословенное имя Твое въ празднственныхъ соборахъ Церкви Твоея, и при торжествахъ отечества нашего. Аминь.

ХРИСТІАНСКАЯ БОГОСЛОВІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О Богопознаніи естественномъ, руководствующемъ къ вѣрѣ Евангельской *).

§ I.

Отъ чего начинается познаніе человѣческое? Познаніе человѣческое начинается отъ познанія самого себя.

Древніе вообще всѣ за первую степень къ премудрости почитали сіе: „Познай самого себя“. Сходно съ симъ написалъ Апостолъ (1 Кор., 11, 31): „Аще бы себѣ разсуждали, не бы осуждени были“.

§ 2.

Доказательства, что есть Богъ. Входя познаніемъ въ самихъ себя, первѣе всего узнаемъ, что мы сами себя создать не могли. Почему по необходимости заключаемъ, что долженъ быть и есть нѣкто всемогущій и несозданный, отъ котораго я, слѣдовательно, и другая всякая тварь создана. А сего, по общему всѣхъ понятію, разумѣемъ мы Бога.

Всякая вещь въ мірѣ семъ есть случайная, то есть, могла быть и не быть, или инымъ образомъ быть. А когда изъ небывшей стала сущею,—надобно, чтобы она отъ другаго нѣкоего произведена была. Сходно съ симъ написано царемъ Давидомъ во псалмѣ 99, 3: „Той сотвори насъ, а не мы“.

---

*) Въ предисловіи къ сему сочиненію, между прочимъ, говорится: „Расположена сія книжица на три части. Въ первой—о Богопознаніи естественномъ; во второй—о Богопознаніи, утверждаемомъ на откровеніи; въ третьей—о заповѣдяхъ закона или о нравоученіи. Въ расположеніи семъ послѣдовано естественному порядку: ибо мы, начиная познаніе отъ естественнаго разсужденія, приходимъ потомъ къ откровенію“.

Для сего человѣкъ называется „малый міръ“, чрезъ разсужденіе котораго, какъ по нѣкоторымъ слѣдамъ, доходимъ мы до Божества.

§ 3.

Кромѣ того, доказываютъ бытіе Божіе: 1. Прилежное разсматриваніе міра сего; 2. Общее согласіе всѣхъ народовъ; 3. Внутреннее признаніе совѣсти нашей; 4. Врожденное желаніе крайняго блага, или совершеннаго блаженства.

Міръ сей есть на подобіе театра, славу Божію намъ представляющаго; на подобіе книги, Создателя своего проповѣдующей; на подобіе зеркала, въ которомъ усматриваемъ ясныя изображенія премудрости Божіей. Свидѣтель сему Апостолъ (Римл., 1, 20): „Невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество“.

Вездѣ—во всѣхъ народахъ, впрочемъ дикихъ, видимы были алтари, вездѣ курились жертвенники; и чувствіе быть Божеству въ человѣкѣ было столь сильно, что онъ захотѣлъ лучше почитать камень, или другую тлѣнную вещь за Бога, нежели думать, что нѣтъ Бога.

Совѣсть всякаго по содѣланіи добра внутри себя чувствуетъ живую радость; а по содѣланіи зла смущается и терзается. Но сіе чувствіе должно происходить отъ нѣкоей врожденной намъ силы, которая убѣдительно увѣряетъ, что есть нѣкто—всевѣдущій и всемогущій Судія, добрыхъ щедрый наградитель, а злыхъ строжайшій наказатель. Сіе разсужденіе сходно съ написаннымъ у Павла (Римл., 2, 14): „языцы, не имуще закона, естествомъ законное творятъ“...

Сколько бы человѣкъ въ жизни сей счастливъ ни былъ, и сколько бы всякими вещами ни изобиловалъ,—не можетъ столь удовольствовать свое желаніе, чтобы веселости мірскія никогда ему не наскучили, и чтобы желаніе его къ большему чему не устремлялось. Соломонъ, испытавъ всѣ роды веселостей, принужденъ напослѣдокъ сказать: „Суета суетствій, всяческая суета“ (Екклес., 1, 2). Какъ сіе врожденное желаніе не можетъ быть напрасное, должно оно удовольствовано быть нѣкимъ совершеннѣйшимъ и неизмѣняемымъ добромъ; а Оно есть Богъ. Сходно съ симъ мудрствовалъ Давидъ: „Насыщуся, внегда явится мнѣ слава Твоя“ (Псал., 16, 15).

Разсуждая сіи столь убѣдительныя доказательства, нельзя довольно понять ослѣпленія нечестивыхъ безбожниковъ. Посему не безъ причины нѣкоторые сомнѣваются, чтобы были они, то есть, чтобы были такіе люди, которые бы, отметая бытіе Божіе, отъ совѣсти своей притомъ обличаемы не были.

§ 4.

Что есть Богъ? Познавъ, что Богъ есть, воображаемъ Его себѣ, какъ существо всѣхъ высочайшее, которое, ни отъ кого не завися, само отъ себя есть и не быть не можетъ.

Когда другія вещи всѣ производитъ Богъ, Самъ ни отъ кого произведенъ быть не можетъ: иначе мы принуждены были бы принять нѣкоего выше и сильнѣе Самого Бога, что совсѣмъ противно понятію, какое мы имѣемъ о Богѣ.

§ 5.

Какія суть свойства Божія? Отъ познанія существа Божія зависитъ познаніе Его Божественныхъ свойствъ. Ибо, когда Богъ не зависитъ ни отъ кого и не можетъ не быть,—слѣдуетъ, что Онъ есть единъ, что Онъ есть безначальный, безконечный и вѣчный. А вѣчный долженъ быть невещественный, безтѣлесный и безсмертный; слѣдовательно, духъ, пречистѣйшій. А чистѣйшій духъ, безъ сумнѣнія, есть разумный, всевѣдущій, премудрый, свободный, преблагій, преправедный, пресвятый, всемогущій. А изъ сего по необходимости заключить надобно, что Онъ есть пресовершенный, преблаженный и верховный Господь всѣхъ.

Многобожіе ни мало невмѣстимо съ понятіемъ, какое мы имѣемъ о Богѣ, какъ о существѣ, всевозможныя совершенства въ себѣ заключающемъ. Посему, что другіе присвояли бы разнымъ богамъ, мы то все присвояемъ Богу единому. Согласно съ симъ и Св. Писаніе (1 Кор., 8, 5—6): „Аще и суть глаголеміи бози, или на небеси, или на земли“ и проч.; „но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и мы у Него“. Почему многобожники и идолопоклонники никакого извиненія имѣть не могутъ. И то убѣжище, которымъ нѣкоторые философы прикрыть старались стыдъ язычества, а именно, что будто они почитали разныя дѣйствія Единаго Бога подъ разными видами, есть ненадежно. Ибо, по Павлову слову (Римл., 1, 23), къ чему бы имъ „славу нетлѣннаго Бога претворять не токмо въ подобіе образа тлѣнна человѣка, но и птицъ и четвероногъ и гадъ“?

Кто не можетъ не быть, тотъ не можетъ имѣть ни начала, ни конца; а пребываніе, неимѣющее начала и конца, называется „вѣчность“. Прекрасно то изъясняетъ Писаніе: „Та (всѣ твари) погибнутъ. Ты же (Боже) пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши ихъ и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ“.

Всякая тѣлесная вещь имѣетъ свое начало отъ сложенія частей, изъ которыхъ она состоитъ; и по раздѣленіи сихъ частей разрушается

вещь, а въ живущей вещи причиняется смерть. Но Богъ, не имѣя ни начала, ни конца, какъ показано, изъ частей состоять не можетъ; почему Онъ есть безтѣлесный и безсмертный. То же говоритъ и Писаніе (Дѣян., 17, 29): „Родъ суще Божій, не должни есмы мнѣщевати подобно быти Божество злату, или сребру, или каменю художнѣ начертану, и изобрѣтенію человѣческому“. А что въ Писаніи упоминаются очи и уши, руки Божія и прочія части подобныя нашимъ,—и то употребляется несобственно, но ради яснѣйшаго понятія и изображенія несказанныхъ силъ Божіихъ. Такъ, чрезъ око означается Божіе всевѣдѣніе; чрезъ уши—милостивое молитвъ нашихъ выслушаніе; чрезъ руки—вседѣйствующая Его сила. По сему и о прочемъ разсуждать надобно.

Духъ есть существо непричастное сложенія, разумомъ и волею одаренное. Такое существо по превосходству есть Богъ. Подобно говоритъ Писаніе (Іоанн., 4, 24): „Духъ есть Богъ“.

Разумъ есть способность, явственно себѣ вещь представляющая. Почему въ разумѣ Божіемъ есть явственнѣйшее воображеніе всѣхъ вещей не только сущихъ, но и могущихъ быть. Ибо какъ существо Его есть безконечное, такъ и всѣ Его совершенства должны быть неограничены. Подтверждаетъ то Св. Писаніе: „Нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его“ (Евр., 4, 13).

Всевѣдѣніе Божіе есть сила, проницающая въ союзъ всѣхъ и будущихъ и возможныхъ вещей. По сему Богъ называется „испытаяй сердца и утробы, и Судія помышленій сердечныхъ“. „Господи! Ты позналъ еси вся послѣдняя и древняя“ (Псал., 158, 5). Предвѣдѣніе Божіе есть не ложное; однако, оно не нарушаетъ свободность дѣйствій человѣческихъ, то есть, не должно думать, аки бы я уже по нѣкоей принужденной необходимости долженъ дѣлать добро или худо. Ибо Богъ видитъ будущее такъ, какъ настоящее,—слѣдовательно, отъ самой вѣчности Онъ предвидитъ человѣческія дѣла такъ, какъ они въ свое время текутъ по своимъ законамъ свободности. А настоящее зрѣніе свободнаго дѣйствія свободности не нарушаетъ.

Премудрость Божія есть сила, всѣ вещи и дѣла къ надлежащимъ концамъ порядочно управляющая. Такъ и Псаломникъ поетъ (103, 24): „Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси“.

Богъ, что ни дѣлаетъ, самопроизвольно дѣлаетъ, и къ дѣлу ни отъ кого и ни отъ чего принужденъ быть не можетъ. То же самое и Писаніе намъ сказываетъ: „Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори“ (Псал., 113, 11).

Благость Божія есть, дѣйствительно, Божіе хотѣніе содѣлать всѣ твари совершенными и благополучными, сколько онѣ вмѣстить могутъ. „Сколько“, говорю, „онѣ вмѣстить могутъ“: ибо Богъ, какъ

премудрый, дѣла Свои располагаетъ пристойнѣйшимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, далъ солнцу свѣтлость, а не разумъ, а человѣка украсилъ разумомъ, но не свѣтлостію: понеже сіе съ ихъ естествомъ сходно. Св. Писаніе о благости Божіей разсуждаетъ столь высоко, что оную ни съ какою, то есть, ни съ ангельскою, ни мало не сравниваетъ. „Никтоже благъ, токмо единъ Богъ“ (Лук., 18, 19).

Правда Божія есть раствореніе благости Его, а раствореніе сіе бываетъ посредствомъ Божіей премудрости. Для изъясненія примѣчать надобно слѣдующее. Богъ, по благости Своей, всѣмъ человѣкамъ хощетъ быть причастнымъ вѣчнаго благополучія; но правда Божія сіе удерживаетъ, ибо съ премудростію Божіею ни мало невмѣстительно—праведника и ожесточеннаго беззаконника почитать заодно. Посему, когда такой грѣшникъ лишается благополучія вѣчнаго,—сіе дѣло есть правды Божіей. По сему надобно разсуждать и о прочемъ. Слово Божіе сильнѣйшимъ образомъ проповѣдуетъ Божію правду. „Праведенъ Господь, и правду возлюби, правоты видѣ лице Его“ (Псал., 10, 7).

Святъ Богъ, поелику никакого не причастенъ порока, и воля Его единственно склонна къ добру, а всякаго отвращается зла. И по сей чистѣйшей Божіей святости не возможно, чтобъ осквернённый пороками человѣкъ съ Богомъ соединиться могъ, развѣ бы очистилъ себя покаяніемъ и вѣрою. Сіе означаетъ Писаніе подобіемъ свѣта (1 Іоанн., 2, 5): „Богъ свѣтъ есть, и тьмы въ Немъ нѣсть ни единыя“.

Нѣтъ ничего, что бы было Богу не возможно. И сіе всемогущество Божіе есть тѣмъ большее, что Онъ можетъ творить и творитъ изъ ничего, единымъ изволеніемъ, безъ всякаго утружденія. Только жъ Богъ дѣлаетъ не все то, что можетъ, но что хочетъ; а хочетъ то, что съ премудростію Его сходно. Такъ, напримѣръ, могъ бы Богъ человѣка насильно отъ грѣха удержать, но понеже чрезъ сіе свободность человѣческая испровержена была бъ, то поступилъ бы Онъ въ семъ случаѣ противъ премудрости Своей, которая требуетъ человѣку быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ свободну. А наипаче, что человѣкъ, ежели бы не допущёнъ былъ до грѣха сплою другаго, не меньше бъ былъ худъ и неправъ, какъ бы онъ и самымъ дѣломъ согрѣшилъ. Хотя, впрочемъ, Богъ, яко благій, довольныя намъ далъ предосторожности къ удержанію насъ отъ порока безъ нарушенія свободнаго произволенія. О всемогуществѣ Божіемъ не иначе разсуждаетъ и Писаніе (Іов., 42, 2): „Вѣмъ, яко вся можеши, не возможно же Тебѣ, Господи, ничтоже“.

Всѣ исчисленныя Божіи свойства суть безконечныя Его совершенства, въ которыхъ состоитъ Его величество и слава. Сіи совершенства въ Богѣ суть неограничены, и оныя не во времени Богъ снискалъ, но отъ самой вѣчности украшается ими существо Его. Почему Богъ

никакого недостатка ни въ чемъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. А какъ такое состояніе по истинѣ есть блаженное, то по справедливости Богъ единъ есть совершенно преблаженный. О, сколь же будутъ благополучны и тѣ, которые сподобятся быть причастны сего блаженства! Такъ къ Богу взываетъ Давидъ: „У Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“ (Псал., 35, 10).

Никому не есть столь пристойна надъ тварями власть, какъ Тому, Который ихъ создалъ, и Который, какъ всемогущій, можетъ ихъ всегда въ цѣлости сохранять; а какъ премудрый, знаетъ, какъ приводить ихъ къ намѣреннымъ отъ Него концамъ. „Царство Твое, Боже, царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ“ (Псал., 144, 13).

§ 6.

Кто создалъ міръ и какъ? Оный великій Богъ создалъ міръ сей и всѣ содержимыя въ немъ вещи. А создалъ изъ ничего, не по нуждѣ, но по единому Своему хотѣнію, дабы содѣлать его причастнымъ благости Своея.

Чрезъ міръ разумѣется совокупленіе всѣхъ вообще тварей, въ союзѣ которыхъ и мы включаемся. Всѣ твари обыкновенно раздѣляются на видимыя и невидимыя: видимыя, которыя чувствамъ нашимъ подлежатъ, напримѣръ, солнце, звѣзды, земля, воздухъ и прочая; невидимыя, напротивъ, единымъ разумомъ постигаются. Какъ, напримѣръ, наша душа и ангелы, которые для того и называются безплотные духи. О бытіи духовъ и разумъ нашъ довольно постигаетъ; хотя совершеніѣе въ томъ насъ увѣряетъ Св. Писаніе (Колосс., 1, 16): „Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая“. Здѣсь примѣчать надобно: 1) Что Богъ, создавъ всѣ вещи, связалъ ихъ единымъ твердѣйшимъ союзомъ, дабы одна вещь служила другой, и всѣ вообще сохраняли неразрывность всего міра, въ чемъ наипаче сіяетъ Божія премудрость. 2) Нѣтъ ни одной вещи, которая сама чрезъ себя была бъ худа, или употребленіе ея само по себѣ было бы скверно: ибо пишется въ Бытіи, что „видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло“ (Быт., 1, 31). Подобно разсуждаетъ и Апостолъ (Римл., 14, 14): „вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Іисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть“. Однако, и добрая вещь можетъ быть худою, ежели на зло употреблена будетъ. Напримѣръ, когда мечъ кто употребляетъ на убіеніе неповиннаго, или разумъ—къ изобрѣтенію хитростей.

Нѣкоторые думали, что созданъ міръ изъ нѣкотораго вещества, или матеріи. Но ежели сія матерія произведена силою Божіею изъ ни-

чего, то мнѣніе такое не весьма противно нашему разсужденію. Если же оная матерія не произведена изъ ничего, слѣдовательно, вѣчна,— таковое мудрствованіе весьма вредно и не основательно: ибо, какая-бъ вещь ни была, кромѣ Бога, не можетъ быть неограниченна, слѣдовательно, безначальна. Впрочемъ, какъ никакая вещь сама себя произвесть не можетъ, и прежде произведенія самой себя была ничто,—слѣдовательно, всѣ твари созданы изъ ничего. А отсюда явствуетъ, что прежде міра не было ничего, кромѣ Бога.

Богъ никакимъ дѣломъ утрудненъ быть не можетъ, все создать Ему стоило единаго слова, то есть, единаго произволенія. А что святыя книги говорятъ, что Богъ продолжалъ созданіе тварей чрезъ шесть дней, то не для того, аки бъ не могъ въ едино мгновеніе все произвести; но чрезъ сіе показывается, что Богъ не изъ нужды дѣлаетъ, и не по слѣпому какому либо устремленію, но употребляетъ Свою силу, гдѣ Ему угодно и сколько угодно. А что, именно, во всякій день Богъ благоволилъ создать,—о томъ Божественнѣйшій Моисей повѣствуетъ слѣдующимъ порядкомъ. Въ первый—небо, землю и свѣтъ. Во-второй—твердь, то есть, все оное пространство, какое видимъ отъ земли до послѣдняго окружія міра. Притомъ, раздѣленіе сдѣлано между водами верхними (чрезъ которыя разумѣть, кажется, надобно облака) и водами нижними, то есть, рѣками, озерами и морями. Въ 3-й сдѣлалось отдѣленіе водъ отъ земли, чрезъ что воды уступили въ едино мѣсто, соединеніе которыхъ называемъ мы океаномъ; а земля лицо свое открыла, и тотчасъ украшена была различными родами быліевъ и древъ. Въ 4-й созданы свѣтила небесныя—солнце, луна и звѣзды, вѣроятно, изъ онаго свѣтлаго существа, въ первый день созданнаго. Въ 5-й—рыбы, плавающія въ водахъ,—и птицы, летающія по воздуху. Въ 6-й—звѣри, скоты и гады. А въ заключеніе всего созданъ былъ человѣкъ въ обоемъ полѣ (Быт., гл. 1).

Богъ, будучи отъ самой вѣчности пресовершенъ, въ тваряхъ никакой для Себя нужды имѣть не могъ; а создалъ для того, дабы содѣлать ихъ причастными благости Своей, то есть, сообщить совершенства, имѣющія образъ Его совершенствъ, сколько онѣ вмѣстить могли. Посему созданіе міра можетъ назваться „преліяніемъ благости Божіей“.

§ 7.

Благости Божіей въ созданіи наиболѣе пріобщился человѣкъ, который въ обоемъ полѣ созданъ по образу Божію и по подобію, будучи сложенъ изъ тѣла и безсмертной души.

Что есть образъ и подобіе Божіе? Образъ и подобіе Божіе состоитъ въ сходствѣ съ Божіими совершенствами. Напримѣръ, Богъ

имѣетъ разумъ; но и человѣкъ одаренъ разумомъ. Богъ по естеству Своему единое избираетъ добро, а всякаго отвращается зла; и человѣкъ получилъ врожденную склонность къ добру и отвращеніе отъ зла. Богъ есть верховный Господь всѣхъ тварей; но и человѣкъ поставленъ властителемъ всей земли. По сему и о прочемъ разсуждать надобно. И понеже Богъ безтѣлесенъ, какъ выше, подъ § 5, сказано, слѣдовательно, образъ Божій не въ тѣлѣ, какъ худо разсуждали антропоморфиты, но первоначально былъ напечатанъ въ душѣ человѣческой. До сего разсужденія мы разумомъ довольно дойти можемъ, но явственнѣе тоже объявляетъ Св. Писаніе, которое совѣтуетъ намъ „облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины“ (Ефесс., 4, 24; Колос., 3, 10). И сіе, что мы сказали объ образѣ Божіи,—надлежитъ до обоего пола, то есть, до мужа и жены, какъ явственно о томъ написано (Быт., 1, 27). Первый человѣкъ назывался Адамъ, а жена Ева; и отъ сихъ двухъ человѣкъ умножился весь человѣческій родъ (Дѣян., 17, 26).

Душа есть безсмертна. Входя въ самихъ себя, мы чувствуемъ, что есть внутрь насъ (чтобъ такъ сказать) существо, различное отъ тѣла, имѣющее силу познавать какъ само себя, такъ и другія вещи. Сіе существо мы называемъ душею,—и что она есть безсмертна, сумнiться не можно: ибо она не есть тѣлесная; а то потому, что тѣло, кое бы въ немъ расположеніе ни было, разума и воли вмѣстить не можетъ, который разумъ и волю мы усматриваемъ въ душѣ нашей. Сіе разсужденіе изъясняетъ Св. Писаніе, которое говоритъ, что тѣло взято отъ земли, но душу Богъ вдохнулъ человѣку (Быт., 2, 7): „И вдуну въ лице его дыханіе жизни“. Не должно думать, чтобъ Богъ дулъ, какъ человѣкъ, или чтобы душа наша была воздухъ или паръ; но чрезъ сіе дуновеніе Божіе намъ дается разумѣть, что душа наша есть существо, по образу Божію созданное, и что она имѣетъ ближайшій союзъ всѣхъ тварей съ Богомъ. Однако, изъ сего да не подумаетъ кто, что душа наша есть частица Божественнаго естества: ибо Богъ дѣлиться на части не можетъ. А ежелибъ Богъ имѣлъ части, то и онѣ такъ, какъ Онъ Самъ, сотворены бы не были.

§ 8.

О Промыслѣ Божіемъ. Богъ, созданный отъ Него, міръ не оставилъ; но о немъ промышляетъ, сохраняя бытіе и силы всѣхъ вещей, и все къ наилучшимъ концамъ премудро управляетъ.

Божій Промыслъ или Божіе о мірѣ попеченіе состоитъ въ томъ, что Онъ хранитъ бытіе и силы тварей: ибо всякая вещь бытіе свое и силы къ дѣйствію имѣетъ потому, что Богъ восхотѣлъ; а понеже

сіе хотѣніе Божіе продолжается доселѣ (ибо кто скажетъ, что вещи теперь пребываютъ и дѣйствуютъ противъ хотѣнія Божія?), и сіе Его хотѣніе есть дѣйствительное; слѣдовательно, бытія и силы всѣхъ тварей сохраняются отъ Бога. Сіе храненіе можно назвать „непрестаннымъ твореніемъ вещей“. Иначе, ежели бы сіе Божіе благоволеніе пересѣклось, въ туже самую минуту всѣ вещи въ ничто обратились бы. Подтверждаетъ то Писаніе (Дѣян., 7 ,28): „въ Немъ (Богѣ) живемъ, движемся и есмы“ (Матѳ., 6, 26 и проч.).

Нѣтъ ни рока, ни случая. Всѣ твари Богъ такъ связалъ, что одна другой служитъ, а симъ хранится цѣлость міра всего. Но кто дѣйствія всѣхъ неисчислимыхъ вещей приводитъ къ единому сему концу, ежели не всемогущій и премудрый Богъ? А чрезъ то открываетъ Онъ намъ величество славы Своея (Дѣян., 14, 17): „Богъ не несвидѣтельствована Себе остави, благотворя намъ, дожди подая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша“. (И Псаломъ 102 весь). Посему въ мірѣ ничего не бываетъ по необходимости или року, и ничего также случайнаго, то есть, безъ Божіей воли быть не можетъ. Изобиліе-ли или скудость, нищета и богатство, счастіе и несчастіе бываютъ по отеческому Божію совѣту и премудрому изволенію. А когда усматриваемъ нѣкоторые въ мірѣ будто бы непорядки,—и то потому, что мы не можемъ проникнуть въ цѣлый союзъ вещей, въ который ежели бы взглянули, удивились бы во всемъ глубинѣ Божіей премудрости.

§ 9.

По о человѣкѣ, какъ превосходнѣйшей тварп, кромѣ помянутаго общаго, Богъ имѣетъ особенное смотрѣніе.

Способы особеннаго Божія Промысла о человѣкѣ. Особенное Божіе о человѣкѣ попеченіе явствуетъ по двумъ причинамъ. Первое, что показываетъ различные пути и подаетъ способы къ добродѣтели. Напримѣръ, иного отводитъ отъ зла страхомъ, другаго поощряетъ къ добру награжденіемъ,—сего исправляетъ нищетою, того ободряетъ къ добродѣтели богатствомъ. Такъ же предуготовляетъ къ истинному благополучію, дая добрыхъ родителей, пристойное воспитаніе, похвальные примѣры, чтеніе или слышаніе полезныхъ книгъ и ученія и проч. Сюда же надлежатъ знатныя перемѣны въ правительствахъ, и когда государство отъ одного народа преносится къ другому,—что все бываетъ съ яснѣйшими знаками попеченія Божія о человѣческомъ родѣ. Второе, что самыя худыя человѣческія намѣренія и дѣла приводитъ къ добрымъ концамъ. Такъ, напримѣръ, чрезъ гоненіе, какое претерпѣваютъ праведники отъ злыхъ людей, открываетъ добродѣтель праведн-

ныхъ, которая безъ того, можетъ, не видна была бы; а злыхъ людей посрамляетъ, но и чрезъ то нечувствительно склоняетъ ихъ къ признанію своихъ пороковъ. Сей чудный Божій Промыслъ наипаче оказалъ себя въ искупленіи человѣческаго рода, когда множество грѣховъ человѣческихъ послужило удивительнымъ нѣкіимъ образомъ къ показанію великаго милосердія Божія. „Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“ (Римл., 5, 20). Сюда надлежитъ оное слово Св. Писанія „Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“ (Римл., 8, 28).

§ 10.

О Богопочтеніи. Изъ преждереченнаго слѣдуетъ, что человѣкъ, какъ разумная тварь, обязанъ къ Богу, яко своему Творцу и Промыслителю, великимъ и нелицемѣрнымъ почтеніемъ.

Всякая тварь одолжена почтеніемъ къ своему Творцу. Но какъ сіе Богопочтеніе требуетъ разума и усерднаго духа; а одинъ только человѣкъ изъ видимыхъ тварей сими дарованіями украшенъ: то, посему, онъ есть одинъ, который можетъ, а тѣмъ самымъ и долженъ воздать Божеству разумное почтеніе. Долженъ же не за себя токмо, но и за всѣ твари возсылать сіе служеніе Богу,—подобно, какъ господинъ проситъ государя за своихъ подчиненныхъ, а отецъ за фамилію свою. Такъ, напримѣръ, яко бы въ лицѣ солнца благодарить надобно Творца, что Онъ, храня его свѣтлость, употребляетъ на благодѣтельство другихъ тварей; или какъ бы въ лицѣ земли благодарить Создателя, что Онъ, снабжая ее плодоносіемъ, обращаетъ оное къ питанію животныхъ. По сему и о прочемъ разсуждать надобно. А когда человѣкъ сей долгъ пренебрегаетъ, то тѣмъ какъ бы обижаетъ твари и дѣлаетъ ихъ предъ Богомъ какъ бы неблагодарными. Въ семъ разумѣ написалъ Апостолъ (Римл., 8, 19): „Суетѣ тварь повинуся не волею“.

Что есть Богопочтеніе? Богопочтеніе есть засвидѣтельствованіе нашего предъ Богомъ покоренія. Сіе покореніе должно быть самое великое: ибо отдается оно высочайшему Существу, отъ Котораго мы все имѣемъ, что ни имѣемъ; такъ же и нелицемѣрное: ибо бываетъ предъ Тѣмъ, Кому извѣстны сокровенныя мысли сердечныя. Къ Богопочтенію возбуждаетъ насъ, во первыхъ, Самъ Богъ, Который по естеству Своему предостоинъ есть быть почитаемъ отъ насъ. Второе, неисчислимыя Его благодѣянія, которыя мы получили чрезъ созданіе, а паче чрезъ искупленіе,—и получаемъ непрестанно чрезъ благій Промыслъ Его. Св. Писаніе учитъ, что Богъ столь одолжилъ насъ благодѣяніями, что мы Ему достойнаго почтенія никогда воздать не можемъ. „Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми“ (Псал., 115, 3)?

§ 11.

Богопочтеніе есть внутреннее и внѣшнее. Богопочтеніе есть внутреннее и внѣшнее. До внутренняго надлежитъ: любовь къ Богу, страхъ, прославленіе Его имени, благодареніе за благодѣянія, признаніе своей немощи и бѣдности, и призываніе Его на помощь; а до внѣшняго потребно: поклоненіе, чтеніе молитвъ, воздыханіе и слезы въ исповѣданіи, веселость, цвѣтущая на лицѣ при благодареніи, хожденіе въ храмъ и прочее.

Богопочтеніе есть одно токмо внутреннее: ибо внѣшнее или наружное безъ внутренняго есть не такъ Богопочтеніе, какъ богомерзкое лицемѣрство; но когда внутреннее Богопочтеніе оказываетъ себя чрезъ наружные знаки, называется внѣшнее. Внутреннее можетъ быть безъ внѣшняго, но не можетъ быть внѣшнее безъ внутренняго. При внутреннемъ Богопочтеніи не должно пренебрегать и внѣшняго. Ибо кромѣ того, что не возможно, чтобы внутренняя горячесть духа не оказала себя чрезъ нѣкіе наружные знаки, какъ, напримѣръ, почти нельзя, чтобы отъ крѣпкаго сокрушенія сердца не потекли слезы, или не открылось бы воздыханіе; кромѣ сего, говорю, наружные знаки благочестиваго почитанія много полезны быть могутъ къ возбужденію другихъ, а наипаче, когда Богопочтеніе отправляется въ собраніи общемъ. О внутреннемъ Богопочтеніи Спаситель нашъ такъ говоритъ (Іоанн., 4, 24): „Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися“.

Что есть основаніе Богопочтенія? Части, изъ которыхъ состоитъ Богопочтеніе, почти всѣ утверждаются на разсужденіи Божественныхъ свойствъ. Ибо, ежели Богъ есть крайнее и совершеннѣйшее добро, прекраснѣе какого ничто быть не можетъ, то сердце наше должно къ Нему пылать самымъ живымъ огнемъ любви и искать съ Нимъ соединенія. Ежели Онъ есть справедливый и нелицепріятный Судія, должны опасаться, дабы преступленіемъ Его вѣчнаго закона не подпасть праведному гнѣву. Ежели Онъ есть пресвятъ, надобно со всякимъ благоговѣніемъ имя Его произносить и опасаться, чтобъ ничего ни думать, ни дѣлать, чрезъ что могла бъ предъ другими унижена быть слава Его. Ежели Онъ—прещедрый Благодѣтель и благоутробнѣйшій Отецъ, должно Его благодѣянія всегда въ памяти содержать и за оныя воздавать Ему усерднѣйшее благодареніе. Ежели Онъ есть Всемогущій Господь, а мы, напротивъ, немощная и всякій часъ согрѣшающая тварь,—надобно, чтобы мы свою бѣдность предъ Нимъ признавали съ чувствительнѣйшимъ сожалѣніемъ о грѣхахъ своихъ. Ежели Онъ—преблагій, а къ тому же вездѣсущій, то во всякихъ нашихъ нуждахъ къ Его покровительству прибѣ-

гать должно и ожидать благовременной помощи. Свидѣтельствами, подтверждающими сіе разсужденіе, наполнены св. книги,—почему исчислять ихъ особенно оставляю. Изъ всего того видно, что Богопочтеніе чрезъ всякое худое дѣло опорочивается, и что хотящему истинно Бога почтить должно быть любителемъ добродѣтели. „Грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши законъ Мой усты твоими? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе и проч. (Псал., 40, 16—17).

Внѣшніе знаки внутренняго къ Богу усердія могутъ быть: 1) Поклоненіе, то есть, поверженіе себя на землю или колѣнопреклоненіе, чрезъ что означаемъ наше рабство предъ Богомъ. 2) Чтеніе молитвъ, или написанныхъ въ книгахъ, или какія горящій духъ сообщитъ языку. Евангеліе не похваляетъ долгія молитвы не для того, аки бы онѣ сами чрезъ себя были порочны,—не буди то; но когда употребляются лицемѣрно, и когда кто думаетъ, что онъ уже тѣмъ много одолжилъ Бога, что нѣсколько молитвъ прочелъ, хотя бы, притомъ, внутрь себя не чувствовалъ ни единаго сокрушеннаго удара (Матѳ., 6, 7). 3) Воздыханіе и слезы, что наипаче должно быть тогда, когда человѣкъ, взошедъ въ самого себя, узнаетъ себя недостаточна, многими грѣхами осквернена и повинна праведному Божію осужденію. 4) Веселость лица, которая проистекаетъ отъ радостнаго сердца, чувствующаго благодѣянія Божіи. Такъ, наприм., Давидъ, пріимая въ свои палаты кивотъ Божій, который былъ видимымъ знакомъ невидимаго присутствія Божія, скакалъ, плясалъ и игралъ въ гусли, и сего не стыдился: ибо все сіе дѣлалъ предъ Господомъ и для Господа (2 Царств., 6, 21, 5). 5) Хожденіе въ храмы, поставленные для Богопочтенія. Хотя и дома, да и на всякомъ мѣстѣ можно молиться Богу, но съ бо́льшею пользою и пристойностію въ храмѣ, гдѣ бываетъ общее всѣхъ собраніе, гдѣ совершаются тайны, и общій Владыка всѣхъ, яко едиными устами, прославляется. Св. Давидъ говоритъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“ (Псал., 121, 1).

§ 12.

И сіе Богопочтеніе не можетъ остаться безъ своего награжденія.

Какъ требуетъ правосудіе и святость Божія, чтобы отвращаться того, который есть презритель Его почтенія и преступникъ Его святой воли,—такъ, напротивъ, любить и награждать того, который Его нелицемѣрно почитаетъ и чрезъ добродѣтель ищетъ съ Нимъ соединенія. Иначе, праведный и нечестивый человѣкъ у Бога былъ бы одно,—чего не только о Богѣ, но и о добромъ человѣкѣ подумать нельзя. Прекрасно то изъясняетъ Св. Писаніе въ разговорѣ, какой имѣлъ Авраамъ съ Богомъ (Быт., 18, 23): „Погубиши ли, Господи, праведнаго съ нече-

стивымъ, и будетъ праведникъ яко нечестивый"?—„Никакоже ты сотворяши по глаголу сему, еже убити праведника съ нечестивымъ, и будетъ праведникъ, яко нечестивый: никакоже, Судяй всей земли, не сотвориши ли суда" (Быт., 18, 25)? II Апостолъ (Евр., 11, 6): „Вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ".

§ 13.

Увѣренія о будущей жизни. Должна убо быть, какъ и дѣйствительно есть, кромѣ сей,—иная, не нарушимая, вѣчная жизнь, въ которой будетъ праведнымъ награжденіе несомнительное, а нечестивымъ наказаніе непзбѣжное.

Извѣстно, что благочестивые и добродѣтельные люди въ сей жизни не только не получаютъ всегда достойнаго награжденія, но наиболѣе они гонимы бываютъ и претерпѣваютъ всякія несчастія; а, напротивъ, нечестивые нерѣдко во всякихъ веселостяхъ свои оканчиваютъ дни, что все бываетъ по особенному Божію премудрому расположенію. А какъ выше сказали, что Богопочтеніе не можетъ остаться безъ награжденія, слѣдовательно, когда не здѣсь, поистинѣ должна быть другая жизнь, въ которой бы добродѣтель получила свое награжденіе. Да и кто бы могъ подумать, чтобъ Богъ создалъ человѣка такимъ, который бы здѣсь, претерпѣвши всякое зло, напослѣдокъ невозвратно погибъ? Самые даже язычники, сколько они ни слѣпы были, не могли склонить себя къ тому, чтобъ думать, аки бы добродѣтель должна остаться безъ награжденія,—почему содержали, что души добродѣтельныхъ людей переселяются на нѣкія веселыя Елисейскія поля и счастливые острова. Св. Писаніе непрестанно о томъ намъ напоминаетъ (Премудр. Солом., 3, 1): „Праведныхъ души въ рукѣ Божіей, и не прикоснется имъ мука"; и Апостолъ—(Филипп., 3, 20): „Наше житіе на небесѣхъ есть". Почему жизнь сія называется гостинница, странствованіе, путь, поприще и проч. II сіе-то человѣка добродѣтельнаго утѣшать должно въ напастяхъ и увеселять въ самыхъ несчастіяхъ, что его добродѣтель никогда забвена быть не можетъ, но въ свое время возсіяетъ, яко солнце. Притомъ, сколь есть сильное побужденіе, чтобы мы не ослабѣвали въ подвигѣ благочестія, когда оно небесными вѣчными благами будетъ награждено. „Недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ" (Римл., 8, 18).

Награжденіе и наказаніе не сомнительно по никогда неизмѣняемому правосудію Божію. А какое будетъ награжденіе и какое грѣшниковъ постигнетъ наказаніе, о—томъ скажемъ, гдѣ будемъ говорить о жизни будущаго вѣка.

§ 14.

О поврежденіи человѣческаго естества. Но человѣка мы видимъ немощна и столь поврежденна, что самъ своими сплами не токмо совершеннаго богопочтенія воздать не можетъ, но, напротивъ, предъ чистѣйшими очами правосудія Божія находитъ себя нечистымъ и повсечаспымъ преступникомъ закона Его.

Доказательства поврежденія нашего естества. Немощь и поврежденіе нашего естества, по мнѣнію самихъ язычниковъ, несомнительно есть. Разогни только ихъ книги,—и увидишь, что наибольше жалуются на человѣческіе нравы, обличаютъ непристойныя склонности, негодуютъ на непостоянство, вопіютъ противъ наглостей и неправдъ человѣческихъ, описываютъ свирѣпыя войны, хитрости, обманы, клеветы, гнуснѣйшія плотскія мерзости, піянство, сребролюбіе, гордость, зависть, непримирительныя злобы и проч. Въ семъ намѣреніи древность выдумала двухъ человѣковъ—Демокрита и Гераклита, изъ которыхъ одинъ чрезъ всю жизнь свою смѣялся суетѣ человѣческой, а другой оплакивалъ бѣдность человѣческаго рода. Къ доказательству поврежденія нашего естества служитъ и то, что нѣкогда весь міръ, какъ еще не возсіяла благодать Евангельская (выключая нѣкоторыхъ, въ коихъ блисталъ истинный свѣтъ боговѣдѣнія) покланялся тлѣнному древу, сребру и золоту, или изображеніямъ, но такихъ людей, коимъ піиты всенародно приписывали наигуснѣйшія мерзости, или хотя и не совсѣмъ худыхъ людей, но людей. Да что говорю изображеніямъ человѣческимъ? четвероногимъ и гадамъ, какъ-то: крокодиламъ, воламъ, кошкамъ и ибисамъ, да еще отдаваема была божественная честь луку и чесноку поставленіемъ жертвенниковъ и приношеніемъ жертвъ. Не можетъ быть бо́льшая слѣпота человѣческаго ума, не можетъ же быть и яснѣйшее доказательство поврежденія человѣческаго. Съ такимъ потемненнымъ понятіемъ о Божествѣ согласовали человѣческіе нравы; и вся ихъ жизнь была не что иное, какъ въ темнотѣ ночной блужданіе. И сіе-то было причиною, что величайшія имперіи, цвѣтущія республики и знаменитыя правительства разорились и погибли. Сколько ни было издаваемо законовъ, сколько ни было употреблено строгостей,—не могли удержать нагло текущій потокъ беззаконій; и скорѣе сами законы истребились чрезъ злость человѣческую, нежели чтобы она чрезъ законы истребиться могла. Но и нынѣ сколько законовъ, сколько судовъ, расправъ, темницъ, казней и прочаго! да нѣтъ, совсѣмъ тѣмъ свирѣпствуетъ устремительная сила, съ какою въ мірѣ дѣйствуетъ грѣхъ. Разсуждающему сіе нельзя не признаться, что наше естество крайне повреждено; а наипаче, когда къ тому присоединитъ высокое мудрствованіе Св. Писанія, которое въ неисчислимыхъ мѣстахъ

оплакиваетъ сію бѣдность нашу (Быт., 6, 11—12): „Растлѣся земля предъ Богомъ, и наполнися земля неправды. И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна“... „Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣваяй или изыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благое, нѣсть до единаго“ (Псал., 13, 2—3). Но болѣе всего оную нашу немощь и поврежденіе доказываетъ внутренняя война, которую мы чувствуемъ въ самихъ себѣ, и которая оказывается чрезъ то, что мы не то дѣлаемъ, что хочемъ и что разсуждаемъ быть доброе; но дѣлаемъ то, что сами почитаемъ за худое: ибо, не знаю, какая въ насъ есть тираническая наглость, которая почти насильно влечетъ насъ къ худому. „Вижду“,—пишетъ св. Павелъ (Римл., 7, 23—24),—„инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего“; а изъ того заключаетъ, что человѣкъ, въ такомъ состояніи разсуждаемый, весьма бѣденъ есть. „Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? И для того слово Божіе человѣка во многихъ мѣстахъ называетъ немощнымъ, слѣпымъ, заблуждающимъ, погибшимъ, умершимъ и такимъ, который, безъ благодати Откровенія, ничего добраго сдѣлать не можетъ и требуетъ духовнаго отрожденія. Почему, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ, что человѣкъ самъ, своими силами безпорочнаго служенія Богу отправить не можетъ. Самъ, говорю, своими силами: ибо что надобно думать о Богопочтеніи Евангельскомъ,—о томъ послѣ увидимъ. А откуда такое поврежденіе имѣетъ свое начало,—о томъ объявится, гдѣ будетъ рѣчь о Символѣ. Пространнѣе о немощи естества нашего разсуждали потому, что такое разсужденіе стелетъ путь намъ къ Евангелію.

Чтобы предъ строжайшимъ Божіимъ судомъ человѣку явиться правымъ, надобно быть безъ наималѣйшаго порока. Но кто изъ человѣкъ дерзнетъ сказать то о себѣ? Всякъ ежечасно погрѣшаетъ или дѣлами, или словами, или мыслями: нѣтъ и не было никого столь святаго, чтобъ грѣху когда не послужилъ. Всѣ до единаго покланяются сему Вавилонскому идолу; Св. Писаніе всею своею силою то подтверждаетъ. Оно говоритъ, что „аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ“ (1 Іоанн., 1, 8),—что „праведникъ седмиджы на день падаетъ“;—что „нечисты вси мы и якоже рубище нечистыя (жены) вся правда наша“ (Ис., 64, 6),—и что „не оправдится предъ Богомъ всякъ живый“ (Псал., 142, 2).

§ 15.

Человѣкъ не есть въ состояніи совершенства. Изъ сего всякъ усматриваетъ, что человѣкъ не есть въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ онъ созданъ отъ Творца своего.

Выше, подъ § седьмымъ, сказано, что Богъ человѣка создалъ по образу Своему и по подобію, то есть, премудрымъ, святымъ, неповиннымъ, склоннымъ къ добру, и прочими совершенствами украшеннымъ; а какъ сего, по преждереченному, въ человѣкѣ мы болѣе не усматриваемъ, слѣдовательно, человѣкъ нынѣ, въ худшемъ состояніи, нежели каковъ онъ сотворенъ отъ Создателя. Да кто бы могъ подумать, чтобы премудрое и преблагое Божество произвело человѣка съ такими слабостями и недостатками, какіе нынѣ мы оплакиваемъ въ немъ? Почему безъ закрытія надобно признаться, что человѣкъ, какимъ ни есть самопроизвольнымъ случаемъ (о чемъ послѣ объявимъ), повредилъ отъ Бога принятыя дарованія, которыя называютъ св. книги образомъ и подобіемъ Божіимъ. Сіе-то намъ наиболѣе и напоминаетъ Св. Писаніе (Римл., 3, 23): „Вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія“.

§ 16.

Человѣкъ есть предъ Богомъ виновенъ. Посему человѣкъ, яко вольный законопреступникъ, остается подверженнымъ всей тягости гнѣва Божія.

Объявлено выше, что Богопочтеніе совершенное не можетъ остаться безъ награжденія; да объявлено жъ и то, что человѣкъ, нося изнемогшее естество, безпорочнаго Богопочтенія совершить не силенъ. Такъ, посему, ничего ему не остается, какъ ожидать Божіяго гнѣва: ибо что беззаконіями заслужить можетъ человѣкъ, какъ токмо, чтобы правосуднѣйшій Богъ отвергъ его отъ Своего милосердія? а за симъ слѣдуютъ всѣ несчастія. Не должно отсюда заключать, чтобы Богъ не имѣлъ сожалѣнія и милосердія къ бѣдности человѣческой; но опять же не можно принять и того, чтобы человѣкъ самъ чрезъ себя могъ быть достоинъ милосердія,—развѣ бы захотѣли думать, что въ Богѣ правды нѣтъ, или что въ Немъ милосердіе—слѣпое, слѣдовательно, что праведника и беззаконника Онъ почитаетъ за одно,—чего о Божествѣ и помыслить страшно. А какимъ же образомъ человѣкъ сподобляется милосердія Божія,—о томъ скоро узнаемъ. Въ Святомъ Писаніи мы сіе точно находимъ. „Проклятъ всякъ человѣкъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесѣхъ закона“ (Второз., 27, 26) „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“ (Римл., 2, 8—9).

§ 17.

Должно искать способа къ избытію Божія гнѣва. Но какъ страшно впасть въ руки Бога живаго, то должно искать средства къ умилостивленію Бога и къ избытію казни, нами заслуженной.

Больной ищетъ врача, впадшій въ несчастіе—избавителя, винова-

тый—ходатая; а какъ человѣкъ, по прежденоказанному, есть и немощенъ, и крайне бѣденъ, и виновенъ предъ Богомъ: то развѣ былъ бы совсѣмъ отчаянный и несказанно ожесточенный, чтобы не восхотѣлъ искать, или по крайней мѣрѣ принять способа, если бы онъ объявляемъ былъ, коимъ отъ несчастливѣйшаго состоянія могъ бы избавленъ быть. Хотя, подлинно, были и суть такіе люди (что опять есть сильнѣйшее доказательство поврежденія человѣческаго), которые свою немощь не усматриваютъ и, будучи совсѣмъ окаянными, не думаютъ, чтобы имъ нужда была въ избавителѣ. Но мы, страшась сего ожесточенія, при руководствѣ здраваго разума и съ помошью Св. Писанія, твердо увѣрить себя должны, что „не требуютъ здравіи врача, но болящіи“,—и опасаться, чтобы на кого изъ насъ не пали оныя слова (Апок., 3, 17): „Глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся, и ничто же требую: и не вѣси, яко ты еси окаяненъ и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“.

§ 18.

Сего средства къ умилостивленію Бога и къ возставленію нашего естества разумъ человѣческій изобрѣсти не можетъ.

Что надобно думать о законѣ и покаяніи внѣ Евангелія? Что до сихъ поръ ни сказано,—все то и разуму нашему довольно понятно, и развѣ бы былъ крайне кто безстыденъ, чтобы дерзнулъ спорить о томъ. Но когда тотъ же разумъ нашъ ищетъ, какимъ бы способомъ можно было умилостивить Бога и избавиться несчастія, въ какое ввергло себя человѣчество, то уже тутъ останавливается и ослабѣваетъ. Узнаетъ онъ, что, разсуждая благость Божію неисчерпаемую, надобно быть такому средству; но какое именно оно,—того ни мало не постигаетъ. Кажется, что мы можемъ вообразить себѣ два, а не больше, такія средства: „исполненіе Божія закона и покаяніе“. Но сіи средства въ неотрожденномъ благодатію человѣкѣ суть не сильны, и сіи убѣжища слабыя. Ибо что касается до перваго, чтобы исполнять Божій законъ, то, подлинно, сіе средство было бы дѣйствительно, если бы мы пребывали единственно въ дѣланіи добра и не преступали бы вѣчный Божій законъ. Но какъ выше показано, что всякъ погрѣшаетъ или дѣлами, или словами, или мысями, и нѣтъ,—да и не было никогда столь святаго, который бы не послужилъ грѣху; такъ уже, вотъ, и видно, что сіе средство не сильно умилостивить Бога и предъ судомъ Его поставить насъ праведными. И въ семъ-то точно разумѣ премудрый Павелъ на многихъ мѣстахъ вопіетъ, что „не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона“ (Галат., 2, 16),—что „кромѣ закона правда Божія явися“ (Римл., 3, 21), что „елицы отъ дѣлъ закона суть, подъ клятвою суть“ (Гал., 3, 10; и Псал., 142, 2: „Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не

оправдится предъ Тобою всякъ живый". Не должно изъ сего заключать (какъ нѣкоторые выводили то изъ ученія Павлова), аки бы дѣлать добро и законъ Божій исполнять не надобно было,—да не будетъ! какъ мы особенно объ этомъ въ своемъ мѣстѣ будемъ говорить; но, что не должно думать, аки бы мы чрезъ свои дѣла предъ Богомъ оправдиться могли. Чтоже касается „до покаянія", то, кажется, должно бы оно одно быть надеждою виновному и утѣшеніемъ грѣшному; но не такъ оно есть. Ибо покаяніе могло бы умилостивить Бога, но истинное, съ крайнимъ отвращеніемъ отъ грѣха и съ твердымъ предложеніемъ—на тѣ же грѣхи не возвращаться. Но можетъ ли человѣкъ, крайне растлѣнный и ежечасно страстьми смущаемый, имѣть такое покаяніе? Не имѣетъ онъ такого отвращенія отъ грѣха, какого бы достойно было сіе превеликое зло, прогнѣвляющее безконечнаго Бога. А хотя бы и сіе могло быть, но человѣкъ, сколько бы, впрочемъ, остороженъ ни былъ, послѣ признанія во грѣхахъ паки оными себя опорочиваетъ: „піемъ бо беззаконія яко воду, и проданы подъ грѣхъ", по Павлову слову; и сіе грѣховное дѣйствіе продолжается чрезъ всю человѣческую жизнь. Такъ какое же се покаяніе? какъ оно можетъ умилостивить Бога? Не разумѣю я здѣсь покаяніе Евангельское, или христіанское: оно иного рода, и знаю, сколь оно, дѣйствительно, какъ-то послѣ объявлено будетъ; но говорю о покаяніи, какое бы человѣкъ могъ имѣть самъ по себѣ, безъ благодати Евангельской. Такое разсужденіе и съ разумомъ весьма сходно, и Св. Писаніе наибольше напоминаетъ намъ о томъ, что человѣкъ самъ по себѣ не имѣетъ довольныхъ силъ къ умилостивленію Бога, развѣ токмо ежечасно Его прогнѣвляетъ: прежде бо обвинени есмы, „іудеи же и еллины вся подъ грѣхомъ быти" (Римл., 3, 9), то есть, что всѣ люди опровержены въ пропасть грѣха, и оттуда избвиться сами собою силы не имѣютъ. Сіе разсужденіе должно всякому крѣпко памятовать, ибо оно даетъ знать, сколь необходимо нужна человѣку есть вѣра Евангельская, какъ симъ точно образомъ святый Павелъ расположилъ свои посланія къ Римлянамъ, къ Галатамъ и къ Евреямъ. Да и подлинно, никто не ищетъ врача, пока не узнаетъ, что онъ бѣдственно немощенъ. Но можетъ спросить кто, что поэтому должно намъ впасть въ отчаяніе? Подлинно такъ, ежели посмотримъ на самихъ себя; но когда разсуждаемъ неисчерпаемую Божію благость и безконечную Его премудрость, то довольнѣйшая съ сей стороны насъ ободряетъ надежда и наше отчаяніе разгоняетъ; и въ сей надеждѣ должны мы съ Исаіею часто повторять: „аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ" (Ис., 1, 9); а благословенное сіе сѣмя есть Христосъ" (Гал., 3, 16); и въ мысли,—

содержать, что ап. Павелъ написалъ: „нынѣ кромѣ закона правда Божія явися, свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ. Правда же Божія вѣрою Іисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ“ (Римл., 3, 21—22).

Доселѣ доказываемо было изъ разсужденія здраваго разума, но приводились къ изъясненію пристойныя мѣста изъ Св. Писанія. А слѣдующая часть на единомъ Божіемъ словѣ утверждается, хотя къ изясненію того же могутъ служить и естественныя понятія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О вѣрѣ Евангельской.

§ I.

Объ откровеніи. Которое средство къ умилостивленію Бога и къ возстановленію нашего естества не можетъ изобрѣсти человѣческій разумъ, то открываетъ намъ Священное Писаніе.

Что есть откровеніе? Понеже выше (подъ § 18, ч. I) доказано было, что человѣкъ самъ чрезъ себя предъ Богомъ оправдаться не можетъ, и всѣ изобрѣтаемые разумомъ къ умилостивленію Божества способы находитъ онъ не сильными; а какъ ни мало не вмѣстительно, чтобъ милосерднѣйшій Богъ оставилъ человѣка послѣднему отчаянію: то, по силѣ Его безмѣрной благости и премудрости безконечной, слѣдовало, чтобы Онъ Самъ открылъ намъ способъ, какимъ бы мы могли съ Нимъ примириться и прежнее благополучіе, въ которомъ созданы, возвратить.

Сей высокій способъ спасенія нашего Богъ открылъ дѣйствительно,—который способъ благословенное христіанство почитаетъ подъ именемъ „откровенія“. Подъ именемъ, говорю, откровенія. Понеже Богъ, видя что родъ человѣческій изнемогъ и слѣпотствуетъ въ томъ, что касается до спасенія его,—избралъ нѣкоторыя способныя къ тому лица (мы ихъ называемъ пророками и апостолами). Онъ осіялъ ихъ умъ нѣкіимъ чрезъестественнымъ свѣтомъ, и открылъ имъ сокровеннѣйшія тайны и удивительнѣйшія пророчества. Оныя тайны и пророчества, по повелѣнію Духа Святаго, предали они писанію, дабы истина, Богомъ открытая, пребыла незабвенною чрезъ всѣ вѣка,—которое писаніе мы называемъ „Священнымъ Писаніемъ“. Въ семъ Писаніи точно о томъ (Римл., 14, 24 и 25), пишется, что апостолы проповѣдали „откровеніе тайны, лѣты вѣчными умолчанныя, явльшіяся же нынѣ, писаніи пророческими, по повелѣнію вѣчнаго Бога“; и потомуже сказуется, что Церковь „создана на основаніи апостолъ и пророкъ“ (Ефес., 2, 20).

§ 2.

О Св. Писаніи. Священное Писаніе есть истиннѣйшее слово Божіе.

Что есть Ветхій и Новый завѣтъ? и что есть законъ и Евангеліе? Св. Писаніе раздѣляется на Ветхій и Новый завѣтъ. Ветхій завѣтъ содержитъ въ себѣ законъ, предуготовляющій человѣка къ совершенному пріятію вѣры Христовы, также пророчества и проображенія благодати Евангельской; а новый открываетъ исполненіе оныхъ пророчествъ и прообразеній и проповѣдуетъ великое милосердіе Боже, заслуженное намъ смертію Іисусъ Христовою. Также дѣлится на „законъ и Евангеліе“. Подъ именемъ закона надобно разумѣть всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Богъ строго требуетъ точнаго наблюденія заповѣдей Своихъ; а за преступленіе оныхъ грозитъ наказать самыми страшными казнями. А чрезъ „Евангеліе“ разумѣется все то, что касается до милосердыхъ Божіихъ обѣщаній и оной любви, которою насъ возлюбилъ Небесный Отецъ ради возлюбленнаго Сына Своего. Такъ, напримѣръ, оныя слова, сказанныя отъ Бога Аврааму (Быт., 22, 18): „Благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи“, суть Евангельскія. Творецъ Св. Писанія есть Духъ Святый: ибо кто можетъ знать тайны, сокровенныя въ Богѣ, развѣ токмо Духъ, сущій въ Немъ (1 Кор., 2, 11)? А органы, или орудія Его были пророки и апостолы, по оному слову св. Петра: „Ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы“ (2 Петр., 1, 21).

Доказательства, что Св. Писаніе есть слово Божіе. Что Св. Писаніе есть слово Божіе,—въ томъ истинный христіанинъ увѣряется отъ внутренняго дѣйствія, какое въ самомъ себѣ чувствуетъ, читая или слушая высокое ученіе, въ ономъ Писаніи содержимое. Но какъ, можетъ, не всякъ, а наипаче изъ непросвѣщенныхъ, чувствуетъ силу дѣйствія сего внутрь себя, то доказательства къ подтвержденію того имѣются довольнѣйшія.

1) Яснѣйшее и всѣмъ извѣстное исполненіе пророчествъ. Напримѣръ, была: пророчества патріарха Іакова (Быт., 49, 10) о будущемъ Іудиномъ царствѣ и о пребываніи его до пришествія Мессіина; пророчества Даніиловы о будущихъ перемѣнахъ въ монархіяхъ свѣта съ предсказаніемъ самыхъ случайныхъ обстоятельствъ, также о пришествіи и страданіи Христовомъ, и объ уничтоженіи жертвъ Ветхаго завѣта; пророчества Исаіины и Малахіины объ обращеніи языковъ къ истинному Богу; также пророчества Христовы о разореніи Іерусалима и о расточеніи іудеевъ (Матѳ., 24, 2 и 23, 35),—другія премногія пророчества умалчиваю. Событіе сихъ пророчествъ столь ясно, что весь свѣтъ тому есть неоспоримый свидѣтель. А какъ человѣкъ, кромѣ

Бога не можетъ узнать, что и завтра случится,—не говорю за пять сотъ или и за тысячу лѣтъ прежде: то, безъ сомнѣнія, Писаніе, содержащее, пророчества такія почитать надобно за Божественное. 2) Великая святость какъ догматовъ, такъ и заповѣдей. О величествѣ бо Божіи и о тайнахъ спасенія нашего Св. Писаніе столь изрядно разсуждаетъ, что превосходнѣе ничего выдумать не можно. Богопочтенія отъ насъ не требуетъ, развѣ какое пристойно Божеству и разумной твари: духомъ бо и истиною кланятися повелѣваетъ, и духъ сокрушенный подтверждаетъ быть жертву пріятную Богу. Чтоже касается до заповѣдей, оныя тѣмъ святѣе, что предписываютъ человѣку самый превосходный путь къ совершенству. Повелѣваютъ любить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, ближняго не только не обижать, но еще всячески стараться ему въ нуждахъ вспомоществовать,—да не только сіе дѣлать другамъ нашимъ, но и, вмѣсто отмщенія, благодѣтельствовать самымъ непріятелямъ; кратко, не только ни кому зла не дѣлать, но и въ сердцѣ того не держать. А вообще о всѣхъ заповѣдяхъ христіанскихъ по истиннѣ сказать должно, что и съ здравымъ разумомъ весьма сходны, и ни въ какихъ нехристіанскихъ книгахъ столь исправнаго и непорочнаго нравоученія сыскать не возможно. А что въ христіанствѣ есть и такіе догматы, которые превосходятъ понятіе наше,—и тому дивиться не должно. „Яко не испытани суды Божіи, и не изслѣдовани путіе Его. Кто бо разумѣ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть“ (Римл., 11, 33)? 3) Удивительная, или паче превосходящая удивленіе сила проповѣди апостольской. Апостолы въ маломъ числѣ, никакой не имѣя силы, но паче бѣдные, слабые и скудные, безъ всякихъ оружій, безъ всякой витійственной силы, но проповѣдію простою, въ краткое время покорили безчисленные народы подъ иго святѣйшей вѣры; и противъ нихъ ни мало не устояли притомъ всѣ указы, угроженія, мученія императоровъ, ученіе ихъ запрещающія, и хитросплетенные доводы и коварныя мнѣнія философовъ. Кто здѣсь не видитъ ясное дѣйствіе Самого Бога? Но какъ апостольское ученіе содержится въ Священномъ Писаніи,—да оноже и съ прочими священными писателями точно сходно: то не остается ни малаго сомнѣнія—ученіе христіанское почитать за ученіе Богомъ Самимъ откровенное. Сверхъ того, ежелибы ученіе апостольское было не Божественное, то что склонило бы ихъ къ сему вымыслу, и онымъ прельщать человѣческій родъ? Польза ли? но они и собственнаго своего всего охотно лишались, да и другихъ научали не стараться о снисканіи богатства? Надежда ли получить какую честь? но сего надѣяться не могли: ибо Учитель предсказалъ имъ только бѣды и смерти, и послалъ ихъ, яко агнцевъ, посредѣ волковъ. Да, можетъ скажетъ кто, что они по своей простотѣ и неразумію обманулись. Но не-

видно нимало сего неразумія въ высокихъ и премудрыхъ ихъ писаніяхъ. Да опять, какъ бы не одинъ человѣкъ, но многіе чрезъ толико вѣковъ, или паче, отъ самаго начала міра въ такомъ вымыслѣ согласиться могли? Скорѣе, поистиннѣ, сдѣлается все невозможное, нежели чтобы сіе сдѣлаться могло. Почему безъ всякаго сомнѣнія всякъ содержать долженъ, что Св. Писаніе есть истиннѣйшее слово Божіе. Объ этомъ предложено пространнѣе: ибо сими доводами вмѣстѣ доказывается и то, что благочестіе христіанское есть истинное.

§ 3.

Существенное содержаніе Св. Писанія. Вся сила и существенное содержаніе Св. Писанія есть Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, прежде вѣкъ въ славу нашу опредѣленный, отъ начала міра увѣрованный, пророками предвозвѣщенный, жертвами и обрядами прообразованный, закономъ предуготованный, Евангеліемъ всей поднебесной проповѣданный.

Въ Св. Писаніи содержатся разныя вещи, какъ то: заповѣди закона, правила нравоучительныя, пророчества, также описанія разныхъ явленій Божіихъ, чудесъ и обѣщаній,—при томъ, многихъ дѣйствій и человѣческихъ. Но все сіе не инуда клонится, какъ токмо къ откровенію предвѣчнаго совѣта Божія объ искупленіи человѣческаго рода чрезъ Спасителя нашего Іисуса Христа. Такъ, напримѣръ, законъ, приводя насъ къ познанію своей предъ Богомъ повинности, заставляетъ искать Избавителя, пророчества Его предвозвѣщаютъ, жертвы предозначаютъ; различныя явленія Божіи и чудеса или пріуготовляютъ насъ къ принятію вѣры Христовы, или приводятъ дѣйствія Христовы въ большую ясность. А обѣщанія Божія всѣ, поелику насъ увѣряютъ о милости Небеснаго Отца, утверждаются на Іисусѣ Христѣ, яко нашемъ Ходатаѣ у Бога. Св. Писаніе наполнено свидѣтельствами о семъ. Мы приведемъ нѣкоторыя. „О Немъ же писа Моисей въ законѣ и пророцы, обрѣтохомъ Іисуса“ (Іоанн., 1, 45). „Елика обѣтованія Божія, въ Томъ (во Христѣ) ей и въ томъ аминь“ (2 Кор., 1, 20), то есть, всѣ Божіи милостивыя обѣщанія на Немъ основаніе свое имѣютъ.

Божіи опредѣленія всѣ суть предвѣчныя, между коими знатнѣйшее есть о воплощеніи Сына Божія, и объ очищеніи грѣховъ нашихъ смертію Его: „Глаголемъ премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу“ (1 Кор., 2, 7). И для тогоже въ Апокалипсисѣ Спаситель называется „Агнецъ закланный прежде сложенія міра“.

Основаніе Евангельской вѣры при самомъ началѣ міра. Первому человѣку, Адаму, благовѣствовалъ Богъ милосердное Свое благоволеніе

какъ къ нему, такъ и ко всему человѣческому роду сими, подлинно, Евангельскими словами: „вражду положу между тобою (зміемъ) и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ тоя: той твою сотретъ главу, а ты сотреши его пяту“ (Быт., 3, 14). Толкованіе сихъ словъ есть такое: змѣй есть діаволъ: сѣмя змінно суть всѣ нечестивые и гонители истины; Сѣмя жены есть Христосъ (Галат., 4, 4). Сѣмя Христово суть благочестивые и добродѣтельные. Христосъ стираетъ змінну главу, когда истребляетъ грѣхъ и, наконецъ, сокрушаетъ нечестивыхъ; а змѣй повреждаетъ Христову пяту, умертвивши Его по плоти чрезъ служителей своихъ—нечестивыхъ людей, и когда гонитъ вѣрующихъ въ Него, однако, безъ вреда спасенія ихъ. Сіе важное благовѣстіе радостнѣйшимъ сердцемъ, какъ-то и надлежало, принялъ праотецъ нашъ. Такъ, вотъ, и видимъ начало вѣры при самыхъ началахъ міра. Сему примѣру послѣдовали благочестивые его потомки, какъ точно о семъ свидѣтельствуетъ Павелъ: „въ сей (вѣрѣ) свидѣтельствовани быша древніи“(Евр., 11, 2). Потомъ сіеже обѣщаніе вѣры не однократно повторено Аврааму, Исааку, Іакову сими словами: „о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы“. И для того апостолъ Павелъ (Римл., 4, 18) Авраама называетъ не токмо вѣрующимъ и оправданнымъ вѣрою во Іисуса Христа, но и отцемъ всѣхъ вѣрующихъ, то есть, что всѣ христіане, хотящіе предъ Богомъ оправдаться, должны въ примѣръ себѣ представлять Авраама. А отсюда всякъ видитъ, что вѣра въ Іисуса Христа получила основаніе свое при самомъ началѣ міра.

Евангельская благодать пророками предсказана. Чтобы истина Евангельская была тѣмъ яснѣе и несомнительнѣе, Богъ благоволилъ объ оной напередъ за нѣсколько вѣковъ предсказать чрезъ разныхъ пророковъ и разными образами. Всѣ они единодушно великолѣпнѣйшими выраженіями предрекли благодать Іисусъ Христову. За множествомъ, оныя пророчества здѣсь приводить оставляю; а токмо означаю нѣкоторыя изъ нихъ слѣдующія мѣста (Быт., 29, 10; Псал., 71, 6; Іс., 2, 11; 11, 53, 60; Іерем., 23, 6; 31, 31; Іезекіил., 34, 23; Дан., 9, 24; Ос., 2, 18; Іон., 2, 28; Амос., 9, 11; Авд., 17; Іоил., 4, 10; Мих., 5, 2; Наум., 1, 15; Аввак., 3, 1; Софон., 3, 14; Агг., 2, 8; Захар., 2, 10; 14, 8; Малах., 3, 1).

Причины, для чего установлены жертвы? Язычники, закалая различныхъ животныхъ, приносили богамъ своимъ премногія жертвы; а нѣкоторые народы сжигали и самихъ младенцевъ при жертвоприношеніяхъ своихъ. Сіе дѣйствіе жертвоприношенія въ язычникахъ, кажется, имѣло начало свое оттуда, что они во глубинѣ совѣсти своей чувствовали себя быть предъ Божествомъ повинными и достойными Его праведнаго гнѣва, который гнѣвъ приношеніемъ жертвъ и пролитіемъ

животныхъ думали погасить. Но неоспоримо есть Апостольское слово (Евр., 10, 4): „не возможно крови юнчей и козлей отпущати грѣхи“. Однако, со всѣмъ тѣмъ, Богъ въ законѣ, даномъ Моисею, предписалъ разныя разныхъ жертвъ приношенія. А какъ сіи жертвы къ очищенію грѣховъ человѣческихъ ни мало служить не могли, по преждереченному Апостольскому слову, и по сему (которое слово особенно означаетъ іудейскія жертвы), что „священникъ стоитъ тыяжде множицею принося жертвы, яже никогдаже могутъ отъяти грѣховъ“ (Евр., 10, 11): то надобно изыскивать причины, для чегоже бы Богъ ихъ и уставилъ Въ Св. Писаніи двѣ тому причины находимъ.

1) Чтобы человѣкъ призналъ свою предъ Богомъ повинность, и что онъ достоинъ отъ гнѣва Божія убитъ быть не иначе, какъ закалается и животное. Для сего бо Богъ повелѣвалъ приносящему жертву возлагать руку свою на главу убиваемаго скота (Левит., 4, 15). А сіе признаніе повинности нечувствительно отсылало человѣка искать избавителя и примирителя. 2) Чтобы оными жертвами прообразить имѣющую быть славную жертву непорочнаго Агнца Іисуса Христа, за наши грѣхи на крестѣ умершаго. Проображеніе сіе въ томъ состояло. Проливаемая кровь приводитъ всякаго къ умиленію: кольми паче пречистая кровь Сына Божія могла умилостивить Небеснаго Отца, нашими грѣхами прогнѣваннаго. Кровь животныхъ можетъ очистить плотскую нечистоту: кольми паче кровь Іисуса Христа можетъ омыть наши душевныя скверны грѣховъ. Сіе разсужденіе есть св. Павла, въ посланіи къ Евр., гл. 9 и 10, гдѣ между прочимъ написано: „сѣнь имѣлъ законъ грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей“. А языческія жертвы моглибы имѣть свою пользу, когда бы онѣ, чрезъ то признавая свою предъ Богомъ повинность, искали себѣ лучшаго пути къ оправданію. Что же касается до обрядовъ, или священныхъ іудейскихъ церемоній, то оныя также видимо предозначали невидимыя дѣйствія благодати Евангельской. Такъ, напр., обрѣзаніе тѣлесное было знакомъ обрѣзанія духовнаго, то есть, отсѣченія страстей и истребленія грѣховъ чрезъ благодать Христову. Агнецъ пасхальный былъ знакомъ, пріобщаемаго нами вѣрою, пречистаго Агнца Іисуса Христа. Змій мѣдный въ пустынѣ былъ образомъ висящаго на крестѣ Спасителя исцѣляющаго отъ угрызеній грѣховныхъ всѣхъ тѣхъ, кои взираютъ на Него окомъ вѣры. Также и о прочихъ разсуждать надобно. Отсюда всякъ видитъ, что оныя жертвы и обряды не могли быть, какъ только до пришествія Спасителя, чрезъ которое они получили исполненіе свое. Точно такъ разсуждаетъ св. Павелъ, который о жертвахъ и прочихъ обрядахъ говоритъ (Евр., 9, 10), что они опредѣлены были „даже до времене исправленія“.

Почему закономъ никто не оправдается? Подлинно, законъ на тотъ конецъ данъ, чтобы человѣкъ, совершенно его исполнивъ, сталъ предъ Богомъ праведнымъ; какъ, именно, сіе написано (Левит., 18, 5) „сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ“: но понеже вси согрѣшили и лишились славы Божія“ (Римл., 3, 23), такъ, вотъ, сей конецъ и безполезенъ сталъ; слѣдовательно, законъ чрезъ нашу немощь потерялъ свою силу, чтобы сдѣлать праведными насъ предъ Богомъ, по оному Апостольскому слову (Гал., 3, 11): „въ законѣ никто же оправдается отъ Бога“. Но премудрѣйшій Богъ изобрѣлъ другой способъ сдѣлать для насъ законъ полезнымъ, а именно: употребилъ его на пріуготовленіе насъ къ вѣрѣ Христовой, которое пріуготовленіе состоитъ въ томъ, что законъ, показывая насъ быть преступниками его и повинными Божіему суду, какъ за руку взявъ, приводитъ насъ къ Оправдателю нашему, Христу. Ясныя на то свидѣтельства—въ св. Писаніи: „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся“ (Гал., 3, 24); и: „ничто же совершилъ законъ: привведеніе же есть лучшему упованію, имъ же приближаемся къ Богу“ (Евр., 7, 19). Однако, изъ сего да не подумаетъ кто, аки бы мы не обязаны были исполнять закона: да не будетъ. Какъ-то послѣ увидимъ.

Спаситель нашъ, избравъ апостоловъ, повелѣлъ имъ Евангеліе проповѣдать всей тварп, то есть, всему человѣческому роду (Марк., 16, 15). Ибо всѣ люди имѣли необходимую нужду получить свое спасеніе чрезъ сего небеснаго Ходатая, которое повелѣніе Божественные апостолы, дѣйствительно, и исполнили. Ихъ красныя ноги обтекли весь кругъ земный и вездѣ по себѣ оставили незаглаждаемые слѣды благочестивыя вѣры такъ, что наисправедливѣйше съ Давидомъ ап. Павелъ написалъ. „Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Римл., 10, 18).

§ 4.

Что есть Церковь? Собраніе человѣковъ, въ Іисуса Христа вѣрующихъ, есть и называется Церковь.

Хотя и храмъ или домъ молитвенный обыкновенно называется церковь, и то потому, что тамъ вѣрующіе собираются на богослуженіе; но собственно Церковь составляется изъ тѣхъ, которые имѣютъ истинную и живую вѣру въ Іисуса Христа, по оному Павлову слову: „вы есте церкви Бога жива“ (2 Кор., 6, 16). Сія Церковь называется Церковь Христова, Церковь вѣрующихъ, Церковь Евангельская. Но пространнѣе о Церкви и о томъ, что до нея принадлежитъ, сказано будетъ въ Символѣ.

§ 5.

Различныя состоянія Церкви. Церковь Іисуса Христа, получивъ свое основаніе отъ начала міра, прежде управляема была изустными преданіями откровеній Божіихъ, потомъ закономъ письменнымъ и пророческими ученіями, а напослѣдокъ Евангеліемъ.

Три состоянія Церкви. Выше, въ § 3 подъ 3 примѣчаніемъ, показано, что начало Церкви Іисуса Христа до самыхъ начатковъ міра относить надобно. Почему ничего нѣтъ въ свѣтѣ древнѣе, какъ вѣра нами исповѣдуемая,—и Церковь, содержащая въ себѣ сокровище вѣры. Сія Церковь отъ начала міра есть одна и та же, и такова же будетъ до скончанія міра, такъ, какъ и вѣра, въ ней содержимая, всегда есть не премѣняема: „Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки“ (Евр., 13, 7). Но состоянія Церкви были различныя. Ихъ считается три: первое состояніе Церкви отъ Адама до Моисея; второе отъ Моисея до Христа; третіе отъ Христа до скончанія вѣка. Въ первомъ изъ сихъ состояній управлялъ Богъ Церковь Свою изустными Своими откровеніями, которыя получивъ Адамъ сообщилъ своему потомству даже до Ноя,—что ему легко было сдѣлать по его долговременной жизни; Ной—своимъ дѣтямъ и потомству: вси бо „древніи свидѣтельствовани были въ вѣрѣ“, по Апостолову слову (Евр., 11, 2). Но какъ по нѣсколькомъ времени послѣ Ноева потопа, по причинѣ беззаконій человѣческихъ, откровенія Божія стали быть забыты или пренебрежены, а притомъ уже и богомерзкое идолопоклонство начало вводимо быть (Іисус. Нав., 24, 2): то Богъ оныя откровенія, какъ единое средство спасенія человѣческаго, благоволилъ паки возобновить Аврааму, Исааку, Іакову и ихъ потомкамъ даже до Моисея. Сила всѣхъ оныхъ откровеній была Евангельская, то есть, вѣра въ Іисуса Христа, яко Ходатая и Примирителя Бога и человѣковъ. И потому богомудрый Павелъ, исчитая всѣхъ древнихъ отъ начала міра и свидѣтельствуя объ ихъ вѣрѣ, напослѣдокъ заключаетъ, что всѣхъ ихъ „вѣры былъ Начальникъ и Совершитель Іисусъ“ (Евр., 12, 2).

Для чего данъ законъ письменный. Великіе непорядки человѣческіе и крайнее забвеніе честности и добродѣтели, чувствіе коихъ всякому напечатано на сердцѣ, побудили Бога премилосердаго, чтобы Онъ подалъ падающему человѣческому роду подкрѣпленіе; а оное подкрѣпленіе было законъ письменный. Сей законъ содержалъ въ себѣ истиннѣйшія правила дѣйствій человѣческихъ, и былъ онъ явственнѣйшимъ представленіемъ внутренняго сердечнаго закона потемнѣннаго человѣческими дѣлами. Для врученія сего закона избралъ Онъ ревностнѣйшаго мужа Моисея, чрезъ котораго законъ тотъ сообщилъ непосред-

ственно іудейскому народу, а посредственно всему роду человѣческому. Но какъ и сила сего закона не могла преодолѣть склонности человѣческія, Богъ посылалъ пророковъ, которые старались исправить человѣчество какъ страхомъ гнѣва Божія, такъ и великими исполнителямъ закона обѣщаніями. Такъ, вотъ, и началось второе состояніе Церкви отъ Моисея до Христа, управляемое закономъ письменнымъ и пророческими ученіями. Притомъ памятовать надобно, что основаніемъ какъ закона Моисеева и пророковъ всѣхъ, такъ и всѣхъ жившихъ въ томъ законѣ былъ Іисусъ Христосъ, яко единственная надежда человѣческая ко спасенію. Такъ пишетъ Павелъ, „яко отцы наши вси тожде братно духовное ядоша, и вси тожде питво духовное питша, піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ (1 Коринѳян., 10, 4).

Третье состояніе Церкви, великолѣпнѣйшее и совершенное, наступило съ самымъ пришествіемъ Спасителя нашего, когда истина Евангельская, начавъ отъ него Самого, чрезъ апостоловъ проповѣдана по сему свѣту,—которую неисчислимое множество мучениковъ кровію своею запечатали. Въ семъ состояніи Церковь утверждается на свѣтлѣйшемъ Евангельскомъ словѣ и укрѣпляется тайнами: „нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатію“,—восклицаетъ Павелъ (Римл., 6, 14); и нынѣ мы не чрезъ скрытыя предреченія и темныя прообразованія, „но откровеннымъ лицемъ славу Господню взираемъ“ (2 Кор., 3, 18). Сіе состояніе будетъ продолжаться до окончанія вѣковъ, „егда Іисусъ Христосъ предастъ царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу“ (1 Кор., 15, 24).

§ 6.

О гоненіи Церкви. Церковь Іисуса Христа всегда гонима была, да и будетъ гонима до скончанія вѣка, хотя никогда не возможетъ быть побѣдима.

Какъ Церковь, содержащая въ себѣ истину вѣры, началась при самыхъ началахъ міра, такъ въ то же время началась она и гонима быть: ибо между истиною и суевѣрствомъ, между благочестіемъ и нечестіемъ, между добродѣтелію и порокомъ есть вѣчная непримиримая брань. Первый Каинъ убилъ неповинно брата своего Авеля (Быт., 4, 8): „всѣ убо гонители путемъ Каиновымъ ходятъ“ (Іуд., 11). Отъ Каина пошелъ нечестивый родъ; а отъ Сифа—благочестивый, который Св. Писаніе называетъ сынами Божіими (Быт., 6, 2). Первые были злобные непріятели сихъ послѣднихъ (Быт., 6, 11), но потомъ погублены были потопомъ, а Церковь сохранена была въ маломъ ковчегѣ отъ пожирающей вся бездны водъ. Послѣ потопа при умноженіи человѣче-

скаго рода умножалось число злыхъ людей, которыхъ какъ будто предводителемъ былъ нечестивый Хамовъ родъ (Быт., 9, 25). Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ доблественно прошли чрезъ огонь искушеній и напастей. Тожъ пострадалъ Лотъ отъ содомлянъ, Іосифъ—отъ братіевъ, израильтяне отъ египтянъ, Моисей—отъ изральтянъ, Давидъ—отъ Саула. Всѣ пророки понесли прекословіе и озлобленіе, и всѣ крѣпкіе отъ Израиля и мужи чрезвычайной святости питаемы были, отъ самаго тогдашняго времени, хлѣбомъ оскорбленія и пили чашу горести. Кратко сказать: кровь праведная начала проливаема быть отъ Авеля (Мато., 23, 35), а окончилась на Крестителѣ Іоаннѣ, предвозвѣстникѣ благодати (Мато., 14, 10). И сіе въ Ветхомъ завѣтѣ. А въ Новой благодати Самъ Спаситель предначалъ сей святѣйшій подвигъ, и Своею Божественною особою освятилъ для всѣхъ насъ спасительное ношеніе креста. Онъ Свою жизнь началъ отъ гоненія, продолжалъ въ крайней нищетѣ, поношеніяхъ и ругательствахъ, а окончилъ на крестѣ (Евр., 12, 2). Своему Учителю послѣдовали ученики, которые посланы были отъ Него въ міръ, яко агнцы посредѣ волковъ. Они о себѣ говорятъ, что міръ ихъ почелъ за соръ, и что „позоръ были міру, ангеломъ и человѣкомъ“ (1 Кор., 4, 9 и 13). И какъ Апостольская кровь была нѣкоторымъ сѣменемъ, изъ котораго нечаянно произрасло неисчислимое множество христіанъ, то всѣ они, какъ овцы, закалаемы были и, какъ пшеница, были пожинаемы. Ибо императоры римскіе и всѣ во всемъ свѣтѣ властители противъ нихъ вооружились всею силою. Такихъ гоненій исторія церковная считаетъ десять. 1) при Неронѣ; 2) при Домитіанѣ; 3) при Траянѣ; 4) при Адріанѣ; 5) при Антонинахъ; 6) при Северѣ; 7) при Максиминѣ; 8) при Декіи; 9) при Валеріанѣ; 10) при Діоклитіанѣ. Сердце содрогается, разсуждая оныя ужасныя мученія. За легкое почитаемо было лишиться чести и всего имѣнія, въ изгнаніе для копанія рудъ сослану быть, палицами биту быть до исторженія зубовъ и глазъ, претерпѣть отсѣченіе языка, рукъ, ногъ и сосецъ. Сверхъ сего, зашитые въ звѣрскія кожи бросаемы были звѣрямъ на растерзаніе; по изломаніи всѣхъ членовъ вѣшены были на крестахъ, зашитые въ куль потопляемы были въ водѣ, сожигаемы были огнемъ, живые въ землю были зарываемы, или побиваемы каменіемъ, въ раскаленныхъ мѣдныхъ волахъ были затворяемы, до костей и до внутренностей были растерзаемы, вліяніемъ растопленной смолы или олова въ ротъ умерщвляемы были, съ высокихъ горъ были опровергаемы, на мелкія части разсѣкаемы были. Что много? Всякое претерпѣли мученіе, какое только лютость человѣческая выдумать можетъ. Здѣсь мимоходомъ примѣтить надобно какъ непобѣдимое мученіями мучениковъ постоянство, такъ и то, что они все сіе съ удивительнымъ великодушіемъ, ни малаго не сдѣлавъ противъ гони-

телей своихъ смущенія, претерпѣли: ибо сіе сильно доказываетъ превосходную истину благочестія христіанскаго. Сіи явныя гоненія продолжались до временъ Константина Великаго. Престали при семъ благочестивомъ государѣ оныя, указами повелѣваемыя, гоненія; но не перестали скрытыя, какія во всякое время благочестивые люди отъ нечестивыхъ претерпѣваютъ. Кромѣ того, что христіане по всей вселенной отъ частыхъ набѣговъ невѣрныхъ народовъ оскорбляемы и убиваемы были, кромѣ сего, говорю, чрезъ нѣсколько вѣковъ Церковь Христова паки увидѣла возгорѣвшій противъ себя пламень гоненія, когда при внутреннемъ раздорѣ восточной церкви и западной, Востокомъ завладѣлъ Магометъ, утѣснитель христіанства; а Западъ подверженъ сталъ игу суевернѣйшаго папы.

Домашніе гонители. Кромѣ вышеобъявленныхъ гонителей, которыхъ можно назвать внѣшними или постороннимі, были, такъ сказать, домашніе, о конхъ свят. Іоаннъ пишетъ: „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“ (1 Іоанн., 2, 19). Такіе гонители суть еретики, то-есть, которые подъ видомъ защищенія истины истину подавляютъ странными своими и погибельными мнѣніями. Такими чудовищами всѣ вѣка были обезчещены, и отъ нихъ наболѣе утроба Церкви Христовой раздиралася. По пришествіи Спасителя нашего были сіи знатнѣйшія ереси: симоніанская, валентиніанская, монтанская, манихейская, аріанская, пелагіанская, несторіанская, евтихіанская и прочихъ. Но что нужды ихъ всѣхъ исчислять? Гоненія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія будутъ продолжаться до скончанія вѣка, то-есть, до онаго времени, въ которое „послетъ Сынъ человѣческій ангелы Своя, и соберутъ отъ царства Его вся соблазны и творящихъ беззаконія, и ввергнутъ ихъ въ пещь огненну“ (Мато., 13, 41—42). Гонителей оныхъ Св. Писаніе называетъ „антихристами“, или противниками Христу (1 Іоанн., 2, 18), число и злоба которыхъ тѣмъ болѣе будетъ умножаться, чѣмъ ближе будетъ наступать день суда (2 Сол., 2, 7). Попечительный Божій Промыслъ попущаетъ быть симъ гоненіямъ для явленія избранныхъ Своихъ, ибо лютость мученій открываетъ постоянство въ вѣрѣ, и тѣмъ и другимъ привлекаетъ къ оной, и имъ усугубляетъ награжденія на небеси, а развратныя мнѣнія въ большее блистаніе приводятъ тѣхъ, кои не нарушимо держатся истины, какъ то пишетъ св. Павелъ: „подобаетъ и ересямъ въ насъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ насъ“ (1 Кор., 11, 19). Но горе тому, имъ же соблазнъ приходитъ. Должно молить Небеснаго Отца, чтобы не ввелъ насъ въ искушеніе, истребилъ бы соблазны и ереси, дабы и мы сею смертоносною язвою заражены не были, а наипаче въ сіе печальнѣйшее время, въ которое видимъ само христіанство на разныя секты раздираемое.

Единственное намѣреніе всѣхъ оныхъ гонителей было истребить истину. Но сіе-то есть одно изъ невозможныхъ. Ибо Церковь Іисуса Христа основана на Немъ Самомъ, яко на твердѣйшемъ камени, „противъ котораго и врата адова не одолѣютъ“ (Мато., 16, 18).

§ 7.

Все надлежащее до спасенія ученіе, священными книгами намъ предаемое и Церковію содержимое, святые отцы для удобнѣйшаго всякому понятія, и чтобы различить правовѣрующаго отъ неправославнаго, сократили.

Книгъ Священнаго Писанія, въ коихъ ученіе Церкви содержится, число есть не малое, которыя, по содержащимся въ нихъ тайнамъ, не отъ всякаго могутъ быть совершенно уразумѣты; а къ тому же, разсуждая различныя человѣковъ состоянія и свойства, не всякъ удобно можетъ упражняться въ чтеніи Св. Писанія, хотя бы то и желать сего надобно. Посему неотмѣнно польза простѣйшихъ христіанъ требовала, чтобы все необходимо нужное ученіе представить въ сокращеніи, какъ въ нѣкоторомъ зеркалѣ, въ которомъ всякъ могъ бы видѣть, что ему для своего спасенія содержать надобно, и оное безъ дальней трудности всегда памятовалъ бы.

§ 8.

Что есть Символъ вѣры? Оное сокращеніе называется Символъ вѣры, и есть слѣдующій:

1. „Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“.

2. „И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна, отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна единосущна Отцу, Имъ же вся быша“.

3. „Насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася“.

4. „Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша и погребенна“.

5. „И воскресшаго въ третій день по писаніемъ“.

6. „И возшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца“.

7. „И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца.

8. И въ Духа Святаго Господа животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

9. Во едину святую соборную и апостольскую Церковь.
10. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ.
11. Чаю воскресенія мертвыхъ.
12. И жизни будущаго вѣка. Аминь.

Символъ вѣры сложенъ на первомъ вселенскомъ Никейскомъ соборѣ, который былъ противъ Арія, отъ трехъ сотъ и осьмнатцати св. отцевъ, тамъ сошедшихся, Онъ въ восьмомъ членѣ дополненъ отъ втораго вселенскаго Константинопольскаго собора, а потомъ отъ всѣхъ послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ всею силою подтвержденъ и христіанству всему преданъ, какъ дорогое сокровище вѣры. Сей Символъ тѣмъ болѣе долженъ обстоятельно изъясненъ быть и отъ всякаго съ несомнительною вѣрою содержанъ, что въ немъ заключаются главнѣйшіе догматы вѣры и надежды христіанской; и если который изъ нихъ упрямо отвергаетъ—кто, тотъ бѣдствуетъ въ упованіи спасенія.

§ 9.

Что есть вѣра? Символъ начинается отъ вѣры, а вѣра есть сердечное принятіе Евангелія.

Основательно начинается Символъ отъ вѣры: ибо единая вѣра показываетъ человѣку способъ къ примиренію съ Богомъ; и „безъ вѣры не возможно угодити Богу“ (Евр., 11, 6). Подъ именемъ Евангелія, какъ уже и выше сказано, разумѣется радостнѣйшее ученіе о спасеніи человѣческаго рода чрезъ единороднаго Сына Божія, Ходатая нашего Іисуса Христа. Кто сіе ученіе принимаетъ съ кающимся сердцемъ, тотъ вѣруетъ,—какъ, напротивъ, кто оное отвергаетъ, тотъ полагается въ числѣ невѣрныхъ. А принятіе сего высокаго ученія потому называется вѣра, что мы до него не разсужденіемъ своимъ доходимъ, какъ о томъ объявлено въ самомъ началѣ сей части; но Самъ Богъ не посредственно чрезъ слово открываетъ намъ оное. Подтверждается то изъ слова Божія (Марк., 16, 15). „Шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари: иже вѣру имѣетъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣетъ вѣры, осужденъ будетъ“. Вотъ, здѣсь какъ вѣра поставляется въ принятіи Евангелія, такъ, напротивъ, невѣрствіе—въ отверженіи онаго. А чтобы принять Евангеліе, или истинно увѣровать, необходимо всякому человѣку надобно: 1), Признать свою предъ Богомъ бѣдность, что онъ находится подъ Его праведнымъ гнѣвомъ, и самъ чрезъ себя не можетъ оправдиться предъ судомъ Его; для сего бо и Предтеча Іоаннъ, Самъ Спаситель и апостолъ Петръ проповѣдь свою начинали симъ словомъ: „покайтеся“ (Мато., 3, 2; 4, 17). 2), за несомнительное принявъ ученіе пророческое и апостольское, крѣпко самого себя увѣрить, что, благовѣствуемый онымъ ученіемъ, Господь

Іисусъ Христосъ есть искупитель человѣческаго рода. И въ семъ наипаче состоитъ существо вѣры Евангельской, какъ о томъ наполнены свидѣтельствами наипаче посланія апостола Павла. „Правда Божія вѣрою Іисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ“ (Римл., 3, 22); и „мы во Христа Іисуса вѣровахомъ, да оправдимся отъ вѣры Христовы, а не отъ дѣлъ закона“ (Галат., 2, 16). Сія вѣра называется „вѣра оправдающая“, — для того, что чрезъ нее человѣкъ отъ Бога почитается за праведнаго, почитается же, по Павлому ученію (Римл., 11, 6), „безъ дѣлъ закона“. Ибо какъ можетъ человѣкъ въ оправданіи своемъ имѣть какія-нибудь дѣла, когда наче и оправдиться не можетъ, развѣ напередъ признаетъ быть себя повинна и гнѣва Божія достойна? Однако, оправдившись вѣрою, должно оную засвидѣтельствовать и свое оправданіе цѣло хранить соблюденіемъ святаго Божіяго закона: „вѣра бо“, по Павлову же ученію, „должна быть любовію поснѣшествуема“ (Гал., 5, 6). И такая вѣра называется „живая“: ибо искра нелицемѣрной сей вѣры возжигается всегдашнимъ успѣваніемъ въ добродѣтели. А если кто не признаетъ своей предъ Богомъ бѣдности, и не полагаетъ всю надежду спасенія въ Спасителѣ своемъ или недостойно христіанскаго званія живетъ,—того вѣра есть „мертва, лицемѣрная и суетная“. Изъ преждереченнаго видно, что вѣра занимаетъ и мысль человѣческую и сердце: „мысль“, ибо „плѣняетъ всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ (2 Кор., 10, 6); „сердце“: вѣрующій бо съ Павломъ долженъ говорить: „еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ“ (Гал., 2, 20). Вѣра, по высокому Павлову мудрствованію, въ сей токмо жизни есть, а въ будущей мѣста имѣть не будетъ: ибо тамъ „узримъ Бога лицемъ къ лицу“, и возсіяетъ полный свѣтъ славы Его, (1 Кор., 13, 12). Сіе изъясненіе о вѣрѣ надобно твердо памятовать: ибо на ономъ утверждается все христіанство.

§ 10.

О таинствѣ Святыя Троицы. Августѣйшая Евангельская вѣра, во первыхъ, научаетъ насъ, что Богъ единъ есть по существу, но въ трехъ лицахъ: Отецъ нерожденный,—Сынъ, отъ Отца предвѣчно и неизреченно раждаемый,—и Духъ Святый, отъ тогожде Отца непостижимо происходящій, единымъ нераздѣльнымъ поклоненіемъ и служеніемъ почитаемый и прославляемый.

Разумъ нашъ познаетъ, что есть Богъ, что есть единъ и прочія Его свойства; но и вѣра научаетъ насъ тому же: ибо вѣра не можетъ быть противна здравому разуму. Между познаніемъ, какое разумъ имѣетъ о Богѣ, и между познаніемъ вѣры есть то различіе, что оное

утверждается на доказательствахъ, какія разсужденіе наше находитъ въ союзѣ вещей; а сіе имѣетъ основаніе на истиннѣйшемъ Божіемъ словѣ. Познаніе вѣры есть совершеннѣйшее и удалено отъ всякаго сомнѣнія: ибо скорѣе всякое наияснѣйшее человѣческое разсужденіе можетъ обмануть насъ, нежели чтобы слово Божіе солгало когда. Здѣсь надлежало бы доказывать бытіе Божіе и пространное о свойствахъ Его имѣть разсужденіе; но о семъ уже довольно объявлено въ первой части съ самаго начала.

Святая вѣра открываетъ намъ высочайшую тайну Святѣйшія Троицы, то есть, что Богъ единый существомъ есть въ трехъ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый; однако не три Бога, но единъ Богъ, ибо едино существо. Отецъ есть Господъ, Сынъ есть Господь, Духъ Святый есть Господь; однако, не три Господа, но Единъ Господь: Отецъ Всемогущій, Сынъ Всемогущій и Духъ Святый Всемогущій. Однако, не три Всемогущіе, но единъ Всемогущій Богъ: вѣрую въ Бога Отца, вѣрую въ Бога Сына, вѣрую въ Бога Духа Святаго; однако, не три вѣры, но едина вѣра: служу Богу Отцу, служу Богу Сыну, служу Богу Духу Святому. Однако, не три служенія, но едино служеніе, едино почитаніе, едино поклоненіе, едино прославленіе Святыя Троицы. Отецъ есть ни созданъ, ни рожденъ; Сынъ есть не созданъ, но отъ Отца рожденъ; Духъ Святый ни созданъ, ни рожденъ, но отъ Отца исходящъ: предвѣчное есть рожденіе Сына Божія, предвѣчное есть исхожденіе и Духа Святаго. Не вмѣстителенъ уму нашему образъ рожденія Сына Божія, не вмѣстителенъ образъ и исхожденія Духа Святаго; но просто безъ испытанія вѣрую, покоряя себя съ глубочайшимъ благоговѣніемъ истинѣ Откровенія Божіяго. Сіе таинство есть изъ сокровеннѣйшихъ; однако, слово Божіе въ томъ наисильнѣйше увѣряетъ насъ. Крещаемся мы „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“ (Матѳ., 28, 19). При крещеніи Спасителевѣ Отецъ Небесный свидѣтельствовалъ объ единородномъ Сынѣ Своемъ, Который совершилъ на землѣ дѣло спасенія нашего; а Духъ Святый въ видѣ голубинѣ Егоже покрывалъ Своимъ осѣненіемъ (Матѳ., 3, 16, 17). Въ Евангеліи Іоанна пишется (15, 26): „Егда пріидетъ Утѣшитель, Его же Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ“. Но и въ прочихъ книгахъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ на многихъ мѣстахъ Сыну Божію и Святому Духу приписываются имя, честь, премудрость, сила и прочія свойства единому Богу пристойныя. Впрочемъ, не должно удивляться, что сія высокая тайна нашему слабому разуму не совсѣмъ понятна. Ибо понятіе наше ограничено столь тѣсными предѣлами, что должны съ Соломономъ прилнаться (Прем., 9, 16, 17), что „едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣ-

таемъ со трудомъ: а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? Волю же Твою, Боже, кто позна, аще бы не Ты далъ еси премудрость и послалъ еси Духа Святаго Твоего отъ высоты"? Однако, въ удовольствіе наше и къ успокоенію нашихъ мыслей Духъ Святый утѣшаетъ насъ тѣмъ, что обѣщаетъ нѣкогда въ блаженной жизни осіять умъ нашъ полнымъ и явственнѣйшимъ познаніемъ. Что теперь познаемъ темно и въ гаданіяхъ, тогда ясно и откровенно; и тогда возрадуемся, пріемля довольнѣйшее награжденіе за претерпѣніе нашей вѣры. „Нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ" (1 Кор., 13, 12). „Вѣмы, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, якоже есть" (1 Іоанн., 3, 2).

§ 11.

Сей, въ трехъ лицахъ покланяемый, Богъ создалъ міръ сей и всѣ содержимыя въ немъ вещи видимыя и невидимыя.

Ангелы суть добрые и злые. О созданіи міра и о прочихъ, до созданія надлежащихъ, обстоятельствахъ сказано прежде, въ первой части подъ § 6. Здѣсь только помянуть надобно о невидимыхъ вещахъ, ангелахъ. Ангели суть двоякіе, добрые и злые. „Добрые" всегда наслаждаются свѣтлымъ зрѣніемъ Бога, яко чистѣйшаго Духа. „Ангелы на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго" (Матѳ., 18, 10). Исполняютъ совершенно Его волю (Псал., 102, 21), и употребляемы бываютъ въ служеніе спасенія человѣческаго (Евр., 1, 14). „Не вси ли суть служебніи духи въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?" А „злые" ангелы—тѣ, которые, созданы будучи добрыми, своевольнымъ грѣхопаденіемъ свою началородную святость погубили, и изъ блаженнаго опровержены въ печальнѣйшее состояніе. „Ангелы не соблюдшія своего начальства, но оставльшія свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде Господь" (Іуд., 6). Послѣ чего, лишенные всей надежды, отраду себѣ окаянные находятъ въ прельщеніи человѣческаго рода, привлекая искушеніями своими въ ту же съ своею погибель, какъ то объявляетъ св. Петръ: „супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити" (1 посл. 5, 8). Сей родъ", по слову Христову, „ничимъ же изгонится, развѣ молитвою и постомъ".

§ 12.

О созданномъ отъ Себя мірѣ Господь Богъ промышляетъ и всѣ вещи управляетъ премудро.

О Промыслѣ Божіемъ также сказано уже въ первой части. А здѣсь повторяется для знанія, что и вѣра (которая есть основаніе Символа),

что касается до сихъ пунктовъ, изъ слова Божія научаетъ насъ тому жъ самому, до чего мы дойти можемъ разсужденіемъ здраваго разума. Въ подтвержденіе сего памятовать надобно Евангельскія слова: „не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ? и ни едина отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца нашего: вамъ же и власи главніи вси изочтени суть“ (Мато., 10, 29—30).

§ 13.

Какъ въ созданіи превосходной благости, такъ и по созданіи сподобился человѣкъ особеннаго Божіяго Промысла.

Благость, какую въ созданіи своемъ получилъ человѣкъ, состояла въ томъ, что св. книги называютъ „образомъ и подобіемъ Божіимъ“. Ибо не можетъ быть большее достоинство твари, какъ чтобъ удостоенной быть носить напечатанный въ себѣ образъ высочайшаго и неприступнаго Божества. Съ симъ бо образомъ соединенъ былъ въ человѣкѣ чистѣйшій свѣтъ въ разумѣ, непорочная святость въ волѣ, совершеннѣйшее между склонностями тѣлесными и душевными согласіе, ни чѣмъ не смущаемое спокойство, безсмертіе, владычество надъ тварями, и прочія богоподобныя дарованія, которыя дѣлали человѣка совершенно блаженнымъ. Въ семъ состояніи человѣкъ наслаждался чистымъ зрѣніемъ совершеннѣйшаго Божества; но и Богу Самому человѣкъ былъ любезнѣйшее созданіе. Сіе счастливое состояніе человѣческаго начала, кажется, самые язычники дознавали, и называли „златымъ вѣкомъ“. Св. Писаніе на многихъ мѣстахъ о томъ говоритъ, какъ то между прочимъ поется въ псалмѣ 8,—что наибольше Богъ величества и благости Своея оказалъ въ созданіи человѣка, котораго „умалилъ малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ его“.

Какого особеннаго сподобился Божіяго Промысла человѣкъ по созданіи своемъ, покажетъ то параграфъ слѣдующій.

§ 14.

Блаженный конецъ человѣка. Дѣло особеннаго Промысла было, что Богъ, создавши человѣка блаженнымъ, хотѣлъ, чтобы онъ въ томъ блаженномъ состояніи былъ всегда непремѣненъ; а для сего предписалъ ему заповѣдь, содержащую въ себѣ средство, какъ сохранить всегда ненарушимо оное первородное благополучіе.

Ни мало не сомнительно, что Богъ, создавши человѣка блаженнымъ, имѣлъ дѣйствительное хотѣніе, чтобы онъ въ блаженномъ состояніи пребывалъ вѣчно. Ибо доказываетъ то самое безсмертіе души нашей, кое требовало, чтобы и благополучіе, въ которомъ созданъ былъ человѣкъ, по намѣренію Божію было безсмертное. То же доказы-

ваютъ и тѣ слова (Быт., 2, 17), которыми грозилъ Богъ, что по преступленіи закона послѣдуютъ вся злая и самая смерть, слѣдовательно, благополучіе оное было бы безсмертное, ежели бы пресѣчено не было преслушаніемъ закона. Но кто бы то могъ и подумать, чтобы преблагій Богъ создалъ человѣка съ тѣмъ, дабы онъ чрезъ краткое время, повеселившись, лишился всего, да и самъ бы напослѣдокъ совсѣмъ изчезъ! А св. книги явственно говорятъ, „яко Богъ созда человѣка въ неистлѣніе“ (Прем. Сол., 2, 23), то есть, чтобы ему никогда не лишиться благополучія своего. Изъ сего заключается, что ежели бы человѣкъ, не прервалъ союзъ, которымъ тѣсно связанъ былъ съ Богомъ, то, сладчайшую на земли поживши жизнь, напослѣдокъ, какъ бы судьбами опредѣлено было, перенесенъ бы былъ на небо, дабы вѣчно наслаждаться Богомъ. На что мы примѣръ имѣемъ въ лицѣ Еноховомъ (Быт., 5, 24).

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, которыя оба существа имѣютъ свои склонности. Душа, какъ чистое духовное существо, стремится до того, что ей предписываетъ разумъ и единственное наслажденіе находитъ въ соединеніи чрезъ добродѣтель съ Богомъ. Но тѣлесныя склонности привязываютъ себя больше къ тому, что пріятно чувствамъ. Тѣлесныя склонности безгрѣшны и безвредны, ежели онѣ управляемы бываютъ разумомъ и не производятся въ дѣйство, развѣ поколику онѣ не препятствуютъ успѣху добродѣтели. Въ семъ согласіи склонностей тѣлесныхъ съ душевными состоитъ и хранится имъ благополучіе человѣческое: пока сіе согласіе пребываетъ ненарушимо, блаженство человѣческое остается въ своей цѣлости. Но когда склонности тѣлесныя преодолѣютъ силу разума, то сіе есть заблудить съ прямого пути,—и такой случай есть ударъ, которымъ храмина блаженства разрушается. Преодолѣвающія разумъ склонности называются „страсти“; и поелику онѣ приводятъ нашу душу въ худшее состояніе, называются „пороки“; а поелику ими преступается Божій законъ, называются „грѣхи“. До благополучія, въ которомъ созданъ былъ первый человѣкъ, особеннымъ образомъ надлежало то, что въ немъ было совершеннѣйшее согласіе склонностей тѣлесныхъ съ душевными, и разумъ надъ всѣмъ владычествовалъ. Всякъ видитъ, что первому человѣку, дабы не погубить своего блаженства, надобно было, яко разумной и свободной твари, всѣ силы употреблять—не попустить себѣ побѣдиму быть отъ склонностей чувствъ своихъ противъ закона разума. Иначе видимая опасность была, чтобы опроверженному быть въ печальнѣйшее несчастіе. Вотъ же преблагій Промыслитель, Богъ, и предписываетъ человѣку такія спасительныя предосторожности, какъ повѣствуетъ Богодухновенная исторія (Быт., 2). Онъ, создавши его, поселилъ на изо-

бильнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ мѣстѣ, какъ то и пристойно было превосходнѣйшему созданію рукъ Божіихъ. То мѣсто по неописанной веселости, по изобилію, по красотѣ древъ, по благораствореннѣйшемъ воздухѣ Св. Писаніе назвало „раемъ“ (Быт., 2, 8). Сія райская красота и веселость хотя была явственнымъ доказательствомъ благости Божіей, но, кромѣ намѣренія Божія, она могла быть случаемъ, чтобы какъ человѣкъ, прельстившись, не предпочелъ сію видимую тѣлесную красоту паче оной, которую чистый разумъ находитъ въ добродѣтели и въ Богѣ. Для предупрежденія сего вреднаго слѣдствія, по особенному промыслу о человѣкѣ, Богъ предостерегаетъ его, объявляя ему явственно, что Божественная Его воля есть, дабы онъ къ чувственнымъ вещамъ не прилѣплялся, въ предосужденіе разуму, и всегда бы предпочиталъ то, что приноситъ ему духовное услажденіе съ Богомъ. Сія, объявленная ему, Божія воля была закономъ и заповѣдью, изъ границъ которой, для благополучія своего, онъ выступать былъ не долженъ. Сія заповѣдь въ Св. Писаніи изображается сими словами: „отъ всякаго древа, еже въ рай, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него“ (Быт., 2, 16, 17). Чтобы сія заповѣдь въ человѣкѣ дѣйствительнѣе была, заблаговременно Богъ извѣщаетъ его, что, какъ скоро онъ явится преступникомъ заповѣди сей, то опровергнетъ все свое блаженство, впадетъ въ горестное состояніе, будетъ невольникомъ своихъ страстей, игралищемъ всѣхъ напастей; тѣло, многими трудами и болѣзнями изнурившись, напослѣдокъ, разорвавшись отъ души, истлѣетъ, а сама душа навсегда отъ Бога отвержена будетъ. Все сіе св. слово означаетъ сими словами: „а въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете“ (Быт., 2, 17). Вотъ, какое было происшествіе Промысла Божія, о благополучіи человѣческомъ пекущагося.

§ 15.

О преступленіи Божіей заповѣди. Данную Богомъ спасительную заповѣдь человѣкъ преступилъ, а чрезъ то опровергъ и погубилъ оное Богоподобное блаженство, въ которомъ созданъ былъ.

Спасительная предосторожность милосердаго Бога не получила желаемаго въ человѣкѣ успѣха. Склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума; пріятности, ласкающія чувствамъ, опровергли здравое разсужденіе; а красота и услажденіе тѣлесное предпочтено услажденію духовному и Божественному. Вотъ же какимъ образомъ случилось смертоносное сіе для человѣческаго рода пораженіе, какъ въ томъ насъ увѣряетъ Божественное Писаніе (Быт., 3). Рай, изобилующій всѣми красотами, имѣлъ въ себѣ все то, что чувства человѣческія поразить можетъ. Но болѣе всего прельщала человѣка красота и сладость того древа, ко-

торое и закономъ Божіимъ запрещено было и разумомъ не дозволяемо: ибо чрезъ то, какъ сказано, услажденіе чувственное предпочтено бы было услажденію духовному, то есть, блаженному исполненію Божіей заповѣди. Ева, яко слабѣйшая, на сіе прелестное, но пагубное, предпріятіе покусилась первая; а паипаче когда искуситель (котораго св. слово даетъ намъ знать подъ именемъ хитрѣйшаго змія (Быт., 3, 1) хитростно протолковалъ ей, что не только изъ того не можетъ произойти никакихъ опасныхъ слѣдствій, но, напротивъ, получатъ гораздо совершеннѣйшее состояніе: „будете яко бози“ (Быт., 3, 5). Сіе преступленіе жены было вредительнымъ примѣромъ и для самого Адама, который со всѣми своими превосходнѣйшими душевными дарованіями покорился прелестямъ чувственнымъ. Сказано, что благополучіе человѣческое не иначе было бы ненарушимо, развѣ если бы разумъ всегда владычествовалъ въ человѣкѣ; но, вотъ, сверженъ съ своего престола сей верховный правитель человѣческихъ поступковъ; а вмѣсто того воцарились склонности плотскія, и сдѣлали разумъ своимъ рабомъ и плѣнникомъ слѣдствія. Такого страшнаго превращенія не могли быть иныя, развѣ смертоносныя.

Слѣдствія преступленія. Послѣ какъ человѣкъ преслушалъ разумъ и преступилъ заповѣдь, изъ благополучнаго впалъ въ горестное состояніе. Ибо сила разума стала преодолѣнна и свѣтъ его потемненъ; святость воли опорочена, спокойство души нарушено, отворилась дверь страстямъ, всегда разуму противящимся,—и человѣкъ самъ сдѣлался плачевнымъ театромъ сей внутренней войны; вмѣстѣ со страстями взошли пороки, а пороки причиною были различныхъ напастей и болѣзней: болѣзни приводятъ тѣло въ слабость, а скорби и напасти и совсѣмъ сокрушаютъ. Такъ, вотъ, и послѣдовала „тѣлесная смерть“, которою Богъ грозилъ за преступленіе. Но сія тѣлесная смерть привлекала за собою жесточайшую „смерть духовную“, которая состоитъ въ томъ, чтобы отвержену быть отъ Бога: ибо союзъ, которымъ человѣкъ связанъ былъ съ Богомъ, то есть, ничѣмъ не помраченная свѣтлость разума и безпорочная святость воли,—чрезъ оное же преступленіе разорванъ былъ. Такое состояніе Св. Писаніе на разныхъ мѣстахъ называетъ состояніемъ паденія, состояніемъ грѣха, плоти, несчастія, тьмы, невѣдѣнія, рабства и состояніемъ смерти. При семъ случаѣ грѣхопаденія человѣческаго отъ Бога „проклята и земля“ (Быт., 3, 17), то есть, подвержена стала несчастію, а несчастіе сіе состояло въ томъ, что земля уже съ того времени, чрезъ лѣность и нерадѣніе человѣческое не могла украшаться такимъ изобиліемъ, какое въ созданіи своемъ получила,—и что ея всѣ, впрочемъ, добрыя вещи на зло употреблять станетъ безразсудность или злость человѣческая.

§ 16.

О слѣдствіяхъ первоначальнаго грѣха. Чрезъ оное преступленіе отворилась дверь ко грѣху, который, заразивши весь человѣческій родъ, привелъ его въ послѣднѣйшую бѣдность.

Въ первой части, подъ § 14, показано, какому превращенію человѣческій родъ подверженъ былъ; но начала и источника, откуда все сіе зло произошло, не видали. Теперь видимъ мы всему тому начало, ибо Священное Писаніе, извѣщая насъ о благополучіи, въ которомъ созданъ первый человѣкъ, не молчитъ и о томъ, какъ сіе блаженство потеряно, и сія гибель сдѣлалась смертоносною для всѣхъ человѣковъ. Ясно и сильно подтверждаетъ то св. ап. Павелъ (Римл., 5, 12): „Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша“. Самое язычество, сколь ни было оно потемнено, не можетъ не признать общаго человѣческаго поврежденія; но одно христіанство имѣетъ особенное преимущество въ томъ, что показываетъ и самый источникъ, изъ котораго проистекъ сей потокъ беззаконія.

Современемъ усиливался грѣхъ. Первый человѣкъ хотя и сталъ подверженъ грѣху, однако, въ немъ сила грѣховная свирѣпствовала еще не столько, сколько въ его потомствѣ: ибо свѣтъ первосозданный еще нѣсколько въ немъ сіялъ, и добрая склонность сердца первымъ тѣмъ ударомъ не со всѣмъ опровержена была. Но, чѣмъ далѣе продолжалось время, и чѣмъ болѣе умножалось число людей, тѣмъ болѣе усиливался грѣхъ и возрастала неправда. Вотъ, въ скоромъ времени послѣ паденія Каинъ въ крови роднаго своего и неповиннаго брата Авеля омочилъ свои руки (Быт., 4, 8); а чрезъ нѣсколько вѣковъ, по увѣренію Св. Писанія, беззаконіе столь умножилось, что „наполнися вся земля неправды“, и что „растли всяка плоть путь свой на земли“ (Быт., 6, 11—12)...

Божественный апостолъ Павелъ, согласно съ симъ разсуждая, еще и исчисляетъ (Римл., 1, 18) самыя безмѣстныя и срамнѣйшія дѣла, въ которыхъ погружалъ себя родъ человѣческій. Кратко сказать, въ сей, по образу Божію созданной, твари не можно было усмотрѣть и слѣдовъ образа Божьяго, а нѣкоторый страшный мракъ, коимъ потемнившись, она блуждала по стезямъ непроходимымъ, послѣдуя однѣмъ своимъ непристойнымъ склонностямъ. Кажется, нѣтъ нужды присемъ изъяснять, сколь бѣдное и горестное есть такое состояніе человѣка. Ибо потемнить свѣтъ разума, удалиться отъ добродѣтели, слѣдовательно, удалиться отъ Бога, отъ онаго величайшаго добра,—есть такое несчастіе, больше коего мысль человѣческая представить себѣ не можетъ.

§ 17.

Въ такомъ состояніи разсуждаемый, человѣкъ подпадалъ всей строгости гнѣва Божія.

Никто не смѣетъ сказать, чтобы Богъ могъ любить равно какъ праведнаго, такъ и нечестиваго: сіе бо съ Его совершеннѣйшею правдою и святостію никакимъ образомъ вмѣстимо быть не можетъ. Почему самая истина требуетъ, чтобы Богъ того, который есть упрямый и нераскаянный презритель Его святой воли, отвращался; а сіе Божіе отъ человѣка отвращеніе есть самое жесточайшее несчастіе, и наипаче, что за отвращеніемъ симъ неотмѣнно послѣдовать должно все злое. О семъ такъ говоритъ Св. Писаніе (Римл., 2, 9): „ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“.

§ 18.

Человѣкъ самъ себя спасти не силенъ былъ. Изъ сей крайнѣйшей бѣдности родъ человѣческій самъ чрезъ себя избавиться никакой надежды имѣть не могъ.

Мертвый не можетъ самъ себя воскресить, такъ, какъ и впадшій въ преглубокую яму—безъ помощи другаго оттуда выйти. Но человѣкъ, по Павлу (Ефес., 2, 5), былъ „мертвъ грѣхами“; а по уподобленію Христову (Матѳ., 12, 11), „вверженъ былъ въ яму несчастія“,—почему не было ему возможности изъ сей погибели избавиться. Доказано прежде, въ 1-й части подъ § 18, что, по нашему понятію, могли бы служить два средства къ полученію Божіяго милосердія, а именно, „дѣлать добро и покаяніе“. Сіи средства хотя, повидимому, и по человѣческому разсужденію, кажется, должны бы быть дѣйствительными, но, совершеннѣе разбирая ихъ и прележнѣе вникая въ самую внутренность Божественнаго Писанія, мы находимъ оныя средства не сильными. Ибо, что касается перваго, чтобы „дѣлать добро“, то надобно для сего человѣку быть безпорочнымъ исполнителемъ закона Божія и никакого грѣха никогда не быть причастну. Но кто изъ человѣкъ такою святостію похвалиться можетъ при томъ поврежденіи человѣческаго естества, какое нами прежде описано? Я здѣсь не говорю о человѣкѣ, обращенномъ ко Христу, но о пребывающемъ въ невѣрствіи. Что же надлежитъ до „покаянія“, то оно въ человѣкѣ растлѣнномъ и неотрожденномъ не можетъ быть истинное: ибо, до конца жизни продолжаемыя, грѣховныя дѣла дѣлаютъ оное безсильнымъ и недѣйствительнымъ, и предыдущеее покаяніе въ тотъ же часъ опорочивается послѣдующими преступленіями. Не разумѣю я покаяніе Евангельское и христіанское: оно—иного рода; и почему оно есть сильно, скоро

узнаемъ. Да не подумаетъ кто, что Богъ, будучи милосердія неисчерпаемаго, или паче самое милосердіе, не смотря на оные человѣческіе недостатки и грѣхопаденія, по единой благости простилъ бы и удостоилъ бы его быть причастнымъ блаженной Своей славы. Но такое разсужденіе есть низкое и погрѣшительное: оно дѣлаетъ милосердіе Божіе слѣпымъ, оно изображаетъ себѣ Бога, не имѣющаго вѣчной и ничѣмъ не нарушаемой правды, оно заставляетъ Его почитать заодно праведника и нечестиваго,—что о Божествѣ и подумать страшно. Такъ какимъ же образомъ, спроситъ кто, человѣкъ спастись можетъ?—такимъ, который бы, по изобрѣтенію Божіей премудрости, соединялъ въ дѣлѣ спасенія нашего милосердіе Божіей съ полнымъ удовлетвореніемъ правосудію Его. А какой, именно, сей способъ, непосредственно то намъ откроетъ слово Божіе.

§ 19.

Для спасенія человѣческаго Богъ Самъ воплощается. Столь повиннаго человѣка Богъ праведно могъ бы осудить на вѣчное наказаніе; но, будучи подвиженъ неизглаголаннымъ милосердіемъ Своимъ и совѣтомъ безконечной Своей премудрости, послалъ ему Избавителя, единороднаго Сына Своего.

Повинность всегда за собою влечетъ наказаніе. Почему не только не противно было Божіему правосудію, но еще неотмѣнно требовало того, чтобы человѣкъ, какъ вольный преступникъ и презритель закона, на вѣки отъ Бога отверженъ былъ, ежели бы многоразличная Премудрость Божія не изобрѣла, какъ милосердіе излить на бѣдное сіе созданіе, не нарушая притомъ Его справедливости. Св. Писаніе вездѣ проповѣдуетъ Божію правду: „Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинулся есть“ (Псал., 93, 1); „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь“ (Римл., 12, 19).

Извѣстно, что Самъ Богъ чрезъ прор. Исаію говоритъ (49, 15): „Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь“. Любовь и милосердіе Божіе ко всякой твари, по превосходству же къ человѣку, есть большее, нежели сколько мысль наша понять можетъ. Какъ же бы такая, всякъ умъ превосходящая, благость могла стерпѣть погибнуть человѣку, превосходнѣйшей, то-есть, тварн, которая, по намѣренію Божію, создана для вѣчнаго благополучія? Да опять же правда Божія, будучи въ немъ не меньше дѣйствительна, какъ и милосердіе, ни мало не могла быть нарушена. Такъ ежели гдѣ, здѣсь по истинѣ, надобно употребить Евангельское оное слово: „Невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога“ (Лук., 18, 27). Оть

*

премудрости Божіей что утаиться можетъ? Ей и сокровеннѣйшіе всѣ способы открыты явственно. Видѣла она, что со стороны человѣческой нѣтъ способа ко спасенію, ибо всѣ до единаго человѣка сами того требовали. Ангелъ не имѣлъ въ себѣ столько силы, чтобы отправить сію величайшую должность, требующую безконечнаго могущества. Другаго кого не оставалось, кромѣ Самого Бога. Такъ, вотъ же, въ сокровеннѣйшемъ и, даже ангельскими мыслями, не испытуемомъ совѣтѣ Святѣйшія Троицы опредѣляется, дабы Самъ Сынъ на Себя воспріялъ августѣйшую сію должность, чтобы быть Избавителемъ человѣческаго рода. Міръ никогда не можетъ ожидать великолѣпнѣйшаго, удивительнѣйшаго и милосерднѣйшаго Божьяго дѣйствія, какъ есть посольство Сына Божія на землю. Божественный Павелъ усматриваетъ въ немъ несказанную премудрость, и такъ вопіетъ: „О, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани суды Его и неизслѣдовани путіе Его“ (Римл., 11, 33). А св. Іоаннъ Богословъ удивляется въ томъ непостижимой Божіей любви, и такъ взываетъ: „Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть“ (Іоан., 3, 16). Какимъ же образомъ сей Божественный Ходатай удовлетворилъ и Божіему правосудію, и привлекъ на насъ милосердіе Его,—тому скоро научитъ насъ Божіе слово.

§ 20.

О таинствѣ воплощенія Сына Божія. Единородный Сынъ Божій сошелъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и, будучи истинный и совершенный Богъ, сталъ истинный и совершенный человѣкъ, Богочеловѣкъ, Господь Іисусъ Христосъ.

Богъ, Который есть вездѣ, съ одного мѣста на другое переходитъ не можетъ. Посему сошествіе съ небесъ Сына Божія не есть перемѣненіе мѣста, но благоволеніе воспріятія на Себя человѣчества, въ которомъ Онъ, будучи по Божеству невидимый, „на земли явися и съ человѣки поживе“ (Варух., 3, 18). Сошедши на землю, Онъ принялъ плоть во утробѣ Преблагословенныя Дѣвы Маріи, непорочно сохранивъ Ея дѣвство. И сіе воплощеніе было таинственное и несказанное: ибо оно совершилось всемогущимъ дѣйствіемъ Святаго Духа, образъ дѣйствія Котораго Ему Самому токмо извѣстенъ; а мы въ томъ увѣряемся несомнительнымъ Божіимъ словомъ, которое сказалъ Ангелъ къ Дѣвѣ. „Духъ святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя“ (Лук., 1, 35). И симъ зачатіемъ во утробѣ дѣвической исполнилось славное оное Исаіино пророчество: „Се, Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ“ (Ис., 7, 14). Зачатіе Сына Божія было чрезъестественно и безпорочно: ибо истина самая требовала, дабы Тотъ, Который пришелъ очистить грѣхи всего міра, былъ Самъ отлученъ отъ грѣш-

никъ (Евр., 7, 26). Надобно было Сыну Божію стать человѣкомъ, 1) Чтобы Отецъ Небесный поступилъ съ Нимъ, яко ходатаемъ и споручникомъ нашимъ въ дѣлѣ искупленія, не иначе, развѣ какъ бы то самъ былъ человѣкъ грѣшникъ, образъ котораго принялъ Онъ на Себя; а сіе невозможно было, не принявъ на себя человѣчества. „Невѣдѣвшаго грѣха“, пишется, по „насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ“ (2 Кор., 5, 21). 2) Дабы видимымъ съ нами обращеніемъ удобнѣе привлечь насъ къ Себѣ и предъ самыя наши чувства представить волю Небеснаго Отца и путь спасенія. Сіе означаетъ Самъ Спаситель: „Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ“ (Іоанн., 15, 15). 3) Чтобъ законъ совершенно исполнить, а тѣмъ не токмо прикрыть наше неисполненіе закона, но и вмѣсто правила всѣхъ нашихъ дѣйствій оставить намъ Свою святѣйшую жизнь, которой мы должны послѣдовать для спасенія своего, что также не могло быть безъ пріятія образа человѣческаго. О семъ такъ учитъ Св. Писаніе: „посла Богъ Сына Своего единороднаго, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ“ (Гал., 4. 4—5). 4) Чтобъ могъ умереть и, смертію Своею удовлетворивъ правосудію Божію, избавить насъ отъ заслуженнаго нами наказанія и снискать вѣчную жизнь, по оному: „понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и Той пріискреннѣ пріобщися тѣхъ же, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ“ (Евр., 2, 14—15). Сіи суть главнѣйшія причины воплощенія Сына Божія. Воплощеніе сіе случилось по прошествіи нѣсколько вѣковъ послѣ паденія перваго человѣка. Не соблаговолилъ Божественный Ходатай нашъ тотчасъ по паденіи явиться во плоти на земли, но сперва предуготовилъ Себѣ путь чрезъ законъ естественный и письменный, чрезъ пророковъ, чрезъ различныя наказанія беззаконниковъ, чрезъ щедрыя награжденія праведныхъ, а большія еще обѣщанія; но какъ, со всѣмъ тѣмъ, человѣческій родъ клонился къ паденію своему, и зло грѣховное разливалось по всей вселенной, и не оставалось никакой надежды ко спасенію, какъ только съ стороны Божіей,—тогда уже, по исполненіи опредѣленнаго тайнымъ совѣтомъ Божіимъ времени, „многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ“ (Евр., 1, 1—2). Сіе, по нѣсколькихъ вѣкахъ случившееся, Спасителево пришествіе не сдѣлало ни малаго вреда во спасеніи избраннымъ и святымъ Божіимъ, кои жили прежде пришествія Его. Ибо, какъ мы вѣруемъ въ пришедшаго, такъ они вѣровали въ будущаго Избавителя: ихъ вѣра по существу своему отъ нашей не раз-

личествовала. „Въ вѣрѣ свидѣтельствовани быша вси древніи“ (Евр., 11, 2); и „Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки“ (Евр., 13, 8). И для того св. Павелъ Авраама не только называетъ вѣрующимъ, но и представляетъ въ примѣръ всѣмъ тѣмъ, кои хотятъ оправдаться вѣрою (Римл., 4, 16).

Іисусъ Христосъ есть едино лице въ двухъ естествахъ. Въ воплощеніи Сына Божія удивительнѣйшимъ и неизглаголаннымъ образомъ соединилось человѣческое естество съ Божественнымъ; а изъ соединенія сихъ двухъ естествъ составилось едино Божественное лице или особа, „Богочеловѣкъ“, Христосъ. Ибо не два, но единъ Христосъ, той же Сынъ Божій и Сынъ Маріинъ, когда сталъ быть человѣкомъ, не пересталъ быть Богомъ, пребываетъ истинный Богъ и истинный человѣкъ. Хотя во единомъ Христѣ два естества и соединились, но не смѣшались, и воли, хотѣнія и дѣйствія обоихъ естествъ остались цѣлы и несліянны. Посему, когда въ Св. Писаніи слышимъ, что Христосъ о Себѣ говоритъ, что часа послѣдняго дня не знаетъ (Марк., 13, 38),—что Отецъ больше Его (Іоанн., 14, 28),—что Онъ молитвы приносилъ къ могущему спасти Его отъ смерти (Евр., 5. 7),—что пострадалъ и умеръ,—сіе и подобное до человѣчества Его, а не до Божества, относить надобно. Что Христосъ есть истинный человѣкъ,—о томъ ясно пишется: „понеже дѣти пріобщишася плоти и крови, и Той пріискренне пріобщися тѣхъ же“ (Евр., 2, 14). А о Божествѣ Его, между прочимъ, свидѣтельствуетъ святый Павелъ: „Отъ нихъ Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь“ (Римл., 9, 5); и: „велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти“ (1 Тим., 3, 16). Съ самаго времени воплощенія Сына Божія начало Ему приличествовать сіе августѣйшее имя—„Христосъ“ или „Мессіа“; оба сіи имени значатъ одно, то есть, помазанника. Въ Ветхомъ Завѣтѣ помазаны были цари, священники и пророки. Сіе помазаніе, во-первыхъ, означало избраніе Божіе; второе, чрезъ оное, яко чрезъ видимое знаменіе, подаваемы были помазуемымъ духовныя силы къ достойному прохожденію должности. Сынъ Божій, принявъ плоть, принялъ на Себя всѣ сіи должности, и сталъ купно нашъ Царь, всемогущею силою Своею управляющій Церковь и отъ враговъ ее защищающій,—по оному: „дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки и царствію Его не будетъ конца“ (Лук., 1, 32). Священникъ, жертвою смерти Своея за насъ умилостивляющій Бога, по оному: „Ты еси Священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову“ (Евр., 5, 6). И Пророкъ, волю Божію намъ открывающій, по оному: „Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене. Того послушайте по всему, елика аще речетъ вамъ“ (Дѣян., 3, 22). На сіи должности

помазанъ Сынъ Божій; помазанъ же не вещественнымъ муромъ, но Самимъ Духомъ Святымъ, какъ то Онъ Самъ о Себѣ засвидѣтельствовалъ: „Духъ Господень на Мнѣ: егоже ради помаза Мя“ (Лук., 4, 18). И для сего-то называется Онъ „Христосъ“; отъ сего имени вѣрующіе въ Него называются „христіане“. Принялъ еще Спаситель, по рожденіи Своемъ и обрѣзаніи, другое имя „Іисусъ“, которое значитъ Спаситель, по толкованію самого Ангела (Мато., 1, 21).

§ 21.

О дѣлахъ Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ жизнь Свою препроводилъ въ совершеннѣйшемъ исполненіи закона, преславными чудесами доказалъ Божество Свое, и подробно изъяснилъ волю Небеснаго Отца

Спаситель нашъ, начавъ Свою жизнь отъ гоненія, воспитываемъ былъ отъ Своей блаженныя Матери и, приходя въ возрастъ, „крѣпляшеся Духомъ, исполняяся премудрости: и благодать Божія бѣ на Немъ“. (Лук., 2, 40). Будучи двунадесяти лѣтъ, премудрыми вопросами посрамлялъ знатнѣйшихъ іудейскихъ законоучителей, такъ что всѣ слушающіе были въ нѣкоторомъ восторгѣ отъ удивленія о Его разумѣ (Лук., 2, 46). Около тридесяти лѣтъ благоволилъ принять крещеніе отъ руки Іоанна, величайшаго изъ пророковъ, не для того, аки бы Онъ для Себя имѣлъ нужду въ крещеніи, будучи безгрѣшенъ, но чтобъ Своею святѣйшею особою освятить для насъ сію духовную баню, которую Онъ предопредѣлилъ для омытія грѣховъ нашихъ, и чтобъ Своимъ дѣйствительнѣйшимъ примѣромъ показать надобность для насъ того крещенія. Послѣ сего важнаго дѣйствія отворился весь источникъ Его Божественной премудрости. Онъ открылъ Свою небесную философію и чистѣйшее ученіе, какого родъ человѣческій никогда ни отъ кого слышать не могъ. Показалъ, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое блаженство, и оное поставилъ въ нищетѣ духовной, въ слезахъ и смиреніи, въ кротости и милости, въ гоненіи и поношеніи, что со всѣмъ противно было мудрствованіямъ вѣка сего. Изъяснилъ понятіе о добродѣтели и порокѣ, и повелѣлъ искать ихъ подлинности не въ наружныхъ дѣлахъ, но въ самыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ внутреннихъ. Протолковалъ, какая противность—между Богомъ и міромъ, между истиною и лжою, между добромъ и зломъ; опровергъ богомерзкія суевѣрства и лицемѣрія; обличилъ человѣческій родъ въ жестокосердіи, въ невѣріи и въ безмѣстнѣйшихъ заблужденіяхъ; наставилъ на путь, какимъ мы можемъ дойти до милосердія Божія, увѣрилъ о несказанныхъ благахъ будущей жизни, и объявилъ, что Онъ есть посланный для избавленія міра Спаситель, Все сіе ученіе, само чрезъ себя всякаго пріятія достойное. подтвердилъ преславными чудесами, исцѣляя отчаянно больныхъ, про-

свѣщая слѣпыхъ, изгоняя бѣсовъ и воскрешая мертвыхъ, которыя ясно открывали Его Божество,—такъ, что всѣ послѣдующіе Ему народы съ удивленіемъ несказаннымъ говорили, „яко николиже явися тако во Израили“ (Мато., 9, 33). Притомъ, учительство Его было тѣмъ дѣйствительнѣе, что Его всѣ дѣла и вся жизнь была чистѣйшимъ зерцаломъ всякой добродѣтели: „ибо Онъ грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его“ (1 Петр., 2, 22). А чрезъ сіе Онъ совершенно исполнилъ должность Свою пророческую. Всѣ сіи спасительныя Христовы наставленія содержатся въ Евангеліи, которую Божественную книгу мы должны содержать за совершеннѣйшее правило вѣры и добродѣтели.

§ 22.

О крестной Христовой смерти. Подвигъ спасительной жизни Своея Христосъ окончилъ смертію, смертію же крестною.

О Божественномъ Ходатаѣ нашемъ пишетъ Его возлюбленный ученикъ (Іоан., 1, 11), что Онъ „во своя пріиде, и свои Его не пріяша“. Да и Самъ Онъ на ослѣпленіе человѣческое дѣлаетъ осудительное опредѣленіе за то, „яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тьму, неже свѣтъ, бѣша бо дѣла ихъ зла“ (Іоанн., 3, 19). Іудеи, предкамъ и потомству коихъ неоднократно обѣщанъ Мессія, Избазитель міра, столь были увѣрены чрезъ явственнѣйшія пророчества о Его пришествіи, что никто изъ нихъ о томъ сумниться не могъ: ибо они, хотя тщетно, и донынѣ еще Его ожидаютъ. Сіи іудеи, кои всегда проображали Его въ жертвахъ своихъ, представляли во всѣхъ священныхъ обрядахъ и тайнахъ, которымъ притомъ пророки заблаговременно объявили яснѣйшіе знаки сего спасительнаго пришествія, кои ктому жъ могли быть извѣстны и о самомъ томъ времени, когда Ему явиться надобно,—сіи, говорю, іудеи паче чаянія, въ противность Божія къ нимъ благоволенія, по неслыханному нѣкоторому ожесточенію и ослѣпленію, Его пришедшаго не познали, не приняли, почли за льстеца и гнали даже до смерти,—смерти столь спасительной всему міру. Причиною сего нечаяннаго, но ужаснаго случая, было неизвиняемое ослѣпленіе однихъ, злобное ожесточеніе другихъ. Но между тѣмъ какъ они искали Его убить,—не вѣдая и не хотя, исполняли предвѣчное Божіе опредѣленіе, чтобъ Сыну Божію умереть за родъ человѣческій; а чрезъ то безъ всякой ихъ пользы пріуготовлялось неоцѣненное всему міру сокровище. Напослѣдокъ просьбами своими, оклеветаніями и угроженіями склонили Понтійскаго Пилата, бывшаго тогда надъ ними Римскаго правителя, чтобъ онъ неповиннаго Іисуса осудилъ на безчестнѣйшую крестную смерть, которое опредѣленіе въ тотъ же день и исполнилось. Ходатай Бога и человѣковъ, по принесеніи Небесному Отцу самыхъ горячихъ молитвъ, которыми Ему вручалъ вѣрующихъ, по претерпѣніи всякихъ поруга-

ній и по изліяніи всея крове, вознесенъ на крестъ и пригвожденъ на немъ. Сего не довольно было злости человѣческой: она копіемъ прободаетъ уже Его ребра умершаго. Но, вотъ, странное чудо! Изъ той животворной раны проистекла кровь и вода, во образъ двухъ, отъ Него уставленныхъ, таинствъ—крещенія и причащенія. По послѣднемъ издыханіи сдѣлалась въ естествѣ ужасная и чрезвычайная перемѣна: солнце и луна померкли, земля потряслась, многіе мертвые возстали, да и завѣса храма разодралась,—чѣмъ ясно объявленъ конецъ какъ самому храму, такъ и всему его священнослуженію. Христосъ, на крестѣ вися, произнесъ одно послѣднее, таинствами исполненное, слово: „Совершишася“ (Іоанн., 19, 30); а чрезъ сіе далъ знать, что окончились всѣ ветхозаконныя жертвы, тайны, обряды, пророчества; да и самъ законъ получилъ конецъ: „кончина бо закона Христосъ“ (Римл., 10, 4). Господь нашъ благоволилъ умереть смертію крестною, въ чемъ св. Павелъ находитъ великую тайну. Повѣшенныхъ на крестахъ законъ велѣлъ почитать за проклятыхъ (Второз., 21, 23). Мы за свои грѣхи подлежали сему проклятію; а какъ Богъ Аврааму обѣщалъ подать Свое благословеніе всѣмъ вѣрующимъ народамъ, то Сынъ Божій, распятый на крестѣ, принялъ сіе на Себя проклятіе, а чрезъ то заслужилъ намъ Авраамово благословеніе, какъ то богомудрствуетъ Апостолъ: „Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва: писано бо есть: проклятъ всякъ висяй на древѣ: да въ языцѣхъ благословеніе Аврааме будетъ о Христѣ Іисусѣ“ (Гал., 3, 13—14).

§ 23.

Смерть Христова есть истинная и единая жертва. Смерть Іисуса Христа есть истинная жертва, умилостивляющая намъ Бога, и спасающая вѣрующихъ въ Божественнаго Ходатая сего.

Объявлено выше неоднократно, что правда Божія, отвращающаяся грѣшника, не могла никакимъ образомъ нарушена быть, и что со стороны нашей не было столько силъ, дабы удовлетворить строгости сего Божіяго суда. Поелику, притомъ, и то извѣстно, что жертвы ветхозаконныя, состоящія въ приношеніи животныхъ, ни мало не были дѣйствительны къ умилостивленію Бога, то все сіе на Себя принялъ и совершилъ Сынъ Божій, Ходатай нашъ. Страданія Его, пролитіе крови и безчестную смерть Богъ такъ принялъ, какъ бы то страдалъ самъ грѣшникъ; и сіе наказаніе неповиннаго Спасителя вмѣнено намъ неиспытанными судьбами Божіими вмѣсто той вѣчной казни, которую мы заслужили. Такъ о томъ разсуждаетъ св. Павелъ: „Любы Божія обдержитъ насъ суждшихъ сіе: яко аще единъ за всѣхъ умре, то вси умроша“. „Не вѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори“ (то есть предалъ смерти, яко грѣшника), „да мы будемъ правда Божія о Немъ“

(2 Корино., 5, 14, 21); и: „Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ“ (Ис., 53, 5). Смерть убо Христова есть истинная жертва. Жертва, понеже Христосъ на крестномъ жертвенникѣ принесъ Самого Себя, будучи, яко агнецъ незлобивый, закланъ правосудіемъ Божіимъ и сожженъ огнемъ любви, которымъ пылалъ къ спасенію человѣческому; а чрезъ то сколь пріятное Богу Отцу было всесожженіе, столь странное зрѣлище. Была же сія жертва истинная: ибо всѣ прочія жертвы суть токмо нѣкія сѣни и проображенія сей; и едина она могла удовольствовать Божій судъ, заслужить намъ Его милосердіе, очистить грѣхи и возвратить намъ первое блаженство, какъ то свидѣтельствуетъ Божіе слово: „Христосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, сирѣчь, не сея тварн, ни кровію козлею ниже тельчею, но Своею Кровію, вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый. Аще бо кровь козляя и тельчая и пепелъ юнчій кропящій осквернены освящаетъ къ плотстѣй нечистотѣ: кольми паче Кровь Христова, иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ Богу живу и истинну“ (Евр., 9, 11—14). Жертвою сею окончились жертвы Ааронови или ветхозаконныя; и Христосъ сталъ Священникъ „единъ и вѣчный“: единъ, понеже другая жертва быть не можетъ; вѣчный, понеже, по слову Апостольскому (Евр., 7, 24—25), „какъ Онъ пребываетъ во вѣки, непреступное имать священство, тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ“. Сей великій Архіерей отъ Самого Бога названъ Священникомъ, да не по чину Ааронову, но по чину Мельхиседекову (Евр., 5, 10). А какая въ семъ наименованіи есть тайна,—для сего читать надобно приложенное на концѣ особливое о томъ разсужденіе. Въ сей-то, всякое удивленіе превосходящей, тайнѣ весьма ясно открылись сіи величайшій Божія свойства: милосердіе, правда и премудрость. Милосердіе, которое столь велико, что Сынъ Божій единородный, единосущный Отцу, за насъ, Божіихъ противниковъ, преданъ на смерть: можетъ ли быть большее милосердіе? Правда столь святая и ненарушимая, что не оставила безъ удовлетворенія совершеннѣйшаго вину нашу. Премудрость, которая изобрѣла столь удивительный способъ, что бы, не нарушивъ правду, излить на насъ весь источникъ благости. О, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Высокая тайна сія іудеемъ есть соблазнъ, еллиномъ же безуміе, а спасаемымъ намъ есть Божія сила и Божія премудрость; и мы, съ Павломъ, „ни о чемъ такъ хвалиться не должны, какъ о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа“ (Гал., 6, 14).

Плодъ сей смерти есть все то, что мы ожидать можемъ отъ Божіей благости: „Аще бо Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ“ (Римл., 8, 32)? Итакъ, понеже смерть Христова обязываетъ Небеснаго Отца, дабы вѣрующихъ въ Сына Его удостоивать всякаго милосердія и любви, такъ какъ и самихъ вѣрующихъ одолжаетъ она же быть предъ Богомъ всегда благодарными и Ему всевозможнымъ образомъ угождать: то въ семъ взаимномъ обязательствѣ состоитъ Новый завѣтъ, который основанъ на Христовой крови, какъ пишетъ Матѳей: „Сія есть кровь Моя Новаго завѣта“ (26, 28).

Подлинно, что „Христосъ за всѣхъ умре“ (2 Кор., 5, 15). И нѣтъ столь великаго грѣшника, котораго бы благодать Его сама по себѣ спасти не могла. Но чтобы сія сила благодати Его въ насъ дѣйствительна была,—надобна вѣра, то есть, должно, дабы мы Іисуса Христа сердечно признали за своего Спасителя и несомнительно самихъ себя увѣрили бы, что чрезъ Него единаго можемъ мы быть достойными милосердія Божія. Безъ сего всесильныя заслуги Христовы лишаются успѣха желаемаго своего; и человѣку спастись нельзя, какъ то явственно о томъ вездѣ слово Божіе говоритъ. „Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“; „Вѣруяй въ Него нѣсть осужденъ, а не вѣруяй уже осужденъ есть“ (Іоанн., 3, 16—18). Когда же почитаемъ вѣру за надобную для спасенія, разумѣемъ вѣру нелицемѣрную, сердечную и живую, то есть, которая „любовію поспѣшествуема бываетъ“ (Гал., 5, 6).

§ 24.

О воскресеніи Христовомъ и вознесеніи. Умершій Спаситель погребенъ; но въ третій день Онъ воскресъ, а потомъ вознесся на небо.

Погребеніе Спасителево есть доказательство, что Онъ истинно умеръ; но жилище смерти въ себѣ Его удержать не могло, какъ то о Немъ сказываетъ св. Петръ: „Его же Богъ воскресн, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти Ему отъ нея“ (Дѣян., 2, 24). Будучи погребенъ въ пятокъ, опочивалъ во гробѣ субботу, а въ третій день воскресъ, такъ, какъ Онъ Самъ неоднократно о томъ предрекъ; да и Писаніе то же самое давно предвозвѣстило. Ибо пророки, предвидѣвъ духомъ сію побѣду Іисуса Христа надъ смертію и адомъ, заблаговременно пѣли сію торжественную пѣснь: „Гдѣ ти смерте, жало? гдѣ, аде, побѣда“ (Осіи, 13, 16)? Что Христосъ воскресъ,—чрезъ то совершенно увѣрилъ насъ, что Онъ побѣдилъ смерть, что Онъ есть истинный, посланный намъ отъ Бога, Спаситель, и что наше на Него упованіе есть твердо и несомнительно. Такъ Апостолъ о

Нѣмъ пишетъ: „Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша и воста за оправданіе наше“ (Римл., 4, в5). На семъ воскресеніи утверждается надежда и нашего воскрешенія: „Аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ“ (1 Солун., 4, 14). Іисусъ Христосъ по воскресеніи Своемъ явился апостоламъ и многимъ другимъ, и несомнительными знаменіями увѣрилъ ихъ, что Онъ воскресъ истинно. Потомъ, давъ имъ спасительное наставленіе, касающееся до великой должности ихъ апостольства, объявивши, что имъ скоро отворится путь во всю вселенную къ проповѣданію Евангелія во всѣхъ народахъ, и обѣщавъ послать имъ Святаго Духа, имѣющаго наставить на всяку истину,—вознесся на небо при ихъ очахъ въ четыредесятый отъ воскресенія Своего день, и сѣлъ одесную Бога и Отца. Сіе сидѣніе есть воспріятіе Божественныя власти и славы, которая хотя Ему всегда, съ самой вѣчности, свойственна; но на земли предъ людьми скрыта была подъ покровомъ человѣчества (Іоан., 17, 5).

§ 25.

О второмъ Христовѣ пришествіи. Онъ же паки пріидетъ судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца.

Было пришествіе первое, будетъ же и второе: первое было смиренное, второе славное; первое—милостивое, второе будетъ страшное: ибо въ первомъ Сынъ Человѣческій пришелъ спасти міръ, во второмъ пріидетъ судити міръ. Такъ о семъ самая предвѣчная Истина засвидѣтельствовала: „Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій въ славѣ Своей и ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы“ (Матѳ., 25, 31—32). Вина сего пришествія Христова есть исполненіе ненарушимой правды Божіей, чтобы „воздать комуждо по дѣломъ его“, а тѣмъ самымъ совершенно докончить дѣло спасенія нашего: ибо блаженство, смертію Христовою сысканное и истинными христіанами ожидаемое, хранится не на земли, но на небеси. „Праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами, во откровеніи Господа Іисуса съ небесе, со ангелы силы Своея“ (2 Сол., 1, 6—7). Слѣдовательно, сей судъ страшенъ будетъ токмо невѣрнымъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ, а вѣрнымъ и въ благочестіи до смерти пребывшимъ желателенъ и радостенъ. Тѣ востренещутъ, чувствуя изливаемую на нихъ чашу ярости гнѣва Божія; а сіи возвеселятся, пріемля несказанное награжденіе за подвигъ вѣры и соединяясь со Христомъ, Котораго любовію чрезъ всю свою жизнь горѣли.

Какимъ же образомъ будетъ пришествіе страшнаго и нелицепріятнаго суда? Будетъ нечаянное: внезапу земля потрясется, солнце и луна померкнетъ, звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя по-

двигнутся, затрубитъ архангельская труба, и мертвіи всѣ въ едино мгновеніе ока выйдутъ изъ гробовъ, и предстанутъ на облакахъ съ чаяніемъ Божіяго о себѣ опредѣленія. При сихъ столь ужасныхъ перемѣнахъ естества восплачутся всѣ народы, сокрушаеми скорбію, какой отъ начала міра не было и не будетъ, и издыхающе отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную, ни отъ чего не имѣя помощи, развѣ отъ единой вѣры, добрыми дѣлами засвидѣтельствованной. Послѣ сихъ знаменій Сына Человѣческаго поставится престолъ, книги разгнутся, въ которыхъ и совѣсть всякаго откроется,—и тогда узрятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою, на подобіе молніи, которая, освѣтивъ востокъ, вдругъ досягаетъ и до запада. Тотчасъ сдѣлается раздѣленіе праведныхъ отъ неправедныхъ, такъ, какъ бы пастырь разлучалъ овецъ отъ козлищъ; и избранные поставятся по правую сторону, а грѣшники по лѣвую. Въ семъ судѣ не будетъ доносителей, ни свидѣтелей, ни дальняго испытанія дѣлъ. Судія бо Самъ Сердцевѣдецъ есть, предъ Которымъ ничто утаено быть не можетъ. Онъ на избранныхъ сыновъ Своихъ, сыновъ воскресенія, воззритъ милымъ и любовнымъ окомъ, назоветъ ихъ вѣрными Своими рабами, другами, чадами, благословенными, объявитъ Свое удовольствіе за постоянное пребываніе въ вѣрѣ, возблагодаритъ за исполненіе воли Своея и за благодѣянія, какія они въ лицѣ бѣдныхъ Ему Самому показывали; потомъ, въ награжденіе за все сіе, введетъ ихъ въ состояніе радости вѣчныя, и дастъ имъ наслаждаться благами, „яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“. Напротивъ, на грѣшниковъ воззритъ яростнымъ лицемъ, назоветъ ихъ неблагодарною тварію, ожесточенными и проклятыми, обличитъ ихъ въ невѣрствіи и злобномъ окамененіи, будетъ порицать въ обидахъ и въ немилосердіи, которымъ они, въ лицѣ безпомощныхъ людей, оскорбляли Его Самого; потомъ, въ праведное наказаніе за всѣ злодѣйства, опровержетъ ихъ отъ лица Своего въ мучительнѣйшее состояніе, въ мѣсто непрестающаго плача, въ мѣсто кромѣшней тьмы, въ сожитіе съ демонами? За симъ опредѣленіемъ послѣдуетъ немедленное исполненіе: ибо „небо и земля мимо идутъ, словеса же Божія не могутъ прейти“. О блаженствѣ праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ особенно сказано будетъ послѣ.

Когда будетъ сіе страшное второе пришествіе, то Св. Слово хотя въ глубокой содержитъ сіе тайнѣ и не объявляетъ намъ именно сего времени, чтобы мы всегда готовы были; однако, со всѣмъ тѣмъ, открыты намъ весьма ясные знаки, изъ которыхъ узнать можемъ приближающійся или уже и наступающій день суда. Между многими знаменіями, Св. Писаніе за главнѣйшее и несомнительнѣйшее почитаетъ быть то, когда видимо будетъ „явное презрѣніе вѣры и крайнее рас-

тлѣніе нравовъ". Оно объявляетъ, что въ близкія къ пришествію Христову времена „умножится беззаконіе, а изсякнетъ любы многихъ" (Мато., 24, 12); вѣра будетъ презираема, да и Самъ Спаситель міра уничтожаемъ: ибо, по разсужденію Павлову, не придетъ день Христовъ, „аще не пріидетъ отступленіе прежде" (2 Сол., 2, 3). А отступленіе сіе самъ же Апостолъ полагаетъ въ отступленіи отъ вѣры. „Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры", и что притомъ будетъ послѣднее превращеніе нравовъ, пренебреженіе добродѣтели, а едино угожденіе склонностямъ плотскимъ. „Сіе вѣжды, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительни, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предатели, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы" (1 Тим., 4, 1; 2 Тим., 3, 1—4). Сіи суть несомнительныя примѣты пришествія Христова. Да и подлинно, когда исполнится мѣра беззаконій человѣческихъ, что болѣе дѣлать останется, какъ токмо, чтобы правда Божія вступила въ свое дѣйствіе? Чему яснымъ примѣромъ служатъ бывшій потопъ, раззореніе Содома и Гоморры и истребленіе Аморреевъ.. Намъ, разсуждающимъ важное сіе благочестія Христіанскаго ученіе, должно, по увѣщанію Павлову, поощрять себя взаимно къ любви и добрымъ дѣламъ, „и толико паче, елико видимъ приближающійся день судный" (Евр., 10, 25).

§ 26.

О сошествіи Святаго Духа. Господь Іисусъ Христосъ, по вознесеніи Своемъ, послалъ апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ Духа Святаго, благодатнымъ дѣйствіемъ Котораго спасается человѣкъ.

Сказано выше, что Спаситель при вознесеніи Своемъ на небо обѣщалъ послать апостоламъ Духа Святаго, Который имѣлъ ихъ наставить на всякую истину,—что и исполнилъ въ пятидесятый отъ воскресенія Своего день, какъ повѣствуетъ богоглаголивый Лука (Дѣян., 2, 4). Сіе посланіе Духа Святаго было боголѣпное: ибо Духъ Святый не есть единъ изъ служебныхъ духовъ, какіе суть ангелы; но есть Господь и Богъ, третіе лице Единосущныя Троицы, равное и единое поклоненіе и прославленіе съ Отцемъ и Сыномъ имѣющій, но отъ Единаго Отца исходящій. Паписты или держащіеся Римской Церкви прибавили безъ всякаго основанія и въ противность всей древности—„и отъ Сына". Мы объ этомъ много испытывать не хощемъ: ибо сія тайна есть неиспытанная, да опять же много и спорить не должны. Ибо Св. Писаніе ясными словами утвердило происхожденіе Св. Духа отъ единаго Отца, а не „и отъ Сына": „Егдаже пріидетъ Утѣшитель, Его же послю

вамъ отъ Отца, Духъ истинный, Иже отъ Отца исходитъ“ (Іоанн., 15 26.) Сходно съ симъ писали всѣ древніе божественные отцы не восточные токмо, но и западные, не дерзая ничего прибавлять въ противность явственному свидѣтельству Слова Божіяго.

Іисусъ Христосъ, въ лицѣ Своихъ апостоловъ, Духа Святаго послалъ всей Церкви Своей, или всѣмъ вѣрующимъ, въ силу онаго пророчества Іоилева: „И будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ Духа Моего на всяку плоть“ (2, 28). Разныя суть дѣйствія Св. Духа, которыми совершается спасеніе человѣческое. Онъ человѣка заблуждающаго, грѣхами ожесточеннаго или паче мертваго, призываетъ къ вѣрѣ чрезъ слово Свое, разные подаетъ къ обращенію случаи. внутренно движетъ и умягчаетъ сердце, возжигаетъ въ мысли свѣтъ богопознанія, отраждаетъ и очищаетъ грѣхи въ крещеніи, возобновляетъ въ покаяніи, соединяетъ со Христомъ таинственно въ причащеніи, а духовно чрезъ постоянное пребываніе въ вѣрѣ; управляетъ во всякомъ подвигѣ благочестія, утѣшаетъ и ободряетъ въ искушеніяхъ и напастяхъ, и увѣряетъ насъ внутренно о той великой любви, которою насъ объемлетъ Небесный Отецъ. Дѣйствіе Святаго Духа называется „благодать“; и какъ оное дѣйствіе бываетъ различное, то и благодать имѣетъ разныя наименованія: называется бо „благодать предваряющая, возбуждающая, оправдающая, содѣйствующая“ и проч. Понеже сими благодатными дѣйствіями Духа Святаго человѣку, которюй, впрочемъ, самъ чрезъ себя по душѣ есть мертвъ, возвращается духовный животъ: то для сего Духъ Св., благодати Податель, въ Символѣ называется „животворящій“; а у Исаіи: „Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія“ (Ис., 11, 3—4). Отсюда нѣтъ трудности узнать, для чего Онъ же именуется „глаголавшій пророками“: ибо, что они проповѣдали и писали въ книгахъ,—писали не по своей волѣ или изобрѣтенію, но „отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы“ (2 Петр., 1, 21). Того ради книги Ветхаго и Новаго завѣта, яко слово Божіе и богодухновенное Писаніе, яко правило вѣры и богоугоднаго житія совершенное и непогрѣшительное, всякъ христіанинъ содержать долженъ. Знаки и плоды живущаго въ человѣкѣ Святаго Духа, по Павлову разсужденію, суть слѣдующіе: „Любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“ (Гал., 5, 22).

§ 27.

О проповѣди апостольской и Церкви. Дѣйствіемъ Духа Святаго апостолы истину Евангелія проповѣдали всей вселенной, и собрали Церковь, изъ всѣхъ народовъ состоящую.

Удивительный успѣхъ апостольской проповѣди ясно доказалъ, что она производима была не человѣческою, но Божіею силою. Ибо всякое понятіе превосходитъ, что малочисленные Христовы ученики, будучи не знатны, нищи, безъ всякаго оружія, безъ всякаго витійства и человѣческой мудрости,—знатныхъ, сильныхъ, мудрыхъ во всемъ свѣтѣ привели въ вѣру; да такую вѣру, которая прямо противна была всѣмъ древнимъ, принятымъ въ мірѣ, преданіямъ, опровергала всѣ ихъ отеческія священнослуженія, которая гордому понятію вмѣстима быть не могла и, вмѣсто того, чтобы пріятствовать человѣческимъ склонностямъ, объявляла тѣсное житіе и непрестанныя гоненія тѣмъ, кои будутъ содержать ее. Возможно ли, кажется, въ семъ напруднѣйшемъ предпріятіи ожидать благополучнаго успѣха? Но „невозможная человѣку, возможна суть Богу“. Адъ со всею своею силою вооружился было, чтобы препятствовать сему спасительному происхожденію; но камня Христова, на которомъ вѣра его основана, сокрушить не могъ. Одинъ изъ Христовыхъ проповѣдниковъ самъ удивляется сему чудесному пропсшествію, и такъ говоритъ: „Буяя міръ избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ“ (1 Кор., 1, 27—29). По принятіи Евангелія отъ всѣхъ народовъ на востокѣ и западѣ, сѣверѣ и югѣ, составилось святое общество избранныхъ Божіихъ, то есть, Христова Церковь, которая уже заключается не такъ, какъ іудейская, въ границахъ единаго народа, но состоитъ изъ многихъ разныхъ народовъ, людей и племенъ, сущихъ подъ небесемъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Божія; а чрезъ сіе исполнилось, что Богъ обѣщалъ Аврааму, что „о сѣмени его благословитъ всѣ языки земные“ (Быт., 22, 18).

§ 28.

Свойства истинной Церкви. Сія Церковь есть единая, святая, соборная и апостольская.

Сказано выше, въ сей части подъ § 5, что Церковь Христова при самомъ началѣ міра основана, что хотя она была подъ различными состояніями, но существо вѣры никогда не было перемѣняемо, и что она же самая въ пришествіе Спасителево чрезъ апостоловъ приведена въ большую славу и свѣтлость, присоединеніемъ къ ней всѣхъ народовъ. Слѣдовательно, отъ начала міра до сихъ временъ есть, да и до скончанія вѣка будетъ, единая и таяжде Церковь. Единая: ибо всегда едина вѣра, едино основаніе вѣры, и едина Глава Церкви—Христосъ; единъ образъ спасенія, и едина всѣхъ надежда. Такъ о семъ пишется (Ефес., 4, 4—6): „Едино тѣло единъ духъ, якоже и звани

бысте во единомъ упованіи знанія вашего: единъ Господь, едина вѣра". Отъ сего единства Церкви отрываются всѣ тѣ, кои или слово Божіе не принимаютъ, или къ нему непристойныя мнѣнія свои примѣшиваютъ,— почему такихъ людей общество не такъ есть церковь, какъ сборище неправославное, не Духомъ Божіимъ, но духомъ непріязни правимое. Въ нынѣшнія времена, къ великому соблазну христіанства, видимъ мы три знатнѣйшія въ христіанствѣ секты или толки—папскую, лютеранскую и кальвинскую, Онѣ всѣ себѣ взаимно противны. Папство, кромѣ того, что суевѣрствами самыми вредными наполнено,—папскимъ опредѣленіямъ, въ предосужденіе Божію слову, слѣпо повинуется, догматъ о Духѣ Святомъ, въ противность ясному свидѣтельству Св. Писанія, перетолковало, чашу причащенія и чтенія Святаго Писанія отъ простаго народа отняло, чистительный нѣкій огонь вымыслило, и, присвояя себѣ, неизвѣстное Евангелію, владычество, предпринимаетъ огнемъ и мечемъ обращать противящихся. Лютеране и кальвины отторглись недавно и отъ папства чрезъ Лютера и Кальвина, коихъ больше страсть, нежели другое что, возбудила и дѣйствовала къ симъ новостямъ. Они, убѣгая суевѣрныхъ папскихъ излишностей, вмѣстѣ отвергли и святыя преданія апостольскія первенствующей Церкви. Однако, со всѣмъ тѣмъ согласно съ римлянами содержатъ о исхожденіи Св. Духа; но, кромѣ того, противно Писанію учатъ о тайнѣ причащенія и о прочихъ тайнахъ. Лютеране притомъ присвояютъ и тѣлу Христову вездѣсущіе, которое есть собственно единому Божеству, а кальвины на человѣческія дѣла вводятъ нѣкое неминуемое предопредѣленіе. Но наша греко-россійская православная Церковь утверждаетъ истину свою неоспоримыми свидѣтельствами: ибо она какъ вѣру, отъ самыхъ апостольскихъ временъ до сихъ поръ ими проповѣданную, такъ и древнія первенствующей Церкви преданія содержитъ ненарушимо. Греція, будучи обращена отъ самого Павла, принятую отъ него истину чрезъ всѣ послѣдующіе вѣка хранила ненарушимо, и если какія случались еретическія вредныя ученія, оныя соборами вселенскими и помѣстными отражала. Сею во всей своей цѣлости соблюденною вѣрою потомъ благоволилъ Богъ просвѣтить и Россію. Какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи никакой никогда въ вѣрѣ не было перемѣны, какая, напримѣръ, въ папствѣ во время Лютерово случилась. Хотя, можетъ, между держащимися нашей Церкви и суть нѣкія суевѣрства и злоупотребленія; но такія непристойности Церковь наша не защищаетъ, а паче сожалѣетъ, обличаетъ и исправляетъ. Погрѣшительныя убо мнѣнія нѣкихъ невѣждъ истину Церкви всея опорочить не могутъ,—изъ чего видно, что Церковь наша православная не токмо есть истинна, но и едина и таже отъ самаго начала міра. Ибо она согласна съ греческою; греческая никогда не дѣлала отступле-

нія отъ первенствующей Церкви апостольской: апостольская Церковь не различна была по существу вѣры съ іудейскою ветхозавѣтною Церковію: ветхозавѣтная Церковь утверждалась на истинѣ Спасителевой, которую съ вѣрою твердою содержали, послѣ потопа и прежде потопа отъ созданія міра бывшіе, святые праотцы. Итакъ, Евангельская вѣра православныя нашея Церкви относитъ свое начало до самыхъ начатковъ міра; да и пребудетъ, увѣряющу Духу Святому, до скончанія вѣка.

Почему Церковь—святая? Церковь глаголется „святая“, во-первыхъ, потому, что всѣ истинно вѣрующіе освящаются кровію Христовою. Такъ пишетъ ап. Павелъ (1 Коринѳ., 1, 6, 11), что „и вы такіе же были (то-есть, какъ и всѣ нечистые язычники), „но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“. Второе, что истинные христіане стараются, при помощи благодати Божіей, побѣдить грѣхъ, умертвить страсти и упражненіемъ въ добродѣтели соединиться съ Пресвятымъ Богомъ. „Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующая насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестиво поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ“ (Тит., 2, 11, 12). Хотя въ Церкви и суть грѣшники; но тѣ, которые признаютъ свои предъ Богомъ грѣхопаденія, и чрезъ истинное покаяніе, утвержденное вѣрою въ Іисуса Христа пріемлютъ милостивое отпущеніе оныхъ, а ожесточенные и не раскаянные до Церкви не надлежатъ.

Почему—соборная? Церковь „соборная“: иначе называется „каѳолическая, вселенская и повсюдная“; а чрезъ сіе разумѣть надобно общество истинныхъ христіанъ, разсѣянныхъ по всему кругу земному. Истинно вѣрующій, гдѣ бы ни былъ и въ какое бы время ни былъ, до общества соборной Христовой Церкви надлежитъ. Ибо единымъ со всѣми прочими управляется закономъ Евангельскимъ, подъ единымъ знаменемъ Христовымъ воинствуетъ, къ единому поспѣшаетъ послѣднему блаженному концу. Въ такой Церкви, по ученію Павлову (Гал., 3, 28), „нѣсть іудей, ни еллинъ, нѣсть рабъ ни свободь, нѣсть мужескій полъ ни женскій: вси бо едино суть о Христѣ Іисусѣ“. Чрезъ сіе свойство Церковь Христова различествуетъ отъ іудейской, которая заключаема была въ границахъ единаго народа. Изъ онаго стѣсненія выводя Церковь Свою, Искупитель нашъ такъ нѣкогда сказалъ (Іоанн., 4, 21): „Грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу. Но истиннїи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною“, подразумѣвать надобно, на всякомъ мѣстѣ владычествія Его.

Почему—апостольская? Апостольская Церковь именуется потому что апостольское ученіе (слѣдовательно, и пророческое, съ которымъ

оно согласно было) какъ Писаніемъ, такъ и устно преданное, она содержитъ ненарушимо. Свидѣтельствуетъ о томъ свят. Павелъ, который учитъ (Ефес., 2, 20), что истинные христіане „наздани на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу“.

§ 29.

О правительствѣ церковномъ. Сія же Церковь подъ единою своею Главою Христомъ управляется служителями Новаго завѣта.

Церковь есть общество богоучрежденное и благочинное; слѣдовательно, въ немъ должно быть правительство. Сіе правительство не есть владычественное и господское, но пастырское и отеческое: ибо сему правительству поручены души. Посему нѣтъ тутъ мѣста приказаніямъ, но ученію и увѣщаніямъ, понеже къ вѣрѣ никто силою принужденъ быть не можетъ. Правительство церковное состоитъ изъ пастырей и учителей духовныхъ, по оному Павлову ученію (Ефес., 4, 11): „Той (Христосъ) далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе Тѣла Христова“. Пастыри иные суть большіе, какъ-то епископы, иные меньшіе, какіе суть пресвитеры или священники. Церковнаго сего правительства и служенія Глава есть одинъ Христосъ: ибо какъ Онъ есть основатель Церкви Своея, такъ Онъ единъ есть главный и ни отъ кого независящій ея Правитель, словомъ Своимъ и Духомъ Своимъ невидимо ею управляющій. Слѣдовательно, въ вещахъ касающихся до существа вѣры, никому и ничему, кромѣ Его Самого, и явственнаго свидѣтельства слова Божіяго, Церковь повинуться не можетъ. О семъ ясно пишетъ Апостолъ (Ефес., 5, 23): „Христосъ Глава Церкве, и Той есть Спаситель тѣла“; и въ ст. 29: „никто же когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь Церковь“. Должность пастырей и учителей церковныхъ есть: 1) учить. А ученіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ: наставить на истину, отразить противныя мнѣнія, утверждать въ добрыхъ нравахъ, а безчинныхъ приводить къ исправленію; 2) совершать тайны и общія молитвы, какъ, напр., крестить, подавать пріобщеніе, принимать покаяніе, и проч. Дана еще отъ Спасителя нашего пастырямъ церковнымъ власть вязать и рѣшить, или „власть ключей“, которая состоитъ въ томъ, что они могутъ, да и должны неисправнаго христіанина или крайне ожесточеннаго явнаго грѣшника, по многихъ увѣщаніяхъ, напослѣдокъ именемъ Христовымъ отсѣчь отъ общества Церкви Христовы и объявить его нехристіаниномъ, и сіе есть „связать“. По ежели таковой, умягчившійся благодатію Божіею, потомъ принесетъ истинное покаяніе, паки въ число Церкви Христовы принимается; и сіе есть „разрѣшить“. Единственное

*

основаніе важныя сея власти должно быть слово Божіе. Когда случится въ Церкви Христовой такой развращенный христіанинъ, который, выдумавъ нѣкоторыя пагубныя противъ истины мнѣнія, оными старается заразить, Церковь то въ такомъ случаѣ бываетъ „вселенскій или помѣстный соборъ“; то-есть, главнѣйшіе пастыри церковные собираются отовсюду во едино мѣсто, гдѣ, довольно изслѣдывая новое мнѣніе и нашедши оное съ словомъ Божіимъ несходно, объявляютъ всей Церкви, что мнѣніе то есть истинѣ Божіей противно, и самого его изъ числа христіанъ выключаютъ. Такихъ соборовъ, вселенскихъ, кромѣ Апостольскаго, о которомъ упоминается (Дѣян., 15, 6), было седмь: 1) Никейскій, 2) Константинопольскій“, 3) Ефесскій, 4) Халкидонскій, 5) Константинопольскій, 6) Константинопольскій же, 7) Никейскій второй. Сіи соборы обыкновенно отъ благочестивыхъ государей были собираемы, на которыхъ они нѣкогда сами высокою своею особою присутствовали: ибо православные государи суть главные попечители и покровители Церкви. Христіанскій государь не меньше о благосостояніи Церкви, какъ и о гражданскомъ обществѣ, труды прилагать обязуется. Отъ него Церковь Христова требуетъ: 1) знать законъ; 2) имѣть страхъ Божій въ примѣръ благочестію; 3) смотрѣть, чтобы правительство церковное было порядочно, и вѣрно труждающихся ободрять; 4) раздоры угашать и защищать отъ утѣснителей ея и ругателей; 5) ученія распространять и училища содержать щедро; 6) иновѣрные народы приводить къ вѣрѣ. А изъ сего всякъ усмотрѣть можетъ, сколь есть тѣсный союзъ общества гражданскаго съ Церковью: ибо, чтобы честный гражданинъ упражнялся въ своей должности и удерживалъ себя отъ худого, надобно, дабы онъ дѣлалъ то по самой совѣсти; но кто можетъ обязать совѣсть, кромѣ Бога, испытующаго сердца и утробы? А наипаче для государя благочестивая вѣра есть особливо полезна: ибо она его, яко никакому закону человѣческому не подлежащаго, подвергаетъ закону своему, а чрезъ то содержитъ его въ предѣлахъ святой правды,—притомъ дѣлаетъ, чтобы онъ безъ разслабленія проходилъ свою великую должность. Понеже, какъ государь, не имѣя никого на землѣ высшаго себя, ни отъ кого за труды свои награжденъ быть не можетъ, то едина вѣра можетъ государя ободрить, обѣщая ему неложно достойную и величайшую на небеси мзду.

§ 30.

О таинствахъ. Іисусъ Христосъ въ Церкви Своей уставилъ таинства или священные обряды, въ которыхъ подъ чувствуемыми видами подается вѣрующему невидимая Божія благодать.

Кто приходитъ къ Богу, тому надобно, чтобы онъ свое истинное

внутреннее обращеніе засвидѣтельствовалъ чѣмъ-нибудь видимымъ, такъ какъ и Самъ Богъ взаимно, дабы насъ увѣрить болѣе о неложныхъ Своихъ обѣщаніяхъ, нѣкіими знаками оныя подтвердить хощетъ. Не должно думать, аки бы Богъ безъ сихъ чувственныхъ знаковъ не могъ усмотрѣть обращеніе наше, или не могъ бы безъ того также увѣрить насъ о Своихъ обѣщаніяхъ и принять въ завѣтъ милости Своея,—нѣтъ. Но сіе дѣлаетъ Онъ, промышляя о большемъ утвержденіи Церкви Своея. Ибо какъ человѣкъ состоитъ не изъ души токмо, но и изъ тѣла, и обыкновенно въ мысли печатлѣется сильнѣе то, что ударяетъ наши чувства, а притомъ и Церковь есть общество въ свѣтѣ видимое: то попечительный о спасеніи нашемъ Господь благоволилъ установить видимые обряды, дабы мы отправленіемъ ихъ и свою вѣру предъ всѣми засвидѣтельствовали и утвердили, и о Божіихъ обѣщаніяхъ сильнѣе увѣрились, и съ собою бы взаимно сими видимыми признаками связались, а чрезъ то Церковь отъ всякаго другаго общества явственно отличалась бы. Такіе обряды Церковь называетъ „таинствами“, и то потому, что въ нихъ иное видимъ, иное вѣруемъ; напр., вижу въ крещеніи тѣло, омываемое водою, но вѣрую, что вкупѣ душа омывается отъ грѣховъ Духомъ Святымъ. Таинства иныя суть Ветхаго, иныя Новаго завѣта. Ветхаго суть два—Обрѣзаніе и Пасха или яденіе агнца пасхальнаго. Обрѣзаніе, данное отъ Бога Аврааму и всему его потомству, былъ святый обрядъ, которое принимая, человѣкъ вступалъ въ завѣтъ съ Богомъ (Быт., 17, 10). Сіе видимое обрѣзаніе было чувствительнымъ знаменіемъ, по толкованію св. Павла (Римл., 2, 29), обрѣзанія внутренняго отъ страстей, которыя поистинѣ должно отсѣчь хотящему вѣрно служити Богу. Отсюда и разумѣть можно, для чего всѣ вѣрующіе называются дѣтьми Авраамовыми: ибо всегда наблюдать должны они обрѣзаніе духовное, знаменіе котораго принялъ Авраамъ. Когда Совершитель спасенія нашего, Іисусъ Христосъ, пришелъ на землю, и принесеніемъ Самого Себя въ жертву всѣ очистилъ наши грѣхи, то въ тоже самое время и уничтожено оное плотское іудейское обрѣзаніе: ибо, по прошествіи вещи означаемой, знакъ перестаетъ. Такъ пишетъ Апостолъ (Колос., 2, 11): „О Немъ же (о Христѣ) обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во обрѣзаніи Христовѣ“. Вмѣсто ветхозаконнаго обрѣзанія, въ Новомъ завѣтѣ дѣйствуетъ нынѣ крещеніе. Второе ветхозавѣтное таинство есть яденіе пасхальнаго агнца, которое какимъ образомъ совершалось, о томъ обстоятельно описано (Исход., 12 гл.). Уставлено оно во время исхожденія Израиля изъ Египта, съ тѣмъ, именно, намѣреніемъ, чтобы сіе священное дѣйствіе служило имъ къ незабвенной памяти великаго благодѣянія Божія въ избавленіи ихъ отъ тяжкія работы вну-

египетскія (Исход., 12, 27). Сіе таинственное явленіе было явственнымъ знаменіемъ Агнца непорочна и пречиста Христа, съ Которымъ мы соединяемся вѣрою. Почему сіе іудейское торжество окончилось, когда Агнецъ Божій, Спаситель міра, вознесся на крестъ, и когда Онъ, отходя къ смерти, уставилъ вмѣсто онаго тайную евхаристическую вечерю. Сіи суть тайны Ветхаго завѣта.

§ 31.

Церковь наша въ Новомъ завѣтѣ содержитъ седмь таинствъ: крещеніе, муропомазаніе, причащеніе, покаяніе, священство, бракъ, елеосвященіе.

Два главныя и знатнѣйшія суть таинства Новаго завѣта—крещеніе и евхаристія, или причащеніе. Изъ прочихъ отъ всякаго христіанина пріемляются муропомазаніе и покаяніе; а священство, бракъ и елеосвященіе не всѣхъ обязываютъ.

§ 32.

О крещеніи. Крещеніе есть таинство, въ которомъ, при омытіи тѣла водою, омывается душа вѣрующаго отъ грѣховъ кровію Христовою.

Таинство сіе установлено отъ Самого Господа данною ученикамъ Его заповѣдію (Матѳ., 28, 19): „Шедше научите вся языцы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. А совершается оно слѣдующимъ образомъ: 1) приходящій ко крещенію, аще возрастенъ, долженъ довольно наученъ быть вѣрѣ Евангельской; 2) по изученіи отрещися діавола, міра и самого себя. „Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе“,—сказалъ Спаситель (Марк., 8, 34); 3) погруженъ быть въ водѣ, при произношеніи отъ служителя Христова сихъ словъ: „крещается рабъ Божій во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“. Сіи суть видимыя дѣйствія, а невидимыя, но вѣрою постигаемыя, суть слѣдующія: 1) омывается отъ всѣхъ грѣховъ кровію Христовою, то-есть, что Отецъ Небесный съ вѣрою крещаемому оставляетъ грѣхи, ради заслугъ и смерти Ходатая нашего; 2) принимается въ завѣтъ Божій, то-есть, вступаетъ въ обязательство съ Богомъ, чтобы прочее время живота посвятить на святое служеніе Богу: ибо то значитъ креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа. А чрезъ сіе самое получаетъ право къ наслѣдію живота вѣчнаго; 3) отраждается, по глаголу Христову (Іоан., 3, 5), то-есть, пріемлетъ новыя склонности и силы духовныя, а именно, въ умѣ—просвѣщенное понятіе о Богѣ, о добродѣтели и объ истинномъ человѣческомъ блаженствѣ, а въ сердцѣ—страхъ и горячесть къ Богу, и сильное увѣреніе о великой къ себѣ любви Небеснаго Отца. Сія есть сила и дѣйствіе высокаго сего христіанскаго таинства, которое

не принявъ, человѣкъ не имѣетъ надежды ко спасенію,—не для того единственно, что въ водѣ не погрузился, но что не увѣровалъ во имя единороднаго Сына Божія. Тверды бо суть слова Евангельскія (Іоан., 3, 5): „Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе“. Въ крещеніи младенцевъ, вмѣсто ихъ собственной вѣры, служитъ и дѣйствительна есть вѣра родителей и приносящихъ ихъ ко крещенію воспріемниковъ.

§ 33.

О мѵропомазаніи. Мѵропомазаніе есть таинство, въ которомъ, при помазаніи частей тѣла мѵромъ, возливается на крестившагося человѣка духовное мѵро, то-есть, дары Духа Святаго.

Таинство сіе совершается скоро по крещеніи отъ служителя Христова, который, помазуя мѵромъ знатнѣйшія части тѣла, произноситъ сіи слова: „печать дара Духа Святаго“. Чрезъ сіе священное дѣйствіе Духъ Святый снисходитъ на крещаемаго и утверждаетъ его въ благодати, полученной въ крещеніи его, по примѣру тому, какъ снисшелъ Онъ на учениковъ Іисуса Христа, и какъ тѣ же сами ученики послѣ крещенія на вѣрующихъ возлагали руки, при которомъ возложеніи рукъ Апостольскихъ Духъ Святый на нихъ сходилъ видимо (Дѣян., 8, 17). Церковь наша употребляетъ еще сіе мѵропомазаніе, когда кого изъ неправовѣрующихъ христіанъ принимаетъ въ православіе, и симъ видимымъ обрядомъ причитаетъ его въ члены благочестиваго нашего и правовѣрующаго общества.

§ 34.

Объ евхаристіи. Евхаристія или причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба причащается самаго тѣла Христова, а подъ видомъ вина самыя крове Христовы, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную,

Сіе знатнѣйшее христіанское таинство уставлено отъ Самого Господа слѣдующимъ образомъ, по описанію божественнаго Павла (1 Кор., 11, 23—26). „Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе. Елижды бы аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ“. По совершеніи сей тайной вечери Господь нашъ сказалъ Своимъ ученикамъ (Лук., 22, 16): „Отселѣ не имамъ ясти отъ нея, дондеже скончаются во царствіи Божіи“. То есть, вечеря сія есть

нѣкое преддверіе оной небесной вечери, на которой всѣ, истинно вѣрующіе въ Меня, со Мною будутъ наслаждаться блаженствомъ неизглаголаннымъ. А ученики, съ благодарностію принявъ спасительныя наставленія Учителя своего, сіе священное дѣйствіе окончали пристойною Божественною пѣснію. Установленіе таинства сего надлежитъ до всей Церкви. Ибо оная заповѣдь Господня: „сіе творите въ Мое воспоминаніе“, данная ученикамъ, касается всѣхъ христіанъ; а наипаче, что Спаситель явственно означилъ, что сіе священное дѣйствіе должно отправляемо быть до самаго того времени, какъ Онъ Самъ имѣетъ притти судити живыхъ и мертвыхъ: „дондеже пріидетъ“. Отсюда ясно видно, Церковь Христова должна совершать тайну сію не инымъ образомъ, развѣ какимъ совершалъ Глава ея и Господь Іисусъ Христосъ. Онъ принялъ въ Свои пречистыя руки хлѣбъ, также и чашу съ виномъ, и, хвалу воздавъ, благословилъ и воздалъ благодареніе Небесному Отцу; потомъ, преломивъ хлѣбъ на части, раздѣлилъ Своимъ ученикамъ: подобно и отъ чаши повелѣлъ причаститься всѣмъ. Точно такимъ образомъ и поступаетъ наша православная Церковь: ибо, собравшись въ священный храмъ, яко въ Сіонскую горницу, мы начинаемъ хвалу Божію псалмопѣніемъ; потомъ, по чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія, начинаетъ служитель Христовъ, по примѣру Его Самого, благословить и благодарить Небеснаго Отца, то есть, исчислять всѣ Его къ роду человѣческому благодѣянія; а наипаче, что Онъ Самого Единороднаго Сына Своего для спасенія нашего послалъ и за всѣхъ насъ предалъ Его. И за сіе все именемъ всея Церкви приноситъ усерднѣйшее благодареніе. Послѣ сего, освятивъ святые дары призываніемъ Святаго Духа, напослѣдокъ какъ Самъ причащается, такъ и другихъ всѣхъ причащаетъ, подъ обоими видами. Посему не знаю, какой можетъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ суемудренный папа, который, къ явному нарушенію Господнихъ словъ, отнялъ чашу причащенія отъ простого народа, а причащаетъ ихъ токмо одними опрѣснокамп. При семъ всякій истинный христіанинъ твердо увѣрить себя долженъ, что онъ въ сей высокой тайнѣ принимаетъ не простой хлѣбъ и не простое вино, но, подъ видомъ того священнаго хлѣба, причащается самаго истиннаго Христова Тѣла, которое, за искупленіе наше на крестѣ, въ жертву принесено и разными страданіями, яко хлѣбъ, было раздробляемо; подъ видомъ же того священнаго вина причащается самыя истинныя крови Христовой, которая изъ ребръ Его святыхъ проистекла, и была очищеніемъ всѣхъ грѣховъ нашихъ. Ибо, подавая хлѣбъ Своимъ ученикамъ, Господь сказалъ: „сіе есть тѣло Мое“; а подавая вино, сказалъ: „сія есть кровь Моя“. Слѣдовательно, чрезъ причащеніе сіе человѣкъ бываетъ единъ Духъ съ Господомъ: „Ядый бо Мою плоть, и піяй Мою

кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ", рече Господь (Іоанн., 6, 56). Намѣреніе, какое имѣлъ Спаситель, уставляя тайну сію, объявлено намъ ясными словами отъ Евангелистовъ Его и отъ апостола Павла, а именно, чтобы мы при семъ священномъ дѣйствіи воспоминали всѣ Его благодѣянія и любовь, оказанную въ искупленіи насъ и въ заслуженіи намъ Его смертію милосердія Божія и вѣчнаго живота. „Сіе творите въ Мое воспоминаніе: и елижды аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете". А изъ сего, съ чистою вѣрою бываемаго, воспоминанія смерти Христовой прямо слѣдуетъ спасительный плодъ, а именно, отпущеніе грѣховъ и полученіе права къ наслѣдію живота вѣчнаго: ибо, пріемляй въ себя Христа, пріемлетъ въ себя источникъ благодати. „Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ" (Іоанн., 6, 53).

§ 35.

Какъ приготовляться къ причащенію? „Да искушаетъ человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ" (1 Кор., 11, 28).

Къ духовному учрежденію таинственнаго причащенія должно быть пристойное предуготовленіе, а предуготовленіе сіе, по Апостольскому ученію, состоитъ въ искушеніи, то есть, въ изслѣдованіи самого себя, какъ мы свою жизнь препровождаемъ, какъ о спасеніи своемъ печемся,—исполняемъ ли тѣ должности, какими обязались въ крещеніи. Нашедши себя во многомъ преступниками, сожалѣть о томъ сердечно, признавать себя достойныхъ быть гнѣва Божія и раны свои открыть служителю Христову чрезъ исповѣданіе. При семъ, въ разсужденіе принимая милосердіе Божіе для грѣшниковъ неистощимое, должно съ твердымъ упованіемъ себя увѣрить, что заслуги Христовы и дражайшая Его смерть сильны очистить насъ отъ грѣховъ и не исключить изъ завѣта милости. Сего внутренняго признанія, соединеннаго съ открытымъ исповѣданіемъ, Церковь отъ насъ требуетъ въ самый часъ причащенія, которое мы и дѣлаемъ сими словами: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ". Въ разсужденіи сего, неисправные христіане, явные беззаконники, отчаянные грѣшники до сего таинственнаго причащенія допущены быть не должны: ибо заповѣдь Евангельская предписываетъ „не давать святая псомъ, и не метать бисера предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими" (Матѳ., 7, 6). А ежели, со всѣмъ тѣмъ, приступятъ такіе къ сей тайнѣ, то большее на себя привлекаютъ отъ Бога осужденіе, яко презрители святыни Господни. „Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня". При семъ памятовать надобно, что, разсуждая важные

плоды причащенія и величество благодѣяній Христовыхъ, должно всякому христіанину тайны сей причащаться не рѣдко. Первенствующей Церкви христіане всякую недѣлю принимали сію духовную пищу, и не было службы безъ причастниковъ. Послѣ по крайней мѣрѣ въ знатнѣйшіе праздники приступали къ сей тайнѣ. Мы должны подражать ихъ благочестивому примѣру, чтобы весьма рѣдкое причащеніе не было знакомъ нашего ко Христу холоднаго сердца.

§ 36.

О покаяніи. Покаяніе есть таинство, въ которомъ вѣрующему, при истинномъ признаніи своихъ грѣховъ и при твердомъ упованіи на заслуги Христовы, отпущаются отъ Бога грѣхи чрезъ служителя Христова.

Надобно со св. Богословомъ (1 Іоанн., 1, 8) признаться, что „аще речемъ, яко грѣха не имамы, себѣ прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ“. Посему, послѣ омытія грѣховъ крещеніемъ и по вступленіи чрезъ то въ завѣтъ милости Божіей, христіанинъ, когда согрѣшитъ, то къ возвращенію благодати и милости Божіей не имѣетъ иного средства, кромѣ покаянія. Покаяніе есть дѣйствительное врачество, которымъ исцѣляется душевная рана; а истинное покаяніе требуетъ: 1) Признать свои грѣхи. 2) Осудить самого себя предъ Богомъ. 3) Представить себѣ милосердіе Божіе, которое грѣшника кающагося не отвергаетъ, но хощетъ обратитися и живу быти ему,—что Евангеліе доказываетъ примѣромъ блуднаго сына и заблуждшей овцы. 4) Твердо себя увѣрить, что Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ за насъ умеръ, и смертію Своею заслужилъ милосердіе Небеснаго Отца для всѣхъ тѣхъ, кои всю надежду спасенія своего полагаютъ на Него. 5) Намѣреніе положить впредь себя исправнѣе и осторожнее вести Въ семъ состоитъ истинное покаяніе. И сіе покаяніе должно быть предъ служителемъ Христовымъ; а то для того, чтобъ, во-первыхъ, отъ него получить наставленіе и духовный совѣтъ къ надежнѣйшему впредь исправленію себя. Второе, дабы именемъ Христовымъ онъ объявилъ кающемуся отпущеніе грѣховъ, и увѣрилъ бы его изъ Евангелія о милосердіи Божіемъ, что онъ имѣетъ надежду ко спасенію. Признаніе и исповѣданіе грѣховъ должно быть не общее, но съ изъясненіемъ именно какихъ грѣховъ: ибо скрытыя раны лѣчимы быть не могутъ, а наипаче, что тое исповѣданіе бываетъ не человѣку, но Богу, испытующему сердца наши и утробы. Сверхъ того, стыдно ли намъ будетъ предъ человѣкомъ объявить то, что мы не стыдимся дѣлать предъ чистѣйшими очами Божіими? Исповѣданіе должно быть тогда, когда совѣсть мучитъ обличеніемъ какого нибудь грѣха; а по крайней мѣрѣ приуготовляяся къ пріобщенію. Если же, какъ выше сказано, въ покаяніи не мо-

гутъ отъ Бога отпущены быть грѣхи, развѣ вѣрующему въ Іисуса Христа, умершаго за грѣхи наши, слѣдовательно, въ невѣрующемъ въ Спасителя, его покаяніе истинное быть не можетъ.

§ 37.

О священствѣ. Священство есть таинство, въ которомъ Духъ Святый чрезъ служителя Своего рукополагаетъ достойно избраннаго, дабы совершать тайны и пасти Христово стадо.

Прежде было помянуто, что въ Церкви, яко въ благоучрежденномъ обществѣ, есть правительство церковное. Въ число сихъ духовныхъ правителей избираетъ паства, а чрезъ нее Самъ Господь достойнаго мужа. А достоинство сіе необходимо требуетъ, чтобы, избираемый въ сію великую должность, былъ: 1) Неподозрительнаго житія. 2) Учителенъ: ибо, по предписанію Павлову (1 Тим., 4, 12),—пастырь долженъ быть „образъ вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“,—и (2 Тим., 4, 2) „проповѣдать слово, настоять благовременнѣ и безвременнѣ, обличить, запретить, умолить, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“. По избраніи такимъ образомъ бываетъ посвященіе во священника чрезъ большихъ церковныхъ пастырей, какіе суть епископы; а въ епископа—чрезъ другихъ епископовъ. Совершается же сіе посвященіе чрезъ призываніе Святаго Духа и рукоположеніе при собраніи Церкви, которая подтверждаетъ то избраніе взывая: „Достоинъ“. Посвященіе сіе, чрезъ рукоположеніе бываемое имѣетъ начало отъ самихъ апостоловъ, отъ которыхъ непрерывнымъ послѣдованіемъ и до насъ достигло. Такъ о семъ пишется въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ 14, 23: „Рукоположша имъ пресвитеры на вся церкви, и помолившася съ постомъ, предаста ихъ Господеви“. О должности пастырей церковныхъ сказано въ сей части подъ числомъ 29. Изъ настоящаго разсужденія слѣдуетъ: первое, что неосвященный чрезъ рукоположеніе ни тайны совершать, ни учить въ церкви не можетъ; второе, что пастырямъ церковнымъ, а наипаче труждающимся въ словѣ и ученіи (1 Тим., 5, 17), всякъ христіанинъ долженъ отдавать пристойное почтеніе, „да съ радостію должность свою отправляютъ, а не воздыхающе“ (Евр., 13, 17).

§ 38.

О супружествѣ. Бракъ есть священный обрядъ, въ которомъ служитель церковный обручаетъ два сочетавающіяся лица, и проситъ имъ отъ Бога благословенія.

Въ семъ дѣйствіи должны быть два лица, мужъ и жена, которыя по взаимному любовному согласію, вступаютъ между собою въ законное

супружество. По приведеніи ихъ въ храмъ (дабы сіе взаимное обязательство засвидѣтельствовано было присутствіемъ другихъ), служитель церковный вручаетъ ихъ другъ другу, и молитъ со всею собравшеюся Церковію Бога, дабы имъ подать любовь, миръ и благословенный плодъ чрева. И такъ чрезъ сей обрядъ дѣлается тверже и союзъ, яко предъ алтаремъ Господнимъ засвидѣтельствованный; и „бракъ бываетъ честенъ и ложе не скверно“ (Евр., 13, 4). Почему многоженство христіанскій законъ никакимъ образомъ не позволяетъ: ибо „отъ начала созданія мужа и жену сотворилъ я есть Богъ“ (Марк., 10, 6). Наставленіе мужу и женѣ св. Павелъ даетъ слѣдующее: „кійждо свою жену сице да любитъ, якоже и себе: а жена да боится своего мужа“ (Ефес., 5, 33).

§ 39.

Объ елеосвященіи. Елеосвященіе есть таинство, въ которомъ служитель церковный, при помазаніи немощнаго масломъ, проситъ ему отъ Бога облегченія отъ болѣзни и отпущенія грѣховъ.

Сіе дѣйствіе утверждается на оныхъ словахъ св. Іакова: „Болитъ ли кто отъ васъ? да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне: и молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему“ (5, 14—15).

§ 40.

О преданіяхъ и обрядахъ. Кромѣ преждереченныхъ таинствъ, Церковь наша хранитъ нѣкоторые преданія и обряды, служащіе къ нравоучительной пользѣ, или для благопристойности.

Въ Церкви суть многіе обряды, отъ апостоловъ или отъ ихъ преемниковъ уставленные и всею святою древностію содержанные, въ которыхъ единственно хотя спасеніе наше не состоитъ, однако, имѣютъ довольную свою пользу, и со всякимъ почтеніемъ оные наблюдать одолжаемся. Такія, напримѣръ, преданія суть, что служители церковные при священнослуженіи употребляютъ пристойныя къ тому ризы и одежды; зажигаются свѣчи, въ знакъ нашей горящей вѣры; курится кадило, значащее приношеніе молитвъ; знаменуемся крестомъ, показуя чрезъ сіе, что мы вѣруемъ въ Распятаго; дѣлаемъ освященіе воды, въ воспоминаніе какъ Господня, такъ и нашего крещенія; украшаемъ храмы честными образами, дабы, на нихъ взирая, подражали тѣмъ, коихъ они представляютъ; празднуемъ разные праздники, творя память Божіихъ благодѣяній, или святаго житія угодниковъ Его, и тѣмъ къ большему

возбуждаемся благочестію. Такіе и прочіе обряды свято хранитъ наша Церковь; однако, отвергаетъ суевѣрства, то есть, такія преданія, которыя или слову Божію противны, или святой древности неизвѣстны.

§ 41.

О воскресеніи мертвыхъ. Всѣ, вѣру непорочно сохранившіе и сотворшіи благая, воскреснутъ въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.

До сихъ поръ разсужденіе продолжалось о томъ, что надлежитъ до вѣры; теперь слѣдуетъ кратко сказать о надеждѣ. Нѣтъ сомнѣнія, да уже о семъ и сказано въ первой части, подъ § 12, что вѣра, до конца жизни непрочно соблюденная, безъ награжденія своего остаться не можетъ. Ибо вѣра по самому имени своему относится до будущаго; да опровержено было бы и правосудіе Божіе и обѣщанія Его, и все Евангеліе обратилось бы въ нѣкоторый вымыселъ, ежелибъ истинный христіанинъ послѣ жизни сей не имѣлъ несомнительныя благія надежды. А понеже человѣкъ упражняется въ подвигѣ благочестія и тѣсный путь спасенія проходитъ не по душѣ токмо, но и по тѣлу: то хотя чрезъ смерть тѣло наше отъ души и разлучается, а послѣ истлѣваетъ; однако, въ свое время востанетъ и паки съ душею соединится, „да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла“ (2 Кор., 5, 10), то есть, чтобъ человѣкъ въ цѣломъ своемъ составѣ былъ совершенно блаженъ, или строго наказанъ. Св. Писаніе ясными словами увѣряетъ насъ о воскресеніи мертвыхъ: „Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше, оживуть: и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда“ (Іоанн., 5, 25, 29). Воскресенія нашего какъ есть Начальникъ, такъ будетъ и Совершитель Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „вси бо сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія“ (Іоанн., 5, 28). Воскреснутъ же не добрые токмо, но и злые, и вѣрующіе и невѣрующіе, по прежде сказанному (Іоанн., 5, 29), „изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда“. Хотя и написано, что „не воскреснутъ нечестивіи на судъ“ (Псал., 1, 5), а праведники и „вѣрующіи на судъ не пріидутъ, но прейдутъ отъ смерти въ животъ“; однако, сіе разумѣть надобно, что какъ первые хотя и воскреснутъ, но не въ воскрешеніе живота, такъ и сіи—не въ воскрешеніе суда. Какимъ бы образомъ могло быть воскресеніе истлѣвшихъ и въ прахъ уже обратившихся тѣлъ,—того скудная мысль наша постигнуть не можетъ. Почему языческіе философы, кои, на мнѣнія свои излишне полагаясь, всемогущества Божія или не понимали, или тѣсно ограничивали, услышавъ Павла воскре-

сеніе проповѣдующаго, смѣялись (Дѣян., 17, 32). Но мы, истину слова Божія почитая выше всякаго разсужденія человѣческаго, безъ сомнѣнія, чаемъ воскресенія мертвыхъ. Наше есть вѣровать сему; а дѣло всемогущества Божія есть изыскивать къ произведенію того способъ. Ежели Онъ могъ изъ ничего всѣ вещи произвесть, какъ не возможетъ оныя, повредившіяся, поставить въ первомъ видѣ? И для того великій Павелъ обличаетъ безуміе тѣхъ, кои о сей истинѣ сумнѣваться дерзаютъ (1 Кор., 15, 36—38). „Речетъ нѣкто: како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ? Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно: Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхощетъ“. Общее сіе воскресеніе имѣетъ быть въ самое время второго пришествія Христова. „Тогда бо Сынъ Человѣческій послетъ ангелы Своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ (вопіющихъ: вставайте, мертвые, идите на судъ!), и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ“ (Мато., 24, 31). Симъ гласомъ всемогущества Божія, какъ отъ сна, пробудятся мертвыя всѣ и внезапу восхищени будутъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако явятся предъ судищемъ Христовымъ. А оставшіеся до того дня живы, не умрутъ, но нечаянное и чудесное примутъ измѣненіе: „вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся“ (1 Кор., 15, 51). Измѣненіе сіе таинственное сосудъ избранный описываетъ слѣдующимъ образомъ (1 Кор., 15, 42—44, 53): „сѣется (тѣло) въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе“. Слѣдовательно, тѣла блаженныхъ будутъ: 1) Нетлѣнны и безсмертны; отъ души во вѣки не разлучатся и никакой въ себѣ перемѣны никогда имѣть не будутъ. 2) Славны, то есть, всѣми дарованіями украшены, въ совершенномъ возрастѣ, въ самомъ полномъ цвѣтѣ неувядаемыя красоты, „праведницы бо просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ“ (Матѳ., 13, 43). 3) Сильны, то есть, не будутъ подлежать никакимъ страстямъ, не будутъ страдать никакими болѣзнями, не будутъ подвержены младенческимъ слабостямъ, будутъ же удалены и отъ дряхлой старости; но всегда крѣпки, здравы и въ единомъ состояніи. 4) Будутъ тѣла духовныя, то есть, не требующія пищи, питія, одежды, сна, воздуха для дыханія или свѣта для распознанія вещей: „будетъ бо Самъ Господь свѣтъ вѣчный“ (Ис., 60, 19). Ниже опять потребуютъ женитвы: „въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть“ (Матѳ., 22, 30). Толикая будетъ слава воскресенія сыновъ Божіихъ! По воскресеніи всѣ предстанутъ предъ судъ Божій, о которомъ уже прежде сказано въ сей

части подъ § 25, а по судѣ однимъ послѣдуетъ награжденіе, другимъ наказаніе.

§ 42.

О блаженствѣ праведныхъ и казни злыхъ. По воскресеніи изъ мертвыхъ праведники наслѣдятъ вѣчный животъ, а грѣшники осудятся на вѣчное наказаніе.

Вѣчный животъ, который получатъ праведники за свою непорочную вѣру, есть блаженнѣшее состояніе непрестанной радости. Сія радость будетъ истинная, твердая и величайшая; проистекать она будетъ изъ двухъ источниковъ, то есть, изъ разума и воли. Въ разумѣ будетъ самый чистый свѣтъ Богопознанія. „Видимъ бо нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу“ (1 Кор., 13, 12), и узримъ Его, якоже есть“. Откроется тогда ясно высочайшее и преблаженное Божество со всѣми Его безконечными и прекрасными совершенствами. А въ семъ пресвѣтломъ зерцалѣ Божіей премудрости усмотримъ и прочія вещи въ своихъ совершенствахъ столько, сколько созданный нашъ разумъ вмѣстить можетъ. А въ волѣ будетъ совершенная святость и ничѣмъ не смущаемая тишина: ибо Спаситель обѣщался Церковь Свою представить тогда „въ славѣ, неимущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ“ (Ефес., 5, 27). Почему чрезъ сіи два великіе союзы блаженный соединится съ Богомъ столь тѣсно, что Богъ будетъ въ немъ, а онъ въ Богѣ, будетъ какъ бы другой нѣкій Богъ, будетъ обоженъ; или, по Павлову слову (1 Кор., 15, 28), „будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“. То есть: Онъ будетъ разуму свѣтъ, сердцу веселіе и тишина, очамъ радость, вкусу сладость, пріятность ушамъ; Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда, Онъ будетъ всяческая во всѣхъ. Тогда исполнится пророчество Исаіино (51, 11): „Пріидутъ въ Сіонъ съ радостію и веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала и радость пріиметъ я: отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“. Въ дополненіе присноживущей радости сей будетъ наше сожитіе съ чистѣйшими ангелами, съ пророками, съ преславнымъ апостольскимъ ликомъ, съ торжествующими мучениками, съ увѣнчанными преподобными и со всѣми праведными духами. Будемъ веселиться ихъ обращеніемъ, услаждаться бесѣдою, играть отъ шума празднующихъ; но все сіе заключить надобно Павловымъ словомъ: „око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор., 2, 9). Сіе есть праведныхъ награжденіе. А грѣшники, кои были упрямыми презрителями истины и вѣры, и прожили всю жизнь въ злодѣяніяхъ и въ нераскаяніи, отвержены будутъ на вѣки отъ Бога, отъ крайняго онаго добра и отъ Создателя своего, и лишатся

всей надежды милосердія Его, опровержены будутъ въ горестнѣйшее состояніе, въ сожитіе съ демонами, на мѣсто печали, болѣзни, скрежета зубовъ, неумирающихъ червей, неугасающаго огня, на мѣсто непрестающаго мученія. И тогда-то исполненіе свое получитъ Христово слово: „идутъ сіи (грѣшники) въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѳ., 25, 46).

„Оправдившееся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, Имже и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою въ благодать сію, въ ней же стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія“ (Римл., 5, 1—2).

Здѣсь заключается все, что надлежитъ до вѣры и надежды, первѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О законѣ Божіемъ.

§ 1.

„Вѣра безъ дѣла мертва есть“ (Іак., 2, 20).

Въ Символѣ содержится ученіе о вѣрѣ и надеждѣ; слѣдуетъ предложеніе о любви, чрезъ которую преждереченныя добродѣтели совершаются, и которая есть основаніе добрыхъ дѣлъ и благочестнаго житія. Никто не можетъ сомниться, что твореніе добрыхъ дѣлъ христіанину есть необходимо нужно ко спасенію. Ибо, во-первыхъ, самъ Божій законъ, обѣщанія земныя и небесныя за добродѣтель, а наказанія и угроженія за преступленіе Божіихъ заповѣдей требуютъ отъ насъ житія сходнаго со святою Божіею волею. „Не всякъ бо глаголяй Ми, Господи, Господи, внидетъ въ парствіе небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ“ (Матѳ., 7, 21). Второе, тая благодарность, какою мы одолжены за искупленіе нашему дражайшему Спасителю, сильно обязываетъ насъ къ исполненію Его святыхъ повелѣній. Ибо Онъ съ тѣмъ съ небесъ сошелъ, воплотился, страдалъ и умеръ, чтобы, искупивъ и очистивъ насъ, содѣлать исправнѣйшими и ревнительнѣйшими къ добродѣтели; а наипаче, что въ семъ подвигѣ благихъ дѣлъ Самъ Онъ Своею благодатію намъ помогать обѣщался. Сіе разсужденіе есть Павлово, который такъ пишетъ (Римл., 6, 2—3): „Иже умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ? или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся?“. „Сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати

намъ грѣху“ (Римл., 6, 6). Почему неисправно живущій христіанинъ и обращеніе свое къ Богу дѣлаетъ подозрительнымъ, и вѣру свою опорочиваетъ, и благодать Христову пренебрегаетъ, и самъ себѣ ко спасенію дѣлаетъ препятствіе. И хотя, по высокому ученію Павлову, „не можетъ оправдаться человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою“ (Гал., 2, 16); однако, сіе не только не отвергаетъ дѣланія благихъ дѣлъ, но еще паче утверждаетъ. Ибо, подлинно, человѣкъ, обращаясь къ Богу и представляя самого себя предъ судъ Его, ничего въ себѣ не находитъ добра, но паче долженъ признать себя быть достойна гнѣва Его; слѣдовательно, въ такомъ тѣсномъ случаѣ не имѣетъ онъ иного убѣжища къ оправданію своему, какъ токмо вѣру и сердечное упованіе на Іисуса Христа, Который умеръ за наши грѣхи и заслужилъ намъ милосердіе Небеснаго Отца. Однако, оправдившійся вѣрою и принявшій благодатныя силы Духа Святаго неотмѣнно обязуется засвидѣтельствовать свое обращеніе плодами любви, и содѣйствіе благодати употреблять на твореніе благихъ дѣлъ. О семъ Апостолъ очень ясно написалъ въ посланіи къ Ефесянамъ,—гдѣ, оправданіе приписуя вѣрѣ, добрыя дѣла поставляетъ за нужное изъ того слѣдствіе. „Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится. Того бо есмы твореніе создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая“(2, 8—10). Присемъ знать надобно, въ какомъ разумѣ написалъ Апостолъ оныя премудрыя слова: „нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатію“; и: „нынѣ упразднихомся отъ закона, умерше, имъ же держими бѣхомъ“ (Римл., 6, 14; 7, 6)...Не должно думать, аки бы сими словами Апостолъ отвергалъ Божій законъ,—да не будетъ! Но даетъ намъ чрезъ то знать: 1) что истинно вѣрующій не находитъ себя подъ игомъ закона, который грѣшника поражаетъ проклятіемъ; 2) что христіанинъ хотя и согрѣшитъ по немощи,—благодать строгости закона его не отдаетъ, но принимаетъ его покаяніе и оставляетъ грѣхъ.

§ 2.

Что есть законъ? Различіе добрыхъ и худыхъ дѣлъ показывается намъ Божіимъ закономъ.

Законъ есть правило, предписывающее, что долженъ человѣкъ дѣлать, и чего не дѣлать. Почему доброе дѣло есть то, которое сходно съ закономъ; а худое, которое съ онымъ не сходно. Доброе дѣло иначе называется „добродѣтель“, а худое—„порокъ, грѣхъ, беззаконіе“. Сіе правило, опредѣляющее различіе добрыхъ и худыхъ дѣлъ, должно быть дано отъ Самого Бога. Ибо единъ Богъ есть Тотъ, Который отъ самой вѣчности безпогрѣшительно узнаетъ истинное добро и истинное зло; а

притомъ, добрыя дѣла творить и убѣгать худыхъ долженъ человѣкъ по совѣсти, но единъ Богъ обязать можетъ совѣсть человѣческую. Почему всѣ человѣческіе законы не иначе обязываютъ, развѣ поелику сходны съ закономъ Божіимъ, и на немъ какимъ ни есть образомъ основаніе свое имѣютъ.

§ 3.

Законъ Божій написанъ у всякаго на сердцѣ, и онъ же содержится въ десяти заповѣдяхъ, отъ Бога Моисею данныхъ, кои суть слѣдующія (Исход., 20):

а) „Азъ есмь Господь Богъ твой: да не будутъ тебѣ Бози иніи развѣ Мене“.

в) „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, и да не послужиши имъ“.

г) „Не пріемли имене Господа Бога твоего всуе“.

д) „Помни день субботный, сже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый, суббота Господу Богу твоему“.

е) „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли“.

г) „Не убій“.

з) „Не прелюбодѣйствуй“.

и) „Не укради“.

ѳ) „Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“.

і) „Не пожелай жены искренняго твоего: не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика ближняго твоего“.

Всякъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ имѣетъ напечатанный законъ, то-есть, способность къ различенію добра отъ зла. Такъ, напримѣръ, сколько бы кто грубъ ни былъ, знаетъ, что почитать Бога, любить и призывать Его на помощь есть добро,—также почитать родителей, быть благодарнымъ предъ благодѣтелями и другого не обидѣть есть похвально; а, напротивъ, хулить Бога и другого обижать есть худо. Ибо всѣ въ мысли своей имѣютъ сіе впечатлѣніе, „чтобы не дѣлать другимъ то, чего не хочешь себѣ“. И сей законъ называется „естественный, природный и врожденный“; а разсужденіе собственное о себѣ, производимое по основаніямъ закона сего, зовется „совѣсть“, которая за добро увеселяетъ душу, а за зло угрызаетъ,—и сіе увеселеніе есть естественное и неизмѣняемое награжденіе за добродѣтель, а угрызеніе—естественное наказаніе за порокъ. О законѣ семъ пишетъ Апостолъ

„Языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло закона написано въ сердцахъ своихъ, споспѣшествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или оправдывающимъ“ (Римл., 2, 14—15). Естественный законъ съ изъясненіемъ изображенъ въ десятословіи Моисеевомъ, или въ десяти заповѣдяхъ, данныхъ отъ Бога Моисею. Извѣстно бо изъ Священной исторіи, что Богъ, избравъ Израиля или іудеевъ, потомковъ Авраамовыхъ, въ собственный Себѣ народъ и отмѣннымъ образомъ управляя его, хотѣлъ дать знать всему свѣту Свои судьбы. Онъ чрезъ избраннаго Своего Моисея далъ ему законъ, который былъ тройственный: обрядовый, гражданскій и нравоучительный. Обрядовый былъ о священнодѣйствіяхъ и обрядахъ іудейской Церкви; и понеже оные обряды были проображеніемъ и руководствомъ благодати Евангельской, то всякъ видитъ, что они, а слѣдовательно, и весь обрядовый законъ, по пришествіи Спасителевомъ, самъ собою долженъ престать. Гражданскій законъ предписывалъ правила, по которымъ гражданство іудейское должно было управлять себя; сей законъ обязывалъ токмо одинъ іудейскій народъ. Нравоучительный законъ содержитъ въ себѣ правила о должностяхъ къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ. И сей законъ есть непремѣнный и вѣчный: ибо всѣхъ человѣковъ всегда къ исполненію своему обязываетъ. Сей нравоучительный писанный законъ есть ясное изображеніе естественнаго закона, для того, что нѣтъ въ немъ ни одного правила, объ истинѣ котораго не увѣрила бы человѣка сама совѣсть. А чтобы знать, что побудило Бога изобразить Писаніемъ естественный законъ,—для сего должно памятовать оное бѣдное и развращенное состояніе, которому подвергъ человѣка грѣхъ. Ибо мы видѣли, что человѣкъ, Евангельскою благодатію не просвѣщенный, имѣетъ потемненное понятіе о Богѣ и о добродѣтели, по природной склонности къ худому часто свои погрѣшности извиняетъ, и нерѣдко добронравіе прикрываетъ порочными, а злонравіе похвальными именами; наприм., кротость почитаетъ боязливостію, благочестіе—суевѣрствомъ, неукротимую, безразсудную смѣлость—великодушіемъ. Посему Богъ, предупреждая превратныя человѣческія мнѣнія, благоволилъ Свой законъ изъяснить Писаніемъ, дабы въ немъ, какъ въ зеркалѣ, всякъ всегда усматривалъ, что дѣлать и что не дѣлать надобно.

§ 4.

Что есть основаніе закона? Весь законъ и всѣ заповѣди утверждаются на двухъ основаніяхъ, на любви къ Богу и любви къ ближнему.

Въ десятисловіи Моисеевомъ содержится десять заповѣдей, изъ которыхъ первыя четыре учатъ, какъ любить Бога,—другія шесть, какъ

любить ближняго. Сіе раздѣленіе подтвердилъ Самъ Спаситель, когда на вопросъ фарисеевъ вспомянулъ двѣ заповѣди, любовь къ Богу и къ ближнему, а потомъ заключилъ: „въ сихъ обѣихъ заповѣдяхъ весь законъ и пророцы висятъ“, то-есть, содержатся (Матѳ., 22, 40). Да и подлинно, кто любитъ Бога и ближняго, тотъ исполняетъ всѣ заповѣди. Ибо, кто всѣмъ сердцемъ любитъ Бога, тотъ усердно Ему служитъ, прославляетъ Его имя, и всѣ времена, всѣ случаи употребляетъ къ оказанію знаковъ своего благочестиваго почитанія Верховному Существу. Такъ же, кто истинно любитъ ближняго, тотъ не отдастъ ли всякому должное почтеніе? откажется ли въ нуждахъ подать ему помощь? а уже какъ дерзнетъ присвоить себѣ вещь, принадлежащую другому, или коснуться съ обидою жизни или чести другого словомъ, или дѣломъ, или самою мыслію? До сего и подобнаго истинная любовь допустить никакимъ образомъ не можетъ, и потому любовь называется „исполненіе закона и союзъ совершенства“.

Что есть сраженіе должностей? При семъ разсужденіи знать надобно, что между сими двумя знатными должностями, а именно: „любить Бога и ближняго“, нѣкогда бываетъ, такъ называемое, „сраженіе“, то-есть, случается, что нельзя сохранить любовь къ себѣ, или и къ ближнему, не нарушивъ Божіей любви. Напримѣръ, обязанъ я естественнымъ закономъ сохранять свою жизнь; но бываетъ нѣкогда, что вѣру въ Бога цѣлу сохранить не возможно, не предавъ на жертву за истину жизнь свою. Такъ же закономъ совѣсти одолжается всякъ почитать родителей, повиноваться начальникамъ, любить жену и дѣтей; но нерѣдко же приключается, что нельзя пребыть непорочнымъ хранителемъ благочестія иначе, развѣ оставивъ родителей, и не повинуясь повелѣніямъ верховныхъ властей, когда они повелѣвали бы дѣлать противное закону Божію, а родители старались бы отвлечь своихъ дѣтей отъ пути спасенія, какъ то было во времена гоненій на христіанъ. Въ такихъ случаяхъ любовь къ Богу должно предпочесть всему, позабыть самого себя, и все дражайшее въ жизни почесть за ничто, ежели бы оно было препятствіемъ любви Божіей и спасенію нашему. И въ семъ разумѣ Спаситель нашъ сказалъ (Лук., 14, 26): „аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ Отца своего, и матерь, и жену и дѣтей, и братію и сестеръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ“. Исполнивъ это самымъ дѣломъ, избранный Христовъ сосудъ сказываетъ: „вся уметы быти вмѣнихъ, да единаго Христа пріобрящу“. Въ семъ-то состоитъ „отверженіе міра и самого себя“. Подобное сраженіе можетъ быть и въ любленіи ближняго. Ибо подъ именемъ ближняго разумѣется всякъ человѣкъ; но иной человѣкъ есть въ высшей степени ближній, нежели другой,—такъ, напримѣръ, родитель и сродникъ

есть ближе ко мнѣ, нежели незнаемый и чужой,—правовѣрный ближе, нежели иновѣрный,—одноземецъ ближе, нежели чужестранецъ,—благодѣтель и другъ ближе, нежели непріятель и врагъ. По Евангельской заповѣди одолжаемся мы всѣхъ сихъ любить, и объ ихъ пользѣ старательство имѣть; однако, когда всѣмъ вкупѣ благодѣтельствовать не можемъ, должно одного предпочитать другому, какъ, напр., сродника—чужому, правовѣрнаго—иновѣрному и прочая. Точно сіе различіе наблюдать повелѣваетъ Апостолъ: „да дѣлаемъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ“ (Гал., 6, 10), то-есть, согласнымъ съ нами въ вѣрѣ; и въ другомъ мѣстѣ: „Аще кто о своихъ, паче же о домашнихъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть“ (1 Тим., 5, 8). То же самое сказать надобно и о любви къ самому себѣ. Хотя любовь къ самому себѣ естественно есть велика, и мы ближняго обязуемся любить какъ самихъ себя, а не выше себя; однако, любовь къ общему добру, то-есть, къ сохраненію цѣлости общества, должна быть почитаема еще выше, нежели любовь къ самому себѣ.

§ 5.

Первая заповѣдь учитъ, дабы мы сердцемъ признавали и устами исповѣдали, что единъ токмо есть Богъ, и о Божественныхъ свойствахъ Его содержали бы такъ, какъ въ томъ наставляетъ насъ Божіе слово.

О томъ, что Богъ есть единъ, и о прочихъ Божественныхъ Его свойствахъ, была рѣчь въ самомъ началѣ первой части, подъ раздѣленіемъ 5, гдѣ какъ самымъ разумомъ, такъ и изъ Священнаго Писанія утверждено, какое о величествѣ Божіи мы должны имѣть понятіе. Посему, когда сходно съ тѣмъ содержимъ о Богѣ, тогда мы исполняемъ первую сію заповѣдь. Противъ заповѣди сей погрѣшаютъ:

1) Безбожники, которые съ безотвѣтнымъ безпутствомъ дерзаютъ говорить, что Бога нѣтъ. И какъ о бытіи Божіи истина есть сама чрезъ себя весьма свѣтла и глубоко напечатана на сердцѣ всякаго: то не безъ причины нѣкоторые усомнѣваются, чтобы были такіе безбожники, конхъ собственная совѣсть въ томъ не осуждала бы. Къ безбожникамъ причисляться должны и тѣ, кои міръ сей или натуру вещей называютъ богомъ.

2) *Многобожники.* Многобожники, какіе были въ язычествѣ, которые, по непонятному нѣкоторому заблужденію, принимали многихъ боговъ, и ихъ владѣнію присвояли разныя твари, какъ-то: Юпитера поставляли надъ небомъ, Плутона—надъ адомъ, Бахуса почитали богомъ пьянства, а Венеру богинею сладострастнаго невоздержанія; и, по Павлову слову, „измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ“ (Римл., 1, 23).

3) *Эпикуры.* Такъ обыкновенно называемые эпикуры, которые хотя и признаютъ быть Бога, однако отвергаютъ Его Промыслъ и думаютъ, что все въ свѣтѣ бываетъ не опредѣленіемъ и премудрымъ управленіемъ Божіимъ, но или слѣпымъ нѣкіимъ случаемъ, или по неизбѣжимой нѣкоторой необходимости, что называютъ „рокомъ“. Есть еще люди, которые хотя словами признаютъ Промыслъ, но дѣлами отмещутъ его, то есть, живутъ такъ, что аки бы ни мало не надѣялись быть по смерти мздовоздаянію праведнымъ, а наказанію злымъ.

4) *Волшебники.* Волшебники или колдуны, которые шептаніемъ нѣкіихъ словъ обѣщаютъ счастіе или отвратить болѣзнь, или чинятъ неизвѣстно какіе заговоры, или діавольскимъ нѣкимъ дѣйствіемъ повреждаютъ другихъ, или по чертамъ рукъ предсказываютъ нѣчто, или къ отвращенію какого-нибудь зла на шеи привѣшиваютъ нѣкоторыя привѣски и писанныя бумажки, и употребляютъ прочіе бѣсовскіе вымыслы къ прельщенію простаго народа. Но не меньше согрѣшаютъ и тѣ, которые къ нимъ прибѣгаютъ, и отъ нихъ ожидаютъ нѣкоторой помощи: ибо все сіе противно Божію Промыслу, и Бога какъ бы исключаетъ изъ правительства міра сего.

5) *Суевѣры.* Суевѣры, которые по нѣкоторымъ вещамъ или лицамъ дѣлаютъ бездѣльныя примѣчанія, или приписываютъ имъ нѣкую и силу. Таковы суть тѣ, кои толкуютъ сны и имъ вѣрятъ, разбираютъ встрѣчи и дни примѣчаютъ, который счастливъ къ начинанію, и который несчастливъ. Но несноснѣе—тѣ суевѣры, которые спасеніе поставляютъ въ нѣкоторыхъ наружностяхъ, а именно, которые долго, но съ лицемѣріемъ молятся, чтобы другіе почитали ихъ за святыхъ; или хотя молятся и безъ лицемѣрія, но однимъ токмо проворствомъ языка, а не духомъ; однако, думаютъ, что они тѣмъ одолжили Бога,— за какихъ Евангеліе почло фарисеевъ. Такъ же и тѣ, кои въ ношеніи нѣкотораго платья или стриженіи волосъ находятъ, не знаю какую, святость, или чинятъ разборъ между новыми и старыми книгами. Не меньше же есть погибельное суевѣрство и тѣхъ, которые гордо надѣются на свои дѣла: ибо неотмѣнно должно дѣлать благія дѣла, но при нихъ надежду спасенія полагать на милосердіе Спасителя. Противно же сей заповѣди суевѣріе потому, что чрезъ оное человѣкъ надеждою отлагается отъ Бога и отъ истины Его.

6) *Еретики.* Еретики и раскольники, которые къ истинѣ Божіей примѣшиваютъ свои вредныя мнѣнія, а тѣмъ самымъ и оскорбляютъ величество Божіе, и другихъ отъ истиннаго пути отводятъ.

7) *Отметающіе Св. Писаніе.* Отметающіе Священное Писаніе, или которые и пріемлютъ оное, но излишне любопытствуютъ въ немъ, то есть, и самихъ тайныхъ судебъ Божіихъ хотятъ узнать сокровен-

ныя причины и способы, или которые о нѣкіихъ членахъ вѣры сомнятся, или нѣкоторымъ благочестивымъ церковнымъ обрядамъ смѣются, и худо толкуютъ: ибо такіе нѣкоторымъ образомъ уничтожаютъ величество Божіе.

8) *Надѣющіеся на богатство, силу, разумъ.* Грѣшатъ же противъ сей заповѣди и тѣ, которые чрезмѣрно уповаютъ на богатство, или полагаются на свою или чужую человѣческую силу, или надѣются на свой разумъ и выдумки, и, ни мало не помышляя о Божіемъ всемогущемъ Промыслѣ, но единственно ласкаясь помощію тѣхъ,—обѣщаютъ себѣ всякую безопасность и счастіе. И для того Божій Пророкъ пишетъ: „Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка и утвердитъ плоть мышцы своея на немъ, и отъ Господа отступитъ сердце его“ (Іерем., 17, 5). Кратко заключить: противъ заповѣди сей согрѣшаетъ всякъ тотъ, кто или явно развращенныя и противныя о Божествѣ питаетъ мысли, или содержитъ что нибудь такое, которое не можетъ быть соглашено съ честію величества Божія,—или привязываетъ себя къ нѣкоторой твари такъ, что единственное въ ней находитъ свое услажденіе и упованіе.

Сему не противно призываніе святыхъ. Мы не преступаемъ заповѣдь сію, когда призываемъ святыхъ умершихъ: ибо сіе призываніе святыхъ, по разуму благочестивой нашей Церкви, есть весьма различно отъ призыванія Бога. Призываемъ Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, яко верховнаго Господа и всемогущаго всѣхъ вещей Содержителя, а святыхъ, яко служителей Его, но которые съ Нимъ обитаютъ въ блаженной вѣчности. Призываніе Божіе состоитъ въ нижайшемъ покореніи духа величеству Божію и въ утвержденіи всей надежды на Него, а призываніе святыхъ состоитъ въ соединеніи нашихъ милитвъ съ молитвами ихъ. Въ утвержденіе сего довольно то, что святые, еще будучи въ жизни сей, молились за другихъ, и сами отъ другихъ требовали молитвъ о себѣ, какъ ясно о томъ упоминается (Римл., 15, 30; 2 Кор., 1, 10; Филип., 1, 4; Дѣян., 12, 5). Кольми паче, приблизившись или и соединившись съ Богомъ и наслаждаясь непрестаннымъ Его зрѣніемъ, не возможно, чтобы они не имѣли открытыхъ Божеству самыхъ усердныхъ желаній о спасеніи всѣхъ вѣрующихъ; а когда—такъ, то какая имѣетъ быть противность—молитвы наши, или, что то же есть, желаніе о спасеніи нашемъ соединить съ молитвеннымъ желаніемъ ап. Павла? Въ чемъ состоитъ призываніе святыхъ? Симъ призываніемъ не отвергается всесильное ходатайство Іисуса Христа: ибо ходатайство Его есть всегдашнее и нужнѣйшее основаніе какъ молитвъ нашихъ, такъ и предстательства святыхъ. Однако, не должно такъ худо думать, чтобы сіе воздаваемое отъ насъ почтеніе святымъ могло насъ

упользовать, ежели мы живемъ въ неисправленіи и въ нераскаяніи: ибо нѣтъ больше угодникамъ чести сей, какъ подражать житію ихъ, и и такъ же надѣяться на единаго Бога, какъ они надѣялись на единаго Бога.

Почему неизвинительно и зѣло противъ сего согрѣшаютъ тѣ, которые угодниковъ Божіихъ почитаютъ Божескою или почти Божескою честію, надѣются на нихъ почти столько же, какъ и на Самого Бога, моленія имъ приносятъ больше и чаще, нежели Самому Богу, память ихъ и празднованія чествуютъ съ большимъ благоговѣніемъ, нежели праздники Господни; иконы ихъ содержатъ въ большемъ почтеніи, нежели Самого Спасителя нашего. Ибо святые угодники Божіи сколь сами по себѣ ни велики, но суть рабы Божіи и Его рукъ созданіе, слѣдовательно, по сему между ними и Богомъ есть безконечное различіе. Крѣпко убо блюсти надобно, дабы кто не былъ зараженъ симъ заблужденіемъ.

Предосторожности противъ заблужденій. Для избѣжанія всѣхъ вышепомянутыхъ преступленій закона суть два полезныя средства: 1) Отвергнуть всякія предпріятыя мнѣнія, которыя въ нашу голову входятъ или отъ дурной привычки, или отъ обращенія, съ безпутными людьми, или отъ чтенія вредныхъ книгъ, или отъ свободности, по которой мы дерзаемъ разсуждать смѣло обо всемъ, отвергнуть все сіе, и держаться здраваго и чистаго разума при помощи разумныхъ людей и чтенія полезныхъ книгъ. 2) Покорить себя истинѣ Откровенія, то есть, принять за правило всѣхъ своихъ разсужденій Божіе слово, и во всемъ послѣдовать его предводительству. Сіе средство есть самое надежное, такъ какъ, напротивъ, нельзя не заблудить, кто или оное отметаетъ, или въ испытаніи его даетъ много воли любопытнымъ своимъ мыслямъ. Ибо, по ученію св. Петра, „добрѣ творимъ, когда слову Божію внимаемъ, яко свѣтильнику сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ“ (2 Петр., 1, 19).

§ 6.

Вторая заповѣдь запрещаетъ идолослуженіе, и всякій непозволительный способъ богопочтенія.

Какіе были идолопоклонники? Нѣкогда было такое заблужденіе всѣхъ почти народовъ (да и нынѣ нѣкоторыхъ), что они или нѣкоторыя твари, какъ-то: солнце, луну, огонь и самыхъ скотовъ—воловъ, кошекъ, крокодиловъ, а иные и травы — лукъ и чеснокъ почитали за боговъ, и чествовали ихъ жертвоприношеніями и другою честію божескою, или дѣлали болвановъ въ образѣ человѣка и другихъ животныхъ, и имъ, какъ нѣкоему божеству, поклонялись. Изъ сего мерзкаго и страшнаго заблужденія извела насъ благодать Іисуса Христа (1 Петр., 4, 3). Подобны симъ идолопоклонникамъ и тѣ, кои работаютъ своей

мамонѣ и чреву, то есть, имѣютъ всѣ свои мысли всегда занятыя тѣмъ, чтобы или безъ конца и безъ употребленія собирать богатство, или единственно угождать и жертвовать своимъ плотскимъ склонностямъ: ибо у такихъ людей мамона и чрево есть нѣкій идолъ, которому они всѣ свои услуги посвятили. И потому Св. Писаніе „сребролюбіе“ (Кол., 3, 5) называетъ идолослуженіемъ, „а чрево“ (Филип., 3, 19) въ разсужденіи ихъ—„богомъ“.

Сія же заповѣдь запрещаетъ всякій непозволительный способъ Богопочтенія, то есть, когда кто думаетъ угодить Богу тѣмъ, что Ему непріятно, и что въ словѣ Его не предписано. Такіе, напр., были тѣ израильтяне, которые приносили Богу богатыя жертвы, а житіе свое вели неисправно; и потому Богъ, чрезъ Своего Пророка (Ис., 1, 11), почитаетъ принесенный отъ такой руки семидалъ, то есть, самую чистую муку, сустнымъ, кадило—мерзостію, и самаго тучнаго тельца—псомъ. Слѣдовательно, заповѣдь сію преступаютъ:

1) *Лицемѣрные богомолы—ты*, которые молятся долго (что само чрезъ себя есть благочестиво) да и думаютъ, что услышаны будутъ за самое многоглаголаніе свое, хотя бы притомъ въ себѣ не чувствовали никакого сокрушеннаго духа. Подобные симъ—и тѣ лицемѣры, кои при всякихъ случаяхъ оказываютъ себя ревнителями по имени Божіи, ревнителями вѣры, славы и пользы церковной, и всѣ свои разговоры растворяютъ бесѣдами духовными (что, подлинно, похвально); однако, со всѣмъ тѣмъ, дѣлаютъ сіе или съ намѣреніемъ тщеславія, или прибытка,—или и безъ сего намѣренія, но оная ревность состоитъ только въ однихъ словахъ, а поступки ни мало не соотвѣтствуютъ тому.

2) *Лицемѣрные постники*, которые постятся, то есть, воз ерживаются отъ нѣкоторой пищи, а между тѣмъ упиваются и дѣлаютъ всякія непристойности,—чрезъ что опорочивается истинный постъ, который состоитъ не въ воздержаніи токмо отъ яствъ, но паче въ воздержаніи страстей. До сихъ же надлежатъ тѣ, которые сооружаютъ церкви, или окладываютъ иконы, а притомъ обираютъ неповинныхъ, кои суть церкви Бога живаго,—или самыхъ бѣдныхъ оставляютъ безъ пропитанія; однако, тщетно увѣряютъ себя, что они исполнили все надлежащее до спасенія. А по Христову слову, „сія подобаетъ творити, и онѣхъ не оставляти“ (Матѳ., 23, 23).

3) *Суевѣры*, которые чудотворныя и нѣкія явленія выдумываютъ для сквернаго прибытка, или по нѣкоторому безумному надѣянію спасенія души своей; или которые къ нѣкоторымъ мѣстамъ привязываютъ неизвѣстно какую святыню, увѣряя себя, яко бы Богъ на одномъ мѣстѣ слышитъ скорѣе молитву, нежели на другомъ. Кратко, противъ сей заповѣди согрѣшаетъ всякъ, кто, по свидѣтельству Христову

(Матѳ., 23, 23), полагаетъ свое спасеніе въ нѣкоторыхъ наружностяхъ, „оставивъ вящшая закона, судъ и милость и вѣру“. И потому о нихъ же небесная Истина свидѣтельствуетъ, что только „усты своими чтутъ; сердце же Ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя, учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ“ (Матѳ., 15, 8, 9).

Почтеніе иконъ заповѣди сей не противно. Не противно сей заповѣди, когда мы, по древнему обычаю христіанскому, храмы свои молитвенные украшаемъ святыми иконами. Ибо, во-первыхъ, мы Бога невидимаго и неописаннаго не изображаемъ на иконахъ и изобразить не можемъ, но изображаемъ Спасителя нашего въ видѣ принятаго Имъ человѣчества, или угодниковъ Его. Второе, иконы дѣлаются и во храмахъ поставляются не къ боготворенію, но къ воспоминанію дѣлъ Божіихъ и угодниковъ Его, дабы, на нихъ взирая, напримѣръ, на распятаго Господа, возбудили духъ свой къ благочестію, или къ подражанію нѣкоторыхъ дѣлъ. Третіе, поклоненіе, которое дѣлаемъ мы предъ иконами, не привязываемъ къ самимъ иконамъ, то есть, къ доскамъ, краскамъ, окладу или искусству мастера; но относимъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онѣ представляютъ, а икону чествуемъ любительнымъ токмо пріятіемъ и цѣлованіемъ.

Такъ, напримѣръ, кланяясь предъ иконою Христа Спасителя моего,—покореніе духа моего, вѣру, прошеніе мое и упованіе, да и самое поклоненіе отдаю единому Спасителю, на небесѣхъ и вездѣ сущему; а икона только есть нѣкоторое чувствительное побужденіе къ тому. Да и то при семъ знать надобно, что поклоненіе, творимое предъ образомъ Спасителевымъ и предъ образомъ нѣкоего угодника, хотя, повидимому, есть сходно и подобно,—но самою вещію есть великое въ томъ различіе. Ибо поклоненіе предъ образомъ Спасителя состоитъ въ глубочайшемъ покорении души, яко Господу и Творцу всѣхъ; а поклоненіе, предъ иконами святыхъ дѣемое, есть почтеніе, какое отъ любовнаго сердца мы отдаемъ святымъ, какъ угодникамъ Его и какъ, по естеству и по единому обществу Церкви, единаго съ нами тѣла членамъ.

Кто въ почтеніи иконъ заблуждатъ? Но, со всѣмъ тѣмъ, правильное и святое сіе почтеніе иконъ можетъ обращено быть въ несносный порокъ идолослуженія, когда кто все свое почтеніе привязываетъ къ святымъ иконамъ и на ихъ вещество надѣется; когда, напримѣръ, кто больше въ одной иконѣ, нежели въ другой, находитъ святости или надежды ко спасенію,—какъ то дѣлаютъ тѣ, кои приносятъ въ церковь свою икону и ей только покланяются,—или почитаютъ больше окладную нежели неокладную,—старую, нежели новую икону,—или не хотятъ тамъ и молиться, гдѣ иконы не видятъ. Такіе и подобные зѣло согрѣшаютъ и великій дѣлаютъ стыдъ истинной христіанской вѣрѣ.

Для избѣжанія вышеномянутыхъ заблужденій памятовать надобно: 1) Что богослуженіе не можетъ быть истинное, ежели не происходитъ отъ сокрушеннаго и нелицемѣрнаго духа: ибо всѣ наружные знаки богопочтенія суть токмо свидѣтельство внутренняго благочестиваго къ Богу усердія, безъ котораго они ничего не стоятъ. И для того Евангеліе требуетъ, чтобъ „поклонники Божіи покланялись Богу духомъ“ (Іоанн., 4, 23), а не по наружности одной,—„и истиною“, а не по лицемѣрію. 2) Единственно держаться Божіяго слова и твердо увѣрить себя, что въ немъ одномъ содержится истинное правило, какъ намъ Богу угождать должно. И потому Христосъ о Священномъ Писаніи сказалъ, что „въ немъ содержится животъ вѣчный“ (Іоанн., 5, 39).

§ 7.

Третія заповѣдь запрещаетъ употреблять имя Божіе съ умаленіемъ страшныя славы Его, а черезъ то предписываетъ намъ всякій истинный способъ Богопочитанія.

Съ великимъ именемъ Божіимъ соединена высочайшая и никому не сообщаемая слава Его, которую тварь во всякомъ случаѣ наблюдать должна со всякимъ благоговѣніемъ и опасностью. Противъ сего согрѣшаютъ.

1) *Хулители.* Хулители, которые противъ Самого Бога и Спасителя нашего Господа Іисуса Христа, или противъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ угодниковъ Его, отрыгаютъ какое ни есть несносное слово, напримѣръ, которые говорятъ, что будто Богъ виноватъ въ нашихъ грѣхахъ потому, что аки бы подаетъ нѣкоторые случаи ко грѣху, или что попускаетъ намъ грѣшить,—или называютъ Его несправедливымъ и немилосердымъ, что аки бы Онъ иному не даетъ, что, по ихъ разсужденію, надобно бы ему имѣть, или аки бы Онъ больше наказываетъ человѣка, нежели чего тотъ достоинъ, или пересуждаютъ Его Божественныя дѣла, сказывая, что то не такъ сдѣлано и могло бы оно сдѣлано быть лучше,—или и настоящее теченіе вещей порицаютъ, что аки бы въ свѣтѣ суть нѣкіе безпорядки, и будто бы Богъ на то невнимательнымъ смотритъ окомъ,—или которые, будучи въ несчастіи и въ болѣзни, нетерпѣливо сносятъ, но ропщутъ на Бога и порицаютъ Его нѣкоею несправедливостію. Такіе и подобные презрители страшнаго имени Божія вельми согрѣшаютъ. До сихъ же надлежатъ и тѣ, кои своимъ хульнымъ языкомъ касаются слова Божія или Священнаго Писанія, и дерзаютъ говорить, что будто бы въ немъ содержатся нѣкоторыя басни, или,—не знаю, какія,—въ немъ находятъ противорѣчія, или аки бы были нѣкоторыя въ немъ мѣста противныя здравому разсужденію, или нѣкоторыя языческія писанія одобряютъ, и предпочитаютъ ихъ книгамъ богодух-

новенныхъ писателей. Такихъ хулителей велѣно въ Ветхомъ завѣтѣ смерти предавать (Левит., 24, 16). Да и нынѣ въ обществѣ христіанскомъ ихъ терпѣть не должно.

2) *Клятвопреступники*, которые клянутся и присягаютъ ложно, или и въ истинѣ присягаютъ, но по своей присягѣ не поступаютъ, а чрезъ то нѣкоторымъ образомъ ругаются Богу, Который въ присягѣ во свидѣтеля призывается, и потому „клятва внидетъ въ домъ кленущагося именемъ Божіимъ во лжу, и вселится посредѣ дому его, и скончаетъ его“ (Захар., 5, 4).

3) *Употребляющіе имя Божіе безъ нужды*,—которые употребляютъ имя Божіе безъ нужды въ самыхъ маловажныхъ вещахъ, и имѣютъ самый негодный обычай, чтобы во всѣхъ своихъ и непристойныхъ разговорахъ примѣшивать великолѣпное имя Господне и говорить: „ей Богу! Богъ видитъ такъ! по Евангельской заповѣди“! а иногда и въ шуткахъ, да еще безчестныхъ, часто вопіютъ непристойно: „О, небо! о, судьба“! До сихъ же безчинниковъ надлежатъ и тѣ, которые въ клятвенныхъ выраженіяхъ употребляютъ скверныя имена языческихъ боговъ, какъ то: Юпитера, Венеры и прочихъ, которыхъ слово Божіе не велитъ и воспоминать, развѣ уничтожая ихъ.

4) *Лжепророки*, которые лжепророчествуютъ, то есть, предсказываютъ нѣчто ложное, но именемъ Божіимъ, или проповѣдуютъ, что аки Богъ сдѣлалъ имъ нѣкія откровенія, и тѣ будто бы приказалъ разсказывать другимъ.

5) *Отъ Бога непристойнаго просящій*. Тѣ, которые просятъ чего-нибудь непристойнаго отъ Бога, какъ, напримѣръ, просятъ иные Бога, чтобы Онъ отомстилъ соперникамъ ихъ; или грабитель молитъ Его, чтобы Онъ въ воровствѣ ему помогъ, а чрезъ то хотятъ имѣть Бога страстей своихъ причастнымъ.

6) *Преступники обѣтовъ*, которые чѣмъ-нибудь Богу обѣщаются, но то не исполняютъ. Какъ, напримѣръ, дѣлаютъ тѣ, кои за нѣкое благодѣяніе Божіе обѣщались предъ Нимъ, чтобъ соорудить въ нѣкоторомъ нужномъ мѣстѣ храмъ, и построить для бѣдныхъ и неимущихъ богадѣльню, или дать нѣчто на содержаніе училищъ, или также обѣщались отстать отъ нѣкоторой страсти, а совсѣмъ тѣмъ своихъ обѣтовъ не исполняютъ.

Въ какихъ случаяхъ употреблять имя Господне? Можно же, да и должно употреблять имя Божіе, когда бываемъ при Его служеніи и воспѣваемъ славу Его. Въ нѣкоторыхъ важныхъ и нужныхъ обстоятельствахъ, какъ то бываетъ въ судахъ, въ которыхъ, по слову Павлову, „всякому прекословію кончина есть клятва“ (Евр., 6, 16). Когда законная власть требуетъ отъ насъ присяги въ дѣлѣ, закономъ

Божіимъ утвержденномъ. При семъ памятовать надобно, что и справедливая клятва не должна быть ни чрезъ какую тварь, развѣ токмо чрезъ единаго Бога, яко вездѣ сущаго, и единаго свѣдущаго совѣты сердечные.

Весьма ясно, что сія заповѣдь, запрещая употреблять имя Божіе не съ подобающимъ благоговѣніемъ, предписываетъ то почтеніе, какимъ человѣкъ обязанъ сему Высочайшему Существу. „Богопочтеніе есть засвидѣтельствованіе внутренняго покоренія духа предъ Богомъ“, и о немъ уже нѣсколько сказано въ первой части, подъ числомъ 1. Существенныя части, изъ которыхъ состоитъ богопочтеніе, суть—любовь къ Богу и страхъ Божій. Любовь къ Богу есть жаркое стремленіе души нашей соединиться съ Нимъ, яко съ вещію прелюбезною, или паче съ самою любовію. „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею“ (Матѳ., 22, 37). Сіе соединеніе бываетъ чрезъ чистое размышленіе о Богѣ и чрезъ добродѣтель. Изъ сего слѣдуетъ, что благочестивая горящая любовію къ Богу душа: 1) Поучается въ законѣ Божіи непрестанно, и въ семъ святомъ упражненіи находитъ единственное свое утѣшеніе. 2) Чрезъ усердныя молитвы восходитъ къ Нему мысленно и приближается къ престолу благодати. 3) Во всякихъ случаяхъ прославляетъ Его имя и проповѣдуетъ благодѣянія. 4) За показанныя къ себѣ милости приноситъ горячее благодареніе, и всякое добро восписываетъ Его щедротѣ. 5) Всю свою надежду полагаетъ на Бога, и всѣ жизни своея случаи повѣряетъ Его святому Промыслу. Слѣдовательно, 6) съ кротостію повинуется всѣмъ Господнимъ повелѣніямъ, и свое упованіе растворяетъ терпѣніемъ. 7) Наконецъ, любитъ и ближняго такъ, какъ онъ самъ желаетъ быть любимъ отъ Бога: „аще бо кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть“ (1 Іоанн., 4, 20). Симъ помянутымъ добродѣтелямъ противны слѣдующіе пороки: 1) Ненависть къ Богу, которая состоитъ въ пренебреженіи исполненія Его заповѣдей. 2) Уныніе или разслабленіе душевное, которое есть нерадѣніе о должностяхъ благочестія, то есть, о молитвѣ, о богомысліи, о хожденіи во храмъ и проч. 3) Неблагодарствіе, которое иногда бываетъ еще съ роптаніемъ на Бога. 4) Сомнѣніе о Божіихъ обѣщаніяхъ, или излишнее упованіе на Бога, или конечное отчаяніе.

Что есть страхъ Божій? Вторая существенная часть Богопочтенія есть страхъ Божій, который состоитъ въ томъ, чтобы, разсуждая Его всемогущество и правосудіе, опасно блюстись не дѣлать того, чрезъ что Онъ прогнѣвляется. Отъ страха Божія рождается: 1) Нищета духовная, которая есть, чтобы смирить себя предъ Богомъ, и признать себя быть повиннымъ предъ судомъ Его. Сему противна фарисейская

гордость, когда кто своими дѣлами превозносится. 2) Покаяніе, или признаніе своихъ грѣховъ съ упованіемъ на милосердіе Божіе. Сіе признаніе, когда произносится устно, называется исповѣданіе. Противно сему нераскаяніе, или нѣкій глубокій сонъ во грѣхахъ. 3) Постъ, или воздержаніе своихъ склонностей, удерживая ихъ стремленіе и покоряя разуму. Для воздержанія страстей полезно есть воздержаніе отъ пищи, дабы симъ обуздать играніе плоти, которая пріятностями и довольствомъ яствъ утучняется и свирѣпствуетъ, а черезъ то душу приводитъ въ разслабленіе. Противно сему невоздержаніе, то есть, когда дается воля склонностямъ тѣлеснымъ; а изъ того проистекаютъ: объяденіе, обжорство, пьянство, и всякія роскоши. Отъ сего такъ увѣщеваетъ Спаситель (Лук., 21, 34): „внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той“. 4) Отверженіе самого себя, то есть, бросить все то, сколькобъ оно, впрочемъ, ни было льстиво, что можетъ быть препятствіемъ спасенію нашему; напримѣръ, почести, богатство, сродство и проч. должны быть почтены за ничто, ежелибъ они препятствовали нашей должности къ Богу. Когда христіанинъ съ прилежаніемъ наблюдаетъ всѣ вышепомянутыя части Богопочтенія, тогда по справедливости называется „благочестивый“.

§ 8.

Четвертая заповѣдь повелѣваетъ, чтобъ мы въ день воскресный и въ другія извѣстныя времена обще собирались на богослуженіе, для возданія той чести, какою тварь обязана Творцу, и для наставленія нашего.

Должно бы намъ непрестанно пребывать въ богослуженіи и молитвѣ, но, по слабости существа нашего и по разнымъ житейскимъ нуждамъ, то бываетъ невозможно. Посему милосердный Богъ, снисходя немощи нашей, для отправленія нашихъ житейскихъ правильныхъ дѣлъ и работъ оставилъ шесть дней, а одинъ только седьмой день опредѣлилъ на служеніе Себѣ. Сей седьмой день отъ начала міра была суббота, что значитъ покой, который день послѣ по пришествіи Спасителевѣ отъ всего христіанства пренесенъ на слѣдующій день за честь воскресенія Христова. Ибо, какъ суббота прежде наблюдалась для того, что въ оный день почилъ Богъ отъ всѣхъ дѣлъ созиданія міра, такъ и день воскресенія пристойно отъ христіанъ долженъ быть почитаемъ для того, что въ сей день Господь нашъ Іисусъ Христосъ опочилъ, то есть, дѣло совершилъ искупленія нашего, которое есть другое нѣкое, новое созданіе твари. Почему, надобно чтобъ сей благословенный день святить, то есть, богоугодно праздновать.

1) *Чтмъ святится праздничный день?* Оставить всякія дѣла и работы, и дать отдохновеніе какъ самому себѣ, такъ и рабу своему и рабынѣ, чтобы хотя мало, отводя мысль свою отъ житейскихъ заботливыхъ суетъ, отправлять безпрепятственно службу Господню, и дабы всѣ, и самыя безсловесныя твари, какъ-то—скоты, могли пользоваться Божіими благодѣяніями. И сіе должно наблюдать крѣпко, развѣ нѣкая необходимая нужда будетъ требовать иначе, какъ, напр., пожаръ, нашествіе непріятельское, болѣзнь ближняго, или какое другое, обществу и ему полезное и времени не терпящее, дѣло. И такіе случаи не нарушаютъ заповѣди сей, ибо чрезъ нихъ нѣкоторымъ другимъ образомъ исполняется Божій же законъ; слѣдовательно, не обезчещивается имя Божіе. Сіе подтверждаетъ Самъ Спаситель: „суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради“ (Марк., 2, 27); то есть, законы субботы иногда могутъ уступить другимъ спасительнымъ человѣческимъ пользамъ.

2) Приходить въ храмъ Божій, чтобы въ общемъ собраніи Церкви благодарить милосердаго Промыслителя за всѣ Его благодѣянія, а въ неисправленіяхъ и грѣхахъ съ сожалѣніемъ признаваясь исповѣдывать и Его же благость молить, чтобы и впредь не преставалъ снабжать Своими святыми благословеніями; а иногда нерѣдко и Божественныхъ Таинъ причащаться, притомъ слушать съ прилежаніемъ чтеніе и пѣніе церковное, и съ усердіемъ внимать проповѣдуемому слову и духовному поученію. Приходить же въ храмы не въ воскресные дни токмо, но и въ другіе знаменитые Господни праздники и угодниковъ Его, дабы чрезъ сіе душеполезное упражненіе больше успѣвать въ благочестіи.

3) Которые удалены отъ церкви, или не допущаются крайнею нѣкоторою нуждою, тѣ должны въ тотъ день на всякомъ мѣстѣ, святыя свои руки простерши къ небу, принести молитву и что-нибудь изъ духовнаго наставленія прочесть; а если кто безграмотенъ, тому другого искуснаго о томъ просить.

4) Въ дому наставлять домашнихъ и поучать закону Божію родителямъ—своихъ дѣтей, господамъ—рабовъ, учителямъ—учениковъ, приставникамъ ввѣренныхъ ихъ смотрѣнію, да и всякому ближняго своего при всякомъ случаѣ стараться духовно упользовать: всѣ бо мы другъ другу члены и братія есмы.

5) Въ сей наипаче день отъ имѣнія своего удѣлить милостыню для бѣдныхъ, или для содержанія другихъ лицъ, а именно: содержать съ удовольствіемъ духовенство, служителей Церкви, „да съ радостію должность свою отправляютъ, а не воздыхающе“: „достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея“,—давать на нужды церковныя и на сооруженіе, такъ же на строеніе богадѣленъ для больныхъ и престарѣлыхъ, на

содержаніе училищъ, на принятіе странныхъ, на искупленіе плѣнныхъ. Кто по сему поступаетъ, тотъ освящаетъ субботу Господню; и онъ уже въ жизни сей начинаетъ оную вѣчную субботу, то есть, покой, которая празднуется въ блаженной жизни (Евр., 4, 8).

Кто грѣшитъ противъ вышереченной заповѣди? А грѣшатъ противъ сей заповѣди:

1) Которые, по нѣкоторому чрезмѣрному пристрастію къ прибыткамъ и богатству, дѣлъ своихъ и работы не оставляютъ. Такіе служатъ мамонѣ и чреву своему, а не Богу, и они весьма мало должны имѣть вѣры и надежды на Божій Промыслъ: ибо они безумно думаютъ, что аки бы всякая польза зависѣла больше отъ труда ихъ, а не паче отъ милости и благословенія Божія. Такая мысль языческая есть, а не христіанская, почему часто правосудіе Божіе дѣлаетъ, что, такимъ образомъ снисканное, богатство пропадаетъ въ одинъ часъ.

2) Которые небрегутъ ходить въ церковь, или по нѣкоторой къ благочестію холодности, или по лѣности, или по неосновательному разсужденію, что церковная общая молитва не превосходнѣе особенной молитвы; а вмѣсто того сіе спасительное время препровождаютъ въ праздности, въ прогулкахъ, въ пьянствѣ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ непристойныхъ играхъ и въ прочихъ безчинствахъ. А хотя для отрады житія—и повеселиться въ праздникъ, только чтобы сіе было безъ поврежденія своего, безъ обиды другого и безъ соблазна.

3) Которые и ходятъ въ церковь, но или по одной привычкѣ, или по нѣкоей наружной пристойности, или для прогулки, и во время приношенія молитвъ и совершенія Таинъ стоятъ неблагочинно, разговариваютъ, смѣются, пересмѣхаютъ, о пустыхъ вещахъ міра сего думаютъ, а иногда и клеветы сшиваютъ, поученій духовныхъ не слушаютъ со вниманіемъ, или еще и пересуждаютъ; а должно всякую проповѣдь, какъ бы она ни была сложена, принимать съ усердіемъ за то единственно, что въ ней проповѣдуется Божіе слово.

4) Которые не знаютъ, да и не стараются знать, Божій законъ и упражняются не въ чтеніи богодухновеннаго Писанія, но соблазнительныхъ книжекъ и вредныхъ сочиненій,—почему бѣдную жизнь свою оканчиваютъ въ крайнемъ невѣдѣніи благочестія.

5) Противъ сего же грѣшатъ неисправные священники, которые паству свою не учатъ и въ собраніяхъ церковныхъ имъ слова Божія не проповѣдуютъ, или (когда бы сами не научены были) другихъ церковныхъ поученій предъ ними не прочитываютъ, а чрезъ то, взявши ключъ разумѣнія, и сами въ царство небесное не входятъ, и другихъ не вводятъ; или чтеніе и пѣніе церковное отправляютъ съ небреженіемъ неблагочинно, весьма спѣшно, а потому соблазнительно и безполезно.

6) Которые отъ имѣнія своего не удѣляютъ и малой части на нужныя духовныя дѣла, какъ-то: на содержаніе причта церковнаго, на сооруженіе церквей, богадѣленъ, училищъ, бѣдныхъ и нищихъ, сиротъ и вдовицъ; но, вмѣсто того, расточаютъ имѣніе свое на излишніе и безмѣрные расходы и роскоши, на безпутныя увеселенія, на бездѣльныхъ смѣхотворцовъ, и на прочія злыя употребленія. Всѣ такіе не святятъ, но сквернятъ субботу, то есть, дни праздничные; и они за то лишатся торжественнаго празднованія въ небесныхъ обителяхъ.

Доселѣ продолжались *четыре* заповѣди, касающіяся до *Бога* и должной Ему чести; слѣдующія *шесть* надлежатъ до нашихъ *ближнихъ* и простираются къ мирному и благополучному житію всѣхъ вообще людей.

§ 9.

Пятая заповѣдь требуетъ, чтобы мы родителямъ своимъ, а подъ именемъ ихъ, во-первыхъ, великому Государю, правительству духовному и гражданскому, учителямъ и благодѣтелямъ, господамъ и старшимъ отдавали достойное почтеніе и повиновеніе, да и всякому человѣку искреннюю любовь.

Въ краткихъ словахъ состоитъ сія заповѣдь, но содержитъ въ себѣ великую силу. Она требуетъ:

1) Родителей своихъ почитать, а почтеніе сіе состоитъ въ томъ, чтобы ихъ любить отъ сердца искренняго, поступать предъ ними съ учтивостію, повиноваться ихъ волѣ и, безъ ихъ благословенія, не начинать никакого важнаго дѣла, ихъ погрѣшности и оскорбленія терпѣливо сносить, при всякомъ случаѣ защищать ихъ честь, и за ихъ благодѣянія пребывать къ нимъ благодарнымъ до смерти,—и сіе благодарствіе оказывать имъ чрезъ всякое возможное вспомоществованіе, а наипаче, когда они придутъ въ скудость и престарѣлость. А родителя должны дѣтей своихъ кормить и хранить ихъ здравіе до совершеннаго ихъ возраста, воспитывать ихъ въ страхѣ Божіи и самими собою не подавать соблазнительныхъ примѣровъ, изыскивать добрыхъ учителей, обучать закону и прочимъ наукамъ, по склонности ихъ, и промышлять имъ доброе состояніе житія,—также не поступать съ ними весьма сурово и жестоко, но иногда исправлять ихъ погрѣшности великодушнымъ снисхожденіемъ, ибо Апостолъ велитъ „родителямъ не раздражать чадъ своихъ, да не унываютъ“. (Кол., 3, 21). А притомъ до самой смерти они должны быть первые и добрые совѣтники дѣтямъ своимъ.

2) *Повиноваться великому Государю.* Великаго Государя, какъ перваго по Богѣ правителя, сердцемъ любить и воздавать ему высокое почтеніе, повиноваться его волѣ, повелѣнія его исполнять съ усердіемъ — безъ роптанія, дань давать доброхотно, о здравіи его и благоденствіи

молиться Богу, а во время нужды за честь его и здравіе противъ непріятелей, (унтовщиковъ и измѣнниковъ не щадить даже жизни самой. „Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется“ (Римл., 13, 1—2). А должность государей есть промышлять о спокойствіи и благополучіи подданныхъ своихъ,—смотрѣть, чтобы правосудіе было наблюдаемо и наглые преступники были бы наказываемы, чтобы власти духовныя и гражданскія въ своей должности исправно пребывали—добрыхъ награждать, а неисправно злыхъ наказывать, и во всемъ представлять себя отцомъ, пекущимся о дѣтяхъ своихъ. Также имѣть подвигъ о благочиніи Церкви и защищать оную отъ презрителей и ругателей, распространять ученія и оными просвѣщать подданныхъ своихъ къ благочестію: ибо Духъ Святый (Ис., 49, 23) правовѣрныхъ государей называетъ „кормителями Церкви“.

3) *Также правителямъ духовнымъ и гражданскимъ.* Повиноваться правительству духовному и гражданскому, любить ихъ безъ лицемѣрія, защищать ихъ честь, являться предъ ними съ учтивостію и самыя ихъ оскорбленія сносить съ благимъ терпѣніемъ сердца. Но долгъ властей духовныхъ есть наставлять людей на путь спасенія и учить добрымъ нравамъ, а гражданскихъ—дѣлать правосудіе и смотрѣть, чтобы подчиненные имъ были въ дѣлѣ своемъ исправны.

4) *Любить учителей и благодѣтелей.* Любить учителей и благодѣтелей и быть всегда предъ ними благодарнымъ, то есть, во всякихъ нуждахъ имъ вспомоществовать и во всякихъ случаяхъ принимать ихъ съ благопривѣтливою ласкою.

5) *Рабамъ почитать господъ.* Рабамъ надлежитъ своихъ господъ бояться страхомъ сыновнимъ, служить имъ вѣрно безъ лѣности, повиноваться имъ безъ роптанія, даже и самыя ихъ строптивости сносить терпѣливо, не красть, но хранить добро господское, какъ собственное свое, и при всякихъ случаяхъ защищать ихъ честь и имя. А господа должны содержать рабовъ, какъ отцы, наставлять закону и добронравію, содержать въ довольствѣ, излишними работами ихъ не отягощать, и наказывать виновныхъ умѣренно, съ намѣреніемъ исправленія ихъ, а отнюдь не для насыщенія свирѣпаго своего сердца, и всегда памятовать оное Апостола Христова увѣщаніе (Колос., 4, 1): „Господіе! правду и уравненіе рабомъ подавайте, вѣдяще, яко и вы имате Господа на небесѣхъ“.

6) Сія же заповѣдь повелѣваетъ любить намъ и ближняго своего, то есть, со всякимъ человѣкомъ обходиться искренно, ласково, учтиво, снисходительно, быть щедру и милостиву; а дѣйствіе милосердія есть: алчущаго накормить, жаждущаго напоить, нагого одѣть, больного и въ

темницѣ сущаго посѣтить, странпаго любовно принять, отъ обиды другого защитить или употребить стараніе въ пользу его. Суть еще дѣйствія милосердія духовныя, а именно, другого отъ грѣха отвесть, невѣжду въ законѣ и благочестіи наставить, подать добрый совѣтъ, обиды другихъ не только терпѣливо снести, но и простить оныя, и о спасеніи всякаго молиться милосердому Богу. Понеже отъ исполненія сей заповѣди зависитъ миръ и польза человѣческаго рода, то Богъ обѣщаетъ особливыя благословенія тѣмъ, которые искренно исполняютъ сію заповѣдь.

Кто противъ сей заповѣди согрѣшаетъ,—нѣтъ нужды изъяснять. Ибо всѣ, которые не исполняютъ предписанныя должности, суть преступники заповѣди сей, а въ преступленіи семъ заключаются слѣдующія грѣховныя дѣла: непокореніе родителямъ, упрямство, роптаніе, невѣрность, бунтъ, измѣна, самолюбіе, честолюбіе, сребролюбіе, скупость, немилосердіе, грубость, гордость, презрѣніе, осужденіе, соблазнъ, и прочіе подобные пороки.

§ 10.

Шестая заповѣдь требуетъ, чтобы мы ближнему своему не дѣлали никакого вреда, ни чрезъ самихъ себя, ни чрезъ другихъ, ни дѣломъ, ни мыслію; но паче оберегали бы отъ всякаго вреда.

Весь человѣческій родъ есть нѣкое общество, для благополучія котораго неотмѣнно потребно, чтобы мы другому, какъ нашему члену и міра сего согражданину, не только не наносили никакого вреда, но паче, чтобы о благополучіи его старались, какъ о собственномъ своемъ. Посему Богъ, какъ верховный правитель міра, имѣя попеченіе о блаженствѣ человѣческаго рода, сію предписалъ заповѣдь. Противъ сей спасительной заповѣди согрѣшаютъ.

1) *Кто противъ сей заповѣди согрѣшаетъ?*—Тѣ, которые убиваютъ человѣка или боемъ, или оружіемъ, или удавленіемъ, или утопленіемъ, или отравою, или порчею, или какимъ ни есть другимъ образомъ. Въ семъ же числѣ считаться должны: поединки, кулачные бои, измѣны, бунты, войны неправедныя. Ежели кто имѣетъ полное хотѣніе и намѣреніе однимъ изъ сихъ образомъ лишить кого жизни, но не достаетъ къ тому возможности, или препятствуютъ какія другія обстоятельства,—тотъ осуждается Божіимъ судомъ, какъ дѣйствительный человѣколюбійца. Но судіи, которые предаютъ повиннаго на смерть, также и воины, которые, защищая отечество, убиваютъ непріятеля,—заповѣди сей преступниками называться не могутъ: ибо чрезъ то по званію своему служатъ они Самому Богу и правосудію Его.

2) Которые къ убійству или къ какому-нибудь вреду и обидѣ подаютъ совѣтъ или вспомоществованіе, или подаютъ къ тому нѣкіе случаи,

то-есть, смущаютъ одного съ другимъ, оклеветываютъ, обносятъ, и тѣмъ убиваютъ человѣка на чести, грабятъ, зажигаютъ домы, принуждаютъ сверхъ возможности пить,—которыми случаями хотя иногда и не отнимается жизнь, однако, или сокращается, или дѣлается несчастливою.

3) Неправедніи судіи, кои по мздоимству, или по сродству, или по ласкательству, или отъ страха оправдаютъ повиннаго, а осуждаютъ неповиннаго. Такіе судіи суть несноснѣе человѣкоубійцы другихъ потому, что отъ нихъ предается правда, у которыхъ она особенно должна бы имѣть свое убѣжище. Сему роду людей подобны и тѣ, которые допускаютъ до убійства или до вреда, а имѣютъ силы и случай не допустить; наприм., знаютъ худой умыселъ, а не доносятъ,—или у себя скрываютъ воровъ,—или видятъ драку, а не разнимаютъ, или пожаръ не тушатъ, или утопающему не подаютъ помощи, или человѣка, въ отчаяніе впадшаго, не уговариваютъ, и отъ худыхъ умысловъ не отводятъ,—или, будучи въ довольствѣ, попускаютъ бѣднымъ умереть съ голоду, или съ холоду, или когда видятъ другихъ, страждущихъ болѣзнями, и могутъ имъ помочь, но не помогаютъ, и прочими подобными образы.

4) Господа, которые отягощаютъ своихъ подданныхъ тяжкими работами, или увѣчатъ жестокими наказаніями, и несносными налогами: ибо такія дѣла весьма сходны съ убійствомъ.

5) Сею же заповѣдію запрещается и все то, что стелетъ дорогу къ убійству, и, какъ по нѣкоторымъ степенямъ, приводитъ напослѣдокъ къ смерти; какъ, напр.: гнѣвъ, раздоръ, свары, споры, памятозлобіе, ненависть, зависть, наглость, свирѣпость правовъ и безчеловѣчіе. Запрещеніемъ сихъ пороковъ предписываются слѣдующія добродѣтели: ласковое и искреннее обхожденіе, кротость, непамятозлобіе, терпѣніе, великодушіе, милосердіе, и склонное ко всѣмъ сердце. Такъ, къ сему увѣщеваетъ Писаніе: „Облецытеся, якоже избранніи Божіи, святи и возлюбленни, во утробы щедротъ, благость, смиреномудріе, кротость и долготерпѣніе: пріемлюще другъ друга и прощающе себѣ, аще кто кого имать пореченіе: якоже и Христосъ простилъ есть вамъ, тако и вы“ (Колос., 3, 12—13).

6) Сей же заповѣди зѣло противно и самоубійство: понеже и жизнь наша и дыханіе состоитъ не въ нашей, но въ Божіей волѣ: Онъ одинъ имѣетъ власть живота и смерти; и, какъ мы не сами дали себѣ жизнь, такъ оной самихъ себя лишить права не имѣемъ. Посему должны ожидать Создателева повелѣнія, чтобы оставить намъ стражу жизни сей. Иначе, самоубійство будетъ дерзновенное присвоеніе Господней власти и Божественнаго преимущества; и такой наглый преступникъ закона Божія подвергаетъ себя самопроизвольной казни. За самоубійцъ же почитаться должны и тѣ, кои ввергаютъ себя въ явную опас-

ность смерти; напр., ежели кто плыветъ чрезъ рѣку съ явнымъ бѣдствіемъ потопленія, или безъ нужды идетъ въ ту страну, гдѣ свирѣпствуетъ моровая язва, и другія подобныя приключенія.

§ 11.

Въ седьмой заповѣди, подъ общимъ именемъ прелюбодѣянія, запрещается всякая грѣховная плотская нечистота, а чрезъ то предписывается, чтобы мы свою жизнь препровождали или въ честномъ супружествѣ, или въ святомъ и дѣвственномъ безженствѣ.

Богъ, создавъ человѣка, создалъ мужа и жену къ умноженію человѣческаго рода и ради взаимной помощи въ житіи и утѣшенія. Посему благополучіе всѣхъ вообще людей требуетъ, чтобы мужъ и жена, другъ друга любя и почитая, хранили вѣрность ложа своего, и не нарушали бы священныхъ правъ супружества: ибо такое нарушеніе, кромѣ стыда, безчестія, урона и грызенія совѣсти, причиняетъ великія замѣшательства и безпорядки въ свѣтѣ и для блаженства общества есть вредительнѣйшая язва.

Кто преступаетъ сію заповѣдь? Святая сія заповѣдь преступается, во-первыхъ, прелюбодѣяніемъ, блудомъ, многоженствомъ, кровосмѣшеніемъ и прочими разными видами беззаконной похоти; второе, преступается всѣмъ тѣмъ, что бываетъ нѣкоторымъ поводомъ къ грѣховной сласти плотской, и способствуетъ студному пороку прелюбодѣйства и блуда. Такія побужденія ко грѣху суть слѣдующія: піянство, праздность, своевольство, сквернословіе, непристойныя шутки, безстыдныя хитрости въ одеждѣ и въ украшеніи тѣла, соблазнительныя представленія и зрѣлища, безчинныя плясанія, срамныя пѣсни, скверныя книги и прочая. Но въ Евангеліи осуждается и самое блудное воззрѣніе и внутреннее непозволительное движеніе: „всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Матѳ., 5, 28).

Для убѣжанія помянутыхъ пороковъ должно памятовать важное оное Апостольское увѣщаніе. „Бѣгайте блудодѣянія: всякъ бо грѣхъ, его же аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ. Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Его же имате отъ Бога, и нѣсте свои? куплени бо есте цѣною. Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія“ (1 Кор., 6, 18—20). „Блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ“ (Евр., 13, 4). Почему святость христіанскаго званія требуетъ, чтобы мы жизнь свою препровождали чисто и цѣломудренно, или въ честномъ и незазорномъ супружествѣ, или въ дѣвственномъ безженствѣ. Ибо блаженный Павелъ, называя бракъ

честнымъ и супружеское ложе нескверпымъ (Евр., 13, 4), дѣвственное безженство почитаетъ выше того; такъ бо пишетъ онъ: „вдаяй браку свою дѣву добрѣ творитъ: а не вдаяй лучше творитъ“ (1 Кор., 7, 38). Да то же утверждаетъ и Самъ Господь: „суть скопцы, иже скопиша сами себе царствія ради небеснаго“ (Матѳ., 19, 12).

§ 12.

Въ осьмой заповѣди Богъ запрещаетъ всякое хищеніе и неправду, а тѣмъ самымъ повелѣваетъ, чтобы мы, для благополучія общаго, наблюдали пользу ближняго, какъ собственную свою.

Три рода хищенія. Жизнь человѣческая какъ не можетъ быть безопасною, такъ и блаженною, ежели предохранена не будетъ отъ хищенія. А подъ именемъ хищенія заключаются разные роды хищенія, то-есть, когда кто чужую вещь присвояетъ себѣ неправедно, какимъ бы то ни было образомъ. Три суть главнѣйшіе рода хищенія: „явное, тайное и лестное“.

1) *Что есть явное хищеніе?* Явное хищеніе есть, когда кто чужую вещь насильно отнимаетъ, какъ то дѣлаютъ разбойники, которые наспльно грабятъ другого,—или властелины, которые у своихъ подчиненныхъ, а сильные у немощныхъ нагло отнимаютъ имѣніе, домъ, рабовъ, землю и прочая,—или принуждаютъ ихъ продать себѣ то, что они продать не хотятъ, или продать малою цѣною,—или понуждаютъ работниковъ къ большимъ трудамъ сверхъ договора и награжденія, или насильно кабалятъ и порабощаютъ свободныхъ людей,—или своевольно употребляютъ чужія вещи, напримѣръ, платье, или другія какія орудія, или на чужой землѣ пашутъ,—или незаконно берутъ подводы, или за работу и службу удерживаютъ награжденіе. Подобны симъ и тѣ несовѣстные продавцы, которые въ крайней нуждѣ другаго, напримѣръ, во время голода, хлѣбъ не продаютъ, развѣ за несносную цѣну, или домогаются за то нѣкоторой вещи, напримѣръ, дома, или земли или коня, или которые въ крайнемъ чьемъ бѣдствіи обѣщаютъ помощь подать, да подъ тяжелымъ договоромъ,—хотя бы и не трудно было помочь, напримѣръ, подъѣхать судномъ къ утопающему и прочая. До сихъ надлежатъ и тѣ, которые, видя нужду другого, взаемъ не даютъ денегъ, или хлѣба, или чего другаго, развѣ требуя неправедной лихвы или росту, или которые удерживаютъ положенныя имъ въ закладъ вещи, и другими подобными образы явнаго хищенія обижаютъ ближняго своего.

2) *Что есть тайное хищеніе?* Тайное хищеніе или воровство есть, когда кто чужую вещь похищаетъ безъ воли и безъ вѣдома господина той вещи. Такіе воры суть хитростные мошенники, и которые окрады-

ваютъ домы, лавки, житницы, дворы скотскіе, рыбныя ловли, сады, лѣса, сѣнокосы и проч. Но тѣ—великіе воры, которые причиняютъ убытки государственные, напримѣръ, чрезъ тайный провозъ товаровъ, или и похищаютъ казну государственную, сокровище церковное или монастырское и сіе воровство называется святотатство. Также связываютъ себя виною воровства и оные, которые, потерянную вещь нашедши и вѣдая, чья она, утаеваютъ, или укрывъ, присвояютъ заблуждшую скотину, или бѣглаго чужаго раба. Но тѣ весьма безчеловѣчные воры, которые, напр., съ пожара что-нибудь крадутъ и тѣмъ бѣднаго и разоряемаго разоряютъ.

3) *Что есть хищеніе лестное?* Лестное хищеніе есть, когда кто чужую вещь себѣ присвояетъ обманомъ. Такое хищеніе бываетъ разными образы, а именно, когда кто продаетъ какую вещь большею цѣною, нежели, чего та стоитъ,—или обманываетъ мѣрою и вѣсомъ, или худой товаръ продастъ за добрый, напр., мѣшаетъ въ хлѣбъ мякину, а въ вино—воду, или монету ложную даетъ за добрую, а особливо кто монету ложную тайно куетъ, или больше противъ надлежащаго беретъ пошлины. Къ сему же числу надлежатъ судіи, которые на мздѣ судятъ и потому, праведно ли или неправедно судятъ, крадутъ,—или которые опредѣляютъ къ мѣстамъ другихъ, недостойныхъ и негодныхъ: ибо чрезъ то у достойныхъ отнимаютъ достойное, государственной казнѣ дѣлаютъ ущербъ. То же дѣлаютъ и духовныя власти, которые на санъ архіерейскій или іерейскій и иныя степени церковныя посвящаютъ на мздѣ; и сіе беззаконіе нарицается святокупство и симонія. Крадутъ же и тѣ, которые, будучи казначеями, или какими приставниками, утаеваютъ приходы, или приписываютъ большіе расходы, или своимъ небреженіемъ дѣлаютъ господскимъ приходамъ упущеніе, или которые притворяютъ ложныя духовныя и присвояютъ себѣ не подлежащія имѣнія, или сказываются близкимъ сродникомъ умершаго, и дѣлаются его наслѣдникомъ. За хищниковъ же должны быть почитаемы и тѣ, которые, будучи наняты за довольное награжденіе, невѣрно и нерадиво работаютъ и время проводятъ въ праздности; также и оные хитрые нищіе, которые, будучи здравы и нескудны, притворяютъ себя больными и убогими, или вымышляютъ нѣкоторыя нужды, аки бы разорились отъ пожара, или ограблены отъ разбойниковъ, или просятъ милостыни на имя другихъ ложно, напримѣръ, на богадѣльню, на искупленіе плѣнниковъ и прочая. Къ симъ же похитителямъ причисляться должны и лицемѣры, которые подъ видомъ притворной святости, или беззаконнымъ вымышленіемъ мощей аки бы святыхъ, или иконъ будто чудотворныхъ, обольщаютъ простой народъ къ подаянію. Того же рода суть ласкатели и ябедники, которые, что за ласкательство и ябеды ни

получаютъ, все то крадутъ. Многіе и разные суть образы хищенія, которые, всѣ хотя здѣсь и не изочтены, однако, легко изъ сего разсужденія дознаны быть могутъ.

При семъ знать надлежитъ, что грѣхъ похищенія не отпущается, доколѣ вещь похищенная не будетъ возвращена господину ея, или, ежели не можно возвратить, нанесенная трата какимъ ни есть образомъ удовольствована не будетъ другою равною вещію. А еслибы кто, за крайнимъ своимъ неимѣніемъ и скудостію, вещи похищенной возвратить не могъ, въ такомъ принято быть можетъ искреннее желаніе къ возвращенію, съ чистымъ признаніемъ и сожалѣніемъ о грѣхѣ своемъ. Иначе сей грѣхъ не оставляется, потому что истиннаго покаянія въ такомъ человѣкѣ не признается.

Предосторожности противъ хищенія. Чтобы не впасть въ подлый и вредительнѣйшій какого ни есть хищенія порокъ, требуется предосторожность отъ того, отъ чего сей порокъ раждается; а именно, отъ лихоимства, то есть, отъ ненасытимаго желанія къ собиранію богатства, и отъ лѣности или праздности. Лихоимецъ, ничѣмъ не будучи доволенъ, почитаетъ всякій способъ позволительнымъ, только бы пріумножить прибытокъ; а праздный и лѣнивый, самовольно приводя себя въ скудость, принужденъ бываетъ воровствомъ искать себѣ пропитанія. Посему всякъ въ своемъ званіи долженъ пребывать съ прилежаніемъ довольствоваться и отъ благословенныхъ трудовъ своихъ: лучше бо имѣть мало, да быть честнымъ человѣкомъ, нежели много, съ безчестнымъ именемъ хищника и нечестнаго человѣка. А притомъ надѣяться на Божій Промыслъ, который, по увѣренію Евангельскому, печется о послѣдней птицѣ и траву, скоро увядающую, питаетъ и одѣваетъ,—кольми паче не оставитъ насъ, ежели мы не ослабѣваемъ въ надеждѣ на Его щедроты, и ежели часто будемъ припоминатъ себѣ, что скудость, украшаемая честностію совѣсти, будетъ награждена богатствомъ небеснымъ.

§ 13.

Девятая заповѣдь требуетъ, чтобы ни въ чемъ не лгать, и языкомъ своимъ не касаться ближняго съ обидою.

По разсужденію святаго Іакова, языкъ человѣческій можетъ быть причиною великихъ золъ, ежели будетъ не обузданъ и разсужденіемъ не управляемъ. Посему, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, въ гл. 3, 2: „ежели кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло“, Можетъ же лжесловесный языкъ съ обидою коснуться ближняго разными образы, а именно:

1) Когда кто на кого ложно въ судѣ доноситъ, или заочно предъ другими оклеветываетъ, а чрезъ то наноситъ ему многія обиды, ибо

и честь его повреждаетъ, и тратою имѣнія приводитъ въ разореніе, и здравію причиняетъ болѣзнь. Такой родъ лживыхъ доносителей и клеветниковъ есть родъ діавольскій: понеже діаволъ, по имени своему, значитъ „клеветникъ“; и онъ же, по Христову слову, „ложь есть и отецъ лжи“ (Іоанн., 8, 45).

2) Когда судія произноситъ на кого неправедное опредѣленіе, будучи побѣжденъ нѣкоторымъ пристрастіемъ, или не разыскавъ совершенно дѣла, а чрезъ то и ближняго разоряетъ и убиваетъ, и оскорбляетъ Бога, лице Котораго онъ носитъ на себѣ въ судѣ.

3) Сей же заповѣди противно и всякое досадное и ругательное слово. Когда, напримѣръ, кто въ лицо укоряетъ и порицаетъ кого, или смѣется нѣкоторымъ недостаткамъ въ тѣлѣ или въ умѣ ближняго, или дѣлаетъ язвительныя и уничтожительныя шутки, или чужія дѣла и слова толкуетъ на худую сторону и выводитъ изъ нихъ вредныя слѣдствія, или другого во грѣхахъ осуждаетъ не съ благимъ намѣреніемъ исправленія, или сочиняетъ подметныя и ругательныя письма, или что ни есть произноситъ такое, чрезъ что умаляется честь ближняго. Есть же и хитрые способы безчестія, когда кто другого будто хвалитъ, но та хвала рествореna нѣкіимъ потаеннымъ, но острымъ ругательствомъ,—или о другомъ говоритъ нѣчто сомнительное и оставляетъ того, кому говоритъ, въ недоумѣніи, а чрезъ то подаетъ случай многимъ опаснымъ разсужденіямъ; или и ничего не говоритъ, но, при воспоминаніи чьего имени, воздохнетъ, или покиваетъ главою, или разсмѣется. Такой, и молча, человѣка осуждаетъ; и сіе осужденіе тѣмъ беззаконнѣе, что оно происходитъ отъ хитраго и злобнаго сердца.

Предосторожности противъ лжи. Для убѣжденія вышепомянутыхъ пороковъ должно содержать въ твердой памяти оную истину: „чего себѣ не хощешь, того другому не твори“, и за самое несумнительное почитать, что, который своимъ дерзкимъ языкомъ обыкъ терзать честь другого, или слова свои мѣшать частою ложью, тотъ, по справедливой необходимости, то же самое на себѣ постраждетъ, и не возможетъ убѣжать, чтобы не почтенъ былъ или за безчестнаго, или за непостояннаго и вѣтреннаго человѣка. Посему всякому, съ Сирахомъ, должно желать, чтобы языкъ былъ въ сердцѣ, а не сердце на языкѣ, и съ Давидомъ молиться: „Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ“ (Псал., 140, 3). Можно же, да и должно отверзать уста свои, но на хвалу Божію, на дерзновенное исповѣданіе истины, на защищеніе имени и чести другаго противъ клеветъ и ложныхъ доносовъ, на то, чтобы выхвалять достоинство другого, и тѣмъ отдавать долгъ добродѣтели, или и на кроткое обличеніе пороковъ другого, съ чистосердечнымъ намѣреніемъ исправленія.

§ 14.

Десятая заповѣдь есть совершенное изъясненіе преждереченныхъ заповѣдей, и она требуетъ, чтобъ не токмо зла не дѣлать, но и въ сердцѣ того не желать.

Ясно есть Евангельское слово (Мато., 15, 19): „отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы“. Посему Богъ, запрещая заповѣдію сею неправедное и непристойное желаніе, пресѣкаетъ зло въ его началѣ, и въ самомъ источникѣ изсушаетъ потокъ беззаконія. А именно, повелѣвая въ пятой заповѣди отдавать высшимъ лицамъ должную честь, сею заповѣдію требуетъ, чтобъ мы и сердцемъ всегда расположены были къ нимъ любовно. Шестою заповѣдію запрещая убивать другого и обижать,—сею запрещаетъ и хотѣть того, или внутренно токмо гнѣваться. Въ седьмой воздерживая отъ всякаго незаконнаго плотскаго смѣшенія,—сею отводитъ и отъ самой къ тому склонности и непозволительнаго движенія. Осьмою и девятою запрещая похищать чужое добро, и терзать чужую честь злословіемъ,—сею заповѣдію и думать о томъ не велитъ.

Заключеніе толкованія заповѣдей. Въ сихъ спасительныхъ заповѣдяхъ закона Божія содержатся вѣчныя истины, которыя суть совершенное правило благочестиваго житія. О, сколь блаженны тѣ, въ законѣ которыхъ—Господня воля, и кои въ законѣ Его поучаются день и нощь, которые веселятся во объятіяхъ у добродѣтели, и за свои благія дѣла находятъ награжденіе въ самихъ себѣ, то есть, спокойствіе совѣсти! А то уже превосходитъ и всякое желаніе, что ихъ, любящихъ Бога, возлюбитъ Богъ любовію вѣчною и съ ними, къ несказанному ихъ благополучію, соединится на вѣки, по оному слову Спасителя: „Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидема и обитель у него сотворима“ (Іоанн., 14, 23). Однако сколько бы кто ни успѣвалъ въ исполненіи Господнихъ заповѣдей, и сколько бы ни восходилъ на высоту добродѣтели, но разсуждая, что все сіе есть плодъ и милость содѣйствующей Божіей благодати, и что добродѣтели наши смѣшаны бываютъ съ недостатками,—надыматься тѣмъ ни мало не долженъ, но паче памятовать Евангельское оное слово: „Аще сотворите и вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби непотребни есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ“ (Лук., 17, 10). Горе же презрителямъ святой воли Господней, которые, предпочитая внѣшнія услажденія паче духовныхъ и Божественныхъ, отъ добродѣтели удаляются и, яко безсловесныя животныя, суть подлые невольники страстей своихъ. Ихъ и здѣшняя жизнь есть паче смерть, нежели жизнь; но сіе несчастіе тѣмъ страшнѣе, что оно сею жизнію не пресѣчется, но предастъ

суду будущаго вѣка, гдѣ свидѣтель и осудитель всѣхъ дѣлъ будетъ самъ законъ, который они преступали, какъ говоритъ Апостолъ: „елицы въ законѣ вогрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ“ (Римл., 2, 12).

§ 15.

Для исполненія заповѣдей Божіихъ нужно есть содѣйствіе благодати Его, которое, какъ и всякое другое добро, получается усердною молитвою.

Человѣкъ, будучи и въ понятіи духовной истины слабъ, и въ избраніи совершеннаго добра немощенъ (какъ сіе выше довольно показано), требуетъ, чтобы вседѣйствующая Божія благодать сіи недостатки сама собою дополнила, возвышая его мысль къ понятію спасительной истины, и управляя его сердце къ желанію и достиженію истиннаго благополучія. О семъ Евангеліе не токмо извѣщаетъ насъ, но и увѣряетъ, что милосердый Богъ всегда готовъ есть помогать намъ въ столь нужномъ для блаженства нашего дѣлѣ. „Безъ Мене“, говоритъ Спаситель нашъ (Іоанн., 15, 4—5), „не можете творите ничесоже. Яко же розга не можетъ плода сотворите о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете“. Согласно съ своимъ Учителемъ, мудрствовалъ избранный сосудъ: „Надѣяніе таково имамы Христомъ къ Богу, не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога“ (2 Кор., 3, 4). Сія милосердая, недостаткамъ нашимъ споспѣшествующая, Создателева воля потребна не токмо въ дѣлахъ духовныхъ, которыя непосредственно управляютъ насъ къ вѣчному пути, но и во всякихъ другихъ требованіяхъ, надлежащихъ и до сей жизни. Ибо Господь есть верховный властелинъ всѣхъ вещей, и Онъ, съ высоты святыя Своея на всѣ вещи взирая, по Своему премудрому благоволенію дѣлаетъ пристойное и надлежащее удовольствіе всякой твари. Въ разсужденіи сего, святый Іаковъ напи:алъ, что „всякое даяніе благое и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца свѣтовъ“. Почему, дабы мы щедрыхъ даровъ Небеснаго Отца были сподоблены всегда, должно сердечнымъ желаніемъ возноситься къ Нему и усердными молитвами ударять въ двери Его благоутробія. Правда, что Богъ вѣдаетъ и прежде прошенія, въ чемъ мы имѣемъ нужду; да вѣдаетъ и то, кому что дать надлежитъ; а въ разсужденіи сего человѣкъ часто не получаетъ того, что онъ получилъ бы, ежели бы усердною молитвою и чистымъ расположеніемъ сердца предварилъ, склонную всегда къ благодѣтельству, Создателеву волю.

Что есть молитва? „Молитва есть возношеніе мысли нашей къ Богу, съ прошеніемъ отъ Него душеполезныхъ благъ“. Чтобы молитва наша была богоугодна и дѣйствительна, потребно: 1) Чтобы мы того у

Бога просили, что намъ предписано въ истинномъ Его словѣ. Ибо человѣкъ, Духомъ Святымъ непросвѣщенный, какъ не можетъ знать, въ чемъ состоитъ истинное его блаженство, такъ не можетъ знать и того, что ему въ молитвѣ своей просить надобно. Подтверждаетъ сіе великій Апостолъ (Римл., 8, 26): „Духъ пособствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ: о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными“. Сей Святый Духъ въ Писаніи Своемъ открылъ, чтобъ намъ первѣе всего искать и просить царства Божія и правды Его, то есть, способа къ полученію его; и сего спасенія души нашей просить отъ Бога прямо, то есть, съ несомнительнымъ увѣреніемъ, что прошеніе сіе есть пріятно Богу, а прочихъ благъ, какъ-то: здравія, долговременной жизни, богатства, почестей, довольства,—просить съ договоромъ, то есть, прибавляя: „ежели Его святой волѣ угодно, и ежели Онъ всевидящимъ Своимъ окомъ предусматриваетъ, что оныя блага для меня будутъ полезными“. 2) Чтобъ молитва была приносима отъ горячаго и сокрушеннаго духа съ нелицемѣрнымъ признаніемъ скудости своей и бѣдности, и словами кающагося блуднаго сына: „колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю“ (Лук., 15, 17)? понеже человѣкъ самъ чрезъ себя ничего не имѣетъ и имѣть не можетъ, ежели Отецъ Небесный не отверзетъ щедрую руку Свою. 3) Чтобъ всѣ наши прошенія утверждены были надеждою на дражайшія заслуги Спасителя нашего Іисуса Христа, съ крѣпкимъ увѣреніемъ самихъ себя, что единая токмо смерть Искупителя нашего и проліянная за насъ Его кровь сильна склонить милосердіе Божіе къ исполненію желаній нашихъ. А безъ сего молитва наша, какъ отъ грѣшнаго сердца и отъ недостойныхъ устъ происходящая, не имѣетъ никакой силы. Сіе столь несомнительно, что Самъ Сынъ Божій объявилъ намъ то ясными словами: „аминь, аминь, глаголю вамъ, яко елика аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан., 16, 23). А блаженный Павелъ подтверждаетъ то и сильнымъ доказательствомъ: „Иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ“ (Римл., 8, 32)?

§ 16.

Чего мы должны просить въ молитвахъ своихъ отъ милосердаго Бога, то все заключается въ слѣдующей Господней молитвѣ:

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!
Да святится имя Твое.
Да пріидетъ Царствіе Твое.
Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.
Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сія молитва, которой научилъ насъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, хотя сама чрезъ себя есть ясна, но, понеже она въ себѣ заключаетъ все то, чего бы токмо человѣкъ могъ просить отъ Бога, не безполезно оную нѣсколько пространнѣе изъяснить.

ИЗЪЯСНЕНІЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!

Всемогущій Боже и Создателю нашъ, Который, будучи по существу Своему никакимъ необъемлемъ мѣстомъ, на нѣбеси присутствуешь особеннымъ откровеніемъ славы Своея! Ты насъ, враговъ, по неизреченной Своей милости возлюбивъ, ходатайствомъ возлюбленнаго Твоего и Единороднаго Сына, Господа нашего Іисуса Христа, усыновилъ Себѣ, и Духомъ Твоимъ въ сердца наши вопіешь: „Авва Отче“,—и симъ неизглаголаннымъ воплемъ увѣряешь насъ, что скорѣе родители земные оставятъ дѣтей своихъ, нежели, чтобы Ты, премилосердый Отецъ, презрѣлъ прошенія сыновъ, присвоенныхъ Тебѣ благодатію Твоею, и къ ихъ нуждамъ не преклонился бы благоутробно. Сею благою ободряемы надеждою, всесмиренно всею нашею вѣрою молимъ Тебя.

Да святится имя Твое.

Приведи насъ въ сознаніе Твоея истины: открой очи наши, и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего: даруй миръ Церкви Твоей, которую Ты сотворилъ освященнымъ ковчегомъ истины Твоея; и дабы всѣ, путеводими свѣтильникомъ закона, отъ заблужденій своихъ собрались во едино Твое стадо къ Тебѣ, единому Пастырю. Притомъ, отведи насъ отъ злыхъ дѣлъ, которыми оскорбляется благословенное имя Твое, и даруй намъ успѣвать въ любви Твоей и добродѣтели, яко да видитъ міръ добрыя дѣла наши и прославитъ Тебя, Небеснаго Отца.

Да пріидетъ Царствіе Твое:

Ты насъ привелъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ, и утвердилъ сердца наши упованіемъ жизни вѣчныя. Мы, управляемые здѣсь словомъ Твоимъ и Духомъ Твоимъ, поспѣшаемъ желаніями нашими къ Твоему вѣчному покою; токмо Ты исторгни соблазны, и злыя предпріятія противъ Евангелія Твоего покажи суетными, да безпрепятственно проходимъ теченіе жизни сея, и изъ плачевной юдоли міра сего преселимся въ блаженное жилище святыхъ, гдѣ Ты Самъ—всяческая во всѣхъ.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.

И хотя развращенная наша воля отводитъ насъ отъ Твоего спа-

сительнаго пути, плѣняема тлѣнными красотами и страстями смущаема; но Ты всесильнымъ Своимъ дѣйствіемъ покори ее Твоей волѣ благой и совершенной, дабы мы съ радостію, безъ роптанія повиновались всѣмъ Твоимъ повелѣніямъ и твердо вѣровали бы, яко Ты вся премудро управляешь къ добрымъ концамъ. Подавай же нашей немощи силу, чтобы мы, живущіе на землѣ, назначенную намъ отъ Тебя должность проходили усердно и вѣрно такъ, какъ непорочные ангелы Твои исполняютъ волю Твою на небеси.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

И понеже мы еще влечемъ многотрудную жизнь сію, и носимъ тѣла, тягостію и немощію обложенныя: то Ты и на сію слабую часть состава нашего щедроты Твои излить благоволи, подавая къ временному житію нашему потребная, даруй благорастворсніе воздуха, умножи плоды земные, благослови наши труды и промыслы, укрѣпи здравіе тѣла нашего, да изъ сего познаемъ, что Ты—единъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ вся благая, и что безъ Твоего благословенія всѣ наши и усиленныя тщенія и заботы суть тщетны.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Но, совсѣмъ тѣмъ, пользуясь неисчетными Твоими благодѣяніями, мы не воздаемъ за оныя Тебѣ, Благодѣтелю, достойной благодарности. Мы ежечасно преступаемъ Божественный законъ Твой, и не покаряемся святой волѣ Твоей; мы щедрые дары Твои употребляемъ во зло, и тѣмъ зѣло прогнѣвляемъ Твою благость, оставаясь должниками, чтобы за свои преступленія быть подверженнымъ праведному гнѣву Твоему. Но, Господи, не вниди въ судъ съ рабы Твоими, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый. По неизреченному Твоему милосердію остави всѣ грѣхи наши, ради безконечныхъ заслугъ и изліянной за насъ на крестѣ крови единороднаго и возлюбленнаго Сына Твоего, дражайшаго Ходатая нашего, Іисуса Христа,—за что, въ знакъ благодарности нашей, имѣемъ твердое намѣреніе и усердное желаніе—всѣ нашимъ должникамъ долги оставить, и всѣ нанесенныя намъ отъ другихъ обиды и оскорбленія съ радостію простить: токмо благодать Твоя да будетъ готовою намъ помощію.

И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

Не токмо же прости прешедшіе наши грѣхи, но и предохрани насъ отъ будущихъ грѣхопаденій. Ты знаешь удобосклонную ко грѣху немощь существа нашего и видишь, коликими бѣдами и напастями волнуемся въ морѣ міра сего: плоть уловляетъ страстями, міръ прелестями, діяволъ—хитростями. Не попусти намъ, Всеблагій Господи, уловленнымъ быть сими сѣтями, и разженныя искушеній стрѣлы угаси, да не како, побѣдившися ими, въ пропасть отчаянія впадемъ. Если же и по-

пустишь намъ Отечески, къ исправленію нашему, впасть въ нѣкія искушенія, буди воля Твоя! токмо малодушіе наше подкрѣпи всемогущею рукою Твоею, да не ослабѣемъ въ семъ блаженномъ подвигѣ, и да дѣйствуетъ сила Твоя въ немощи нашей.

Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки вѣковъ, аминь.

Вѣруемъ же, что Ты не презришь прошеній нашихъ, Небесный Отче! Ты, яко всесильный, вся можешь, а, яко преблагій, вся намъ благая подать хощешь. Ты насъ увѣрилъ Евангельскимъ Твоимъ благословеннымъ гласомъ, что мы несомнительную имѣемъ надежду получить все то, что бы мы отъ Тебя ни просили именемъ возлюбленнаго Отрока Твоего Іисуса. Но паки Тебя молимъ, да изъ получаемыхъ нами Твоихъ благъ не намъ, но имени Твоему, будетъ слава, аминь. Буди, буди! *).

Разсужденіе о Мелхиседекѣ, поднесенное Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, въ мѣсяцѣ ноябрѣ 1764 года.

Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ!

Неоднократно примѣтилъ я достохвальное вашего Императорскаго Высочества желаніе познать, кто такой былъ Мелхиседекъ, и почему онъ называется „безъ отца, безъ матери, безъ родословія“ и проч. Чтобы удовлетворить такому благочестивому Вашего Высочества желанію, почелъ я за долгъ свой—все то, что до онаго Мелхиседека принадлежитъ, по возможности своей, ясно и кратко, послѣдуя руководству Св. Писанія, предложить въ слѣдующемъ разсужденіи.

Мелхиседекъ, сколько мнѣ извѣстно, поминается въ Св. Писаніи въ трехъ мѣстахъ. Во-первыхъ, Бытія въ гл. 14, ст. 18; второе, въ псалмѣ 109, ст. 4; третіе, въ посланіи Павловомъ къ Евреямъ.

Въ книгѣ Бытейской пишется о немъ, что когда преславный оный патріархъ Авраамъ возвращался домой по побѣдѣ, полученной имъ надъ непріятелями,—тогда Мелхиседекъ (котораго тамъ же Писаніе

*) Этимъ и заканчивается „Православное ученіе, или сокращенная Христіанская Богословія, для употребленія Его Императорскаго Высочества, Пресвѣтлѣйшаго Всероссійскаго Наслѣдника, Благовѣрнаго Государя, Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, сочиненная учителемъ его, іеромонахомъ Платономъ» (Левшинымъ). Слѣдующее за симъ „Разсужденіе о Мелхиседекѣ“ представляетъ изъ себя прибавленіе къ „Христіанской Богословіи“, какъ объ этомъ было замѣчено въ самой „Богословіи“ выше. см. стр. 746.

называетъ царемъ Салимскимъ и священникомъ Бога Вышняго), встрѣтилъ Авраама въ ономъ радостномъ путешествіи съ хлѣбомъ и виномъ, и, по пристойности своего священническаго сана, благословилъ Авраама, препоручая его всегдашнему покровительству Вышняго, и принесши за него благодареніе Богу неба и земли.

Сіе Авраамъ принялъ съ такимъ почтеніемъ, что отдѣлилъ ему десятую часть полученной у непріятелей добычи, которымъ дѣйствіемъ явственно Авраамъ призналъ несомнительное быть священство въ лицѣ Мелхиседековомъ. Болѣе сего въ Бытейской книгѣ о Мелхиседекѣ ничего не упоминается.

Второе, о Мельхиседекѣ очень краткими словами напомянулъ Давидъ въ псалмѣ 109, гдѣ, пророчествуя, по толкованію самого Евангелія, объявляетъ о Божественномъ Мессіи, что Онъ, кромѣ высокаго царскаго достоинства, означеннаго сими словами: „жезлъ силы послетъ Ти Господь отъ Сіона, и господствуй посредѣ враговъ Твоихъ“,—будетъ и священникъ, изъясняя то сими словами: „Ты іерей во вѣкъ по чину“, или по подобію, „Мелхиседекову“. Вотъ, опять поминается Мелхиседекъ, а для чего,—о томъ изъясненія тутъ никакого больше нѣтъ.

Третіе, святый Павелъ входитъ уже въ довольно пространное разсужденіе о Мелхиседекѣ въ посланіи къ Евреямъ, въ главахъ 5-й, 6-й и 7-й, гдѣ въ лицѣ Мелхиседековомъ и въ подобіи священства его съ Христовымъ священствомъ находитъ сокровенный разумъ, достойный Павла и достойный небесной премудрости.

Чтобы понять Павловъ разумъ, и—къ большему познанію предложенной намъ матеріи, надобно знать намѣреніе Павлово, которое онъ имѣлъ, пиша вышеупомянутое посланіе. Писалъ онъ къ іудеямъ, то-есть, къ такимъ людямъ, которые ревностно защищали законъ свой, не нравоучительный токмо (ибо и мы его не отвергаемъ), но и церемоніальный о духовныхъ обрядахъ, какіе обряды между прочими были знатнѣйшіе, приношенія въ жертву различныхъ животныхъ, которыя на алтарѣ закалаемы былы съ проливаніемъ крови и приносимы Богу отъ священниковъ. Сіи обряды іудеи защищали упорно, и не могли склониться, дабы принять, что обряды сіи должны быть нѣкогда уничтожены. Ап. Павлу была нужда вывесть ихъ изъ сего заблужденія и доказать имъ изъ Ветхаго завѣта, котораго держались іудеи, что жертвы служили на время,—что священство, которое приносило ихъ, было также временно,—что, слѣдовательно, и прочіе обряды, которые основаны были на томъ священствѣ, должны со временемъ перестать. Какъ же онъ въ сіе входитъ дѣло,—посмотримъ.

Уступаетъ Павелъ іудеямъ, что они по узаконенію Божію имѣли священство, которое, понеже началось отъ Аарона, называется священ-

Издательство П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12).

Полный каталогъ Издательства высылается безплатно.

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖІЯ

ВЪ СУДЬБАХЪ МІРА И ЧЕЛОВѢКА.

Сочин. проф. Московск. Дух. Акад. *Ѳ. А. Голубинскаго* и *Д. Г. Левицкаго*.

320 стран. большого формата. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Это—*капитальное, глубоконаучное* руководство къ уразумѣнію великихъ вопросовъ бытія, никогда не покидающихъ всякаго серьезнаго и любознательнаго человѣка. При всей серьезности разсматриваемыхъ вопросовъ, это сочиненіе отличается замѣчательной общедоступностью: его могутъ читать съ полнымъ пониманіемъ даже «простецы».

Книга написана въ опроверженіе невѣрующихъ ученыхъ, заявляющихъ, будто естествознаніе опровергаетъ ученіе о премудрости и благости Божіей. Она представляетъ глубоконаучное и въ то же время общедоступное руководство къ уразумѣнію великихъ вопросовъ бытія, никогда не покидающихъ всякаго серьезнаго и любознательнаго человѣка.

ОБЪ ИСТИННОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

Сочин. *Іоанна Арндта*. 556 страницъ большого формата. Цѣна 2 руб.

Сочиненіе Іоанна Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ» написано «не тростью руки, а кровью сердца». Оно зоветъ читателя къ той самой живой вѣрѣ, которая побуждала автора всю жизнь безкорыстно «подвизаться подвигомъ добрымъ» ради спасенія ближнихъ. «Въ тысячу разъ лучше»,—говоритъ онъ,—любить Христа, нежели много и толково о немъ разсуждать». Познавать Христа разумомъ, по наукѣ, и въ то же время не любить Его—безполезно и даже вреднѣе для души, чѣмъ совсѣмъ не знать Его. Гдѣ нѣтъ жизни христіанской, тамъ нѣтъ Христа, ибо не всякій говорящій: «Господи, Господи», войдетъ въ царство небесное, а творящій «волю Божію» (Мѳ. VII. 21)—вотъ общая мысль этой прекрасной книги, которая для каждаго христіанина является учительницей горячей вѣры и самоотверженной жизни.

БЕСѢДЫ ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЦЕРКВИ КЪ ХРИСТІАНАМЪ.

Профессора Кіевской Духовной Академіи *А. К. Амфитеатрова*. Цѣна 50 к., съ пересылкой 65 коп.

Эти бесѣды, выдержавшія уже девять изданій и удостоившіяся самыхъ похвальныхъ отзывовъ всѣхъ критиковъ, разсматриваютъ святыя и любвеобильныя отношенія св. Матери-Церкви къ Ея нѣжнолюбимымъ дѣтямъ-христіанамъ въ ихъ разнообразныхъ потребностяхъ. Написанныя общедоступно и увлекательно, съ искреннимъ одушевленіемъ, со всею силою природнаго дарованія и всесторонняго образованія автора, эти бесѣды представляютъ чтеніе глубоко назидательное, исполненное весьма полезныхъ свѣдѣній для всякаго христіанина.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИННОСТИ

ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

на основаніи буквальнаго исполненія ветхозавѣтн. и новозавѣтн. пророчествъ.

Проф. доктора богословія *Алекс. Кейта*. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.

Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «Изслѣдуйте Св. Писаніе: оно свидѣтельствуетъ о Мнѣ». И нужно ли говорить, что и свв. Апостолы, и Отцы Церкви, и всякій просвѣщенный христіанинъ находили въ пророчествахъ неопровержимое свидѣтельство того, что Іисусъ изъ Назарета былъ истинный Мессія, Христосъ, Сынъ Божій! Даже многіе невѣрующіе люди признавали себя побѣжденными предъ такимъ доказательствомъ, какъ исполненіе пророчествъ о Христѣ, и, если дерзко не упорствовали въ своемъ невѣріи, склонялись къ «послушаніе вѣрѣ». Разсмотрѣнію этихъ пророчествъ и посвящена прекрасная книга глубоко-вдумчиваго англійскаго богослова.

Издательство П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12).

Полный каталогъ Издательства высылается безплатно.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ТИХОНА ЗАДОНСКАГО,

ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО.

Въ 2-хъ томахъ, свыше 2000 страницъ убористаго шрифта.

Цѣна 5 р., въ 2-хъ роскошныхъ перепл. 6 р. На пересылку добавлять 50 к.
ОТДѢЛЬНО цѣна 2-го тома 2 руб. 50 коп., въ роск. перепл. 3 руб. Первый томъ отдѣльно не продается.

Оглавленіе. **Томъ I.** Записки о Святителѣ Тихонѣ его келейниковъ. Сокровище духовное, отъ міра собираемое (свыше 150 духовно-нравственныхъ поученій на различныя темы). Плоть и духъ. Собраніе нѣкіихъ нравоученій изъ Святого Писанія и толкователя онаго, св. Златоуста, великаго вселенныя учителя, съ приложеніемъ разсужденій, въ пользу духовную сочиненное. Должность священническая. О седьми тайнахъ святыхъ. Прибавленіе къ должности священнической. О тайнѣ святого покаянія. Слова, говоренныя къ Воронежской паствѣ. Краткія нравоучительныя слова. Христіанскія наставленія. Размышленія и благодаренія. Письма келейныя и посланныя.

Оглавленіе. **Томъ II.** Объ истинномъ христіанствѣ.—О словѣ Божіемъ.—О духовной мудрости.—О сердцѣ человѣческомъ.—О языкѣ человѣческомъ.—Какъ великое зло есть грѣхъ.—О пристрастіи ко грѣху.—О слѣпотѣ человѣческой.—О суетномъ украшеніи.—О гордости.—О зависти.—О гнѣвѣ и о злобѣ.—О клеветѣ и осужденіи.—О лжи, лести и лукавствѣ.—О праздности.—О пьянствѣ.—О сребролюбіи и лихоимствѣ.—О лихвѣ и процентѣ.—Объ обидѣ убогихъ.—О славолюбіи и честолюбіи.—Объ удаленіи отъ зла.—О гнѣвѣ Божіемъ противъ грѣха.—Какъ Богъ призываетъ грѣшника на покаяніе.—О надеждѣ и утѣшеніи кающихся.—Что есть покаяніе.—О плодахъ покаянія.—Угрозы некающимся.—О смерти. О страшномъ судѣ.—О мукѣ вѣчной и о жизни вѣчной.—О страхѣ Божіемъ.—О смиреніи.—Объ отреченіи отъ міра.—О любви Божіей.—Объ узкомъ пути.—О терпѣніи.—О благодареніи Бога.—О надеждѣ.—О молитвѣ.—О любви къ ближнему.—О милости къ ближнему.—Объ отпущеніи согрѣшеній къ ближнему.—О любви ко врагомъ.—О концѣ добрыхъ дѣлъ.—О постоянствѣ въ вѣрѣ.—О евангеліи.—О вѣрѣ.—О Святой Церкви.—О Святомъ Крещеніи.—О послушаніи Богу.—О прославленіи имени Божія.—О жертвѣ христіанской.—О подражаніи Богу.—О призываніи Бога.—О вѣрѣ во Христа.—О любви ко Христу.—О почитаніи страстей Христовыхъ.—О работѣ Христу.—О послѣдованіи Христу вѣрою и любовію.—О храненіи вѣры.—О слушаніи и чтеніи слова Божія.—О христіанскомъ званіи.—О повседневномъ покаяніи.—О смертныхъ грѣхахъ.—О противленіи вожделѣніямъ и похотямъ плотскимъ.—О плодахъ вѣры и новаго рожденія.—Въ чемъ плоды оправданія.—Каковы обязанности христіанина, получившаго оправданіе.—Что должно побуждать христіанина избѣгать грѣха.—Чѣмъ утѣшаться христіанину въ скорбяхъ.—Объ успѣхѣ христіанскомъ.—О благородствѣ, достоинствѣ и красотѣ души человѣческой.—Объ истинной печали.—О совершеніи всѣхъ дѣлъ во славу Божію.—О побужденіи грѣшника къ покаянію.—О долгѣ христіанскомъ въ отношеніи къ ближнему.—О взаимныхъ христіанскихъ обязанностяхъ.—О христіанской власти и подвластныхъ.—О долгѣ монарховъ и подданныхъ ихъ.—О долгѣ судей и подсудимыхъ.—О долгѣ пастырей и паствы и друг.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Преосвящ. ИННОКЕНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО.

Большой томъ, свыше 1000 страницъ убористаго шрифта.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Въ роск. перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

До сихъ поръ сочиненія Преосвящ. Иннокентія, за которымъ упрочилось наименованіе „Русскаго Златоуста", были недоступны для большинства по своей цѣнѣ. ***Настоящее изданіе является первымъ общедоступнымъ.***

Оглавленіе. О религіи вообще.—Объ откровенной религіи христіанской.—Объ откровеніи.—Божественное происхожденіе христіанской религіи.—Отношеніе христіанства къ другимъ религіямъ.—Объ отличіи нашей церкви отъ прочихъ.—О Богѣ, какъ учредителѣ царства нравственнаго или небеснаго.—О существѣ, умѣ и волѣ Божіихъ.—О Богѣ троичномъ.—О сотвореніи міра.—О промыслѣ или провидѣніи.—О духахъ.—Чтеніе евангельскихъ сказаній о земной жизни Іисуса Христа.—Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.—Іисусъ Христосъ.—Искупитель человѣческаго рода.—Объ усвоеніи заслугъ Христовыхъ.—О благодати.—Объ отношеніи царства Христова видимаго къ невидимому.—*Сборникъ проповѣдей* Преосв. Иннокентія.

Тип. П. П. Сойкина.